

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ СИБИРИ**

№ 1, 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

*СИБИРЬ И БЕЛОРУССИЯ:
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ*

Соколовский И.Р. Русские воеводы Сибири и выходцы из Великого княжества Литовского в первой трети XVII в.	5
Ананьев Д.А. Выходцы из западных окраин Российского государства в Сибири (XIX – начало XX вв.): взгляд зарубежных историков.	8
Каменецкий И.П. Выходцы из белорусских земель на службе в Сибири в XVII в.	12
Гурьянова И.С. Старообрядцы и «литовские» книги.	16
Фёдоров И.Г. Монастыри Енисейской епархии в досоветский период и влияние на них уроженцев западной части Российской империи.	20
Туманик Е.Н. Материалы к биографии сибирского чиновника середины XIX в. Г.С. Бильдзюкевича.	24
Кухаренко А.А. Архивные документы по истории белорусских отделений Крестьянского поземельного банка.	28
Литвин А.М. Уроженцы Сибири в партизанском движении и подполье Белоруссии (1941–1944 гг.).	32
Шиловский М.В. Сибирские воинские формирования в боях за освобождение Белоруссии в 1943–1944 гг.	37
Куперштох Н.А. Роль академика В.А. Коптюга в приумножении и сохранении научного потенциала России и Сибири в 1980–1990-е гг.	42
Лин Д.Г. Трансформация сельской семьи в Республике Беларусь в последней трети XX – начале XXI в.	46
Разуванова К.С. Современная белорусская диаспора в Российской Федерации: к вопросу об истории, основных проблемах и аспектах изучения.	51
Комлева Е.В. История и культура белорусов Сибири в освещении современной российской историографии.	56
Шелегина О.Н. Этнокультурное наследие белорусов в музеях Сибири: результаты и перспективы актуализации.	60

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Раздорский А.И. Пушная торговля и промыслы в трудах П.Н. Павлова.	65
Пивоваров Н.Ю. От объединения к противостоянию: из истории взаимоотношений Союза сибирских кооперативных союзов (Закупсбыта) и Центросоюза в 1916–1919 гг.	70
Котик Ю.В. Профессиональная подготовка налоговых работников УССР в годы нэпа.	75
Калинин В.А. Лагерные театральные коллективы на строительстве Трансполярной магистрали.	79
Романов Р.Е. Денежные стимулы труда рабочей молодежи оборонных предприятий Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945).	83
Долголюк А.А. Кадры строительных организаций Сибири в послевоенное десятилетие.	87
Шугай Л.Г. Политическая ситуация в Казахстане накануне и в начале освоения целинных и залежных земель.	91

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Протасов А.Д., Токмакова А.Ю. Михаил Ксаверьевич Корбут как исследователь рабочего страхования в дореволюционной России.	94
Summary	98

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), доктор *Ч. Дашдаваа* (Улан-Батор, Монголия), д-р ист. наук *Н.И. Дроздов* (Красноярск), д-р ист. наук *В.П. Зиновьев* (Томск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук *О.Н. Катионов* (Новосибирск), д-р ист. наук *Ю.Ф. Кирюшин* (Барнаул), академик РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), д-р ист. наук *Н.А. Томилов* (Омск), доктор *Е.Б. Сыдыков* (г. Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, д-р ист. наук *С.А. Красильников*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *В.Е. Ларичев*, д-р ист. наук *С.Н. Лютов*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *А.Л. Посадсков*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *О.Н. Шелегина*

В формировании и подготовке к печати раздела «Сибирь и Белоруссия: этнокультурное взаимодействие и развитие регионов» принимала участие канд. ист. наук *Е.В. Комлева*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31.
<http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редактор *В. И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемужева*

Подписано к печати 17.03.14. Формат 60×84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 14,2. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Заказ № 54.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

N 1, 2014

CONTENTS

*SIBERIA AND BELORUSSIA:
ETHNO-CULTURAL INTERRELATIONS AND REGIONAL DEVELOPMENT*

Sokolovskiy I.R. Russian Governors of Siberia and Descendants from the Grand Duchy of Lithuania (Belarusian and Lithuanian Lands) in the First Third of the XVII Century	5
Ananyev D.A. Descendants from Western Outskirts of the Russian State in Siberia (XIX - Early XX Century): Foreign Historians' Viewpoints	8
Kamenetskiy I.P. Natives of the Belarusian Lands serving in Siberia in the XVII Century	12
Gurianova N.S. The Old Believers and "Lithuanian" Books ("Litovskie" Knigi)	16
Fedorov I.F. Monasteries of the Yeniseisk Diocese during the Pre-Soviet Period As Influenced by the Descendants from Western Parts of the Russian Empire Including Byelorussia and Ukraine	20
Tumanik E.N. Materials to the Biography of the Mid-XIX Century Siberian Official H.S. Bildzyukevich	24
Kukharenka A.A. Archival Documents on the History of Belarusian Branches of the Peasant Land Bank	28
Litvin A.M. Natives of Siberia in Partisan Movement and Underground of Belarus (1941-1944)	32
Shilovskiy M.V. Siberian Military Formations in the Combats for the Liberation of Byelorussia in 1943–1944	37
Kupershtokh N.A. The Role of Academician Valentin A. Koptuyg in the Development and Preservation of the Scientific Potential of Russia and Siberia in the 1980s-1990s	42
Lin D.G. Transformation of Rural Families in the Republic of Belarus in the Last Third of the XX – Early XXI Centuries	46
Razuvanova K. S. Modern Belarusian Diaspora in the Russian Federation: on the History, Major Problems and Aspects of Study	51
Komleva Ye.V. History and Culture of Byelorussians in Siberia in Contemporary Russian Historiography	56
Shelegina O.N. Ethno-Cultural Heritage of Belarusians in Siberian Museums: Results and Prospects of Actualization	60

PROBLEMS OF HISTORY

Razdorskiy A.I. Fur Trade and Crafts in P. N. Pavlov's Studies	65
Pivovarov N. Yu. From Unity to Competition: History of Relations between the Union of Siberian Cooperative Unions (Zakupsbyt) and Tsentrosoyuz in 1916 – 1919	70
Kotyk Y.V. Professional Training of Tax Officials in the USSR during NEP	75
Kalinin V.A. Prison Camp Theater Troupes during the Construction of Trans-Polar Railroad	79
Romanov R.Ye. The Monetary Incentives of the Industrial Activities of the Young Workers of Siberian Defense Enterprises during the Great Patriotic War (1941-1945)	83
Dolgolyuk A.A. Personnel of Construction Organizations of Siberia in the Postwar Decade	87
Shuhay L.G. Political Situation in Kazakhstan before the Beginning of Virgin and Fallow Lands Campaign	91

REPORTS, SCIENTIFIC LIFE

Protasov F.D., Tokmakova A.Y. Mikhail Ksaveryevich Korbut as Researcher of Workers' Insurance in Pre-Revolutionary Russia	94
Summary	98

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC MAGAZINE
“GUMANITARNIYE NAUKI V SIBIRI”**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseev* (Ekaterinburg), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Doctor *Ch. Dashdavaa* (Ulan Bator, Mongolia), Doctor of historical sciences, Professor *N.I. Drozdov* (Krasnoyarsk), Doctor of historical sciences, Professor *V.P. Zinovyev* (Tomsk), Doctor of historical sciences *V.A. Ilyinyh* (Novosibirsk), Doctor of historical sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor of historical sciences, Professor *Yu.F. Kiryushin* (Barnaul), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor of historical sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor, Professor *E.B. Sydykov* (Astana, Kazakhstan Republic), Doctor of historical sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical sciences, Professor *V.I. Shishkin*, doctor of historical sciences *A.H. Elert* (Novosibirsk).

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical sciences *V.A. Ilyinyh*
Executive secretary – Candidate of historical sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical sciences *D.A. Ananyev*, Candidate of historical science *S.N. Andreekov*, Doctor of historical sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical sciences, Professor *V.A. Isupov*, Doctor of historical sciences, Professor *S.A. Krasilnikov*, Doctor of historical sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical sciences *V.E. Larichev*, Doctor of historical sciences *S.N. Lyutov*, Doctor of historical sciences, Professor *N.P. Mathanova*, Doctor of historical sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical sciences *A.L. Posadskov*, candidate of historical sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor).

Editorial address: 630090 Novosibirsk, Ul.Nikolaeva, 8
Institute of History, SBRAS, room no. 301, tel. 8-383-330-24-31
<http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Smirnova, Vera Ivanovna

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, № 0110807

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
630090, Novosibirsk, Morskoy Pr., 2

СИБИРЬ И БЕЛОРУССИЯ: ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ

УДК 94(47). 046

И.Р. СОКОЛОВСКИЙ

РУССКИЕ ВОЕВОДЫ СИБИРИ И ВЫХОДЦЫ ИЗ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII в.

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: sokolowski@yandex.ru

Московское царство и Великое княжество Литовское в составе Речи Посполитой (княжество владело русскими и белорусскими землями) были государствами, происходившими из одного корня – культуры Древнерусского Киевского государства. В ходе исторического развития их пути существенно разошлись. Это определяло как взаимное понимание, так и взаимное непонимание подданных обоих государств.

В 1632 г. русские войска блокировали крепость Смоленск, которую защищал польский гарнизон и силы «посполитого рушения», собравшие окрестной шляхтой. Русской армией командовал Михаил Борисович Шеин, который в 1607–1611 гг. был комендантом Смоленска и руководил его обороной от поляков. Русские интенсивно обстреливали крепость, но взять ее не смогли. В сентябре 1633 г. к Смоленску подошла польская армия под командованием короля Владислава IV. Русское войско оказалось в ловушке. В феврале 1634 г. русская армия капитулировала. Война закончилась, однако за два года ведения военных действий в Сибири оказалась значительная группа выходцев из белорусских земель.

В августе 1633 г. в Томск прибыло около 150 чел. «литвы», которых 14 июня 1634 г. «пашенный крестьянин» Тимофей Емельянов Смолянин обвинил в подготовке заговора. По его словам, заговорщики хотели убить русских казаков во главе с воеводой и устроить побег большой группы военнопленных на Запад, с целью добраться до «Литвы». Следствие и опрос населения дали довольно скромные результаты. Многие говорили, что в первый раз слышат о заговоре. Однако воевода принял решительные меры и приказал повесить 12 чел., которых он счел наиболее опасными. После этого в Москву были отправлены материалы следствия, они и являются нашим единственным источником. Основная часть этих материалов публикуется в качестве приложения к данной статье.

Военнопленные в Сибири в 1630-е гг. воспринимались двойственно. С одной стороны, они не были совсем «чужими»: имели понятные имена и говорили на понятном языке. С другой стороны, большая группа военнопленных воспринималась местными жителями как угроза, и от государства они требовали принять меры к удалению военнопленных из города.

Ключевые слова: Сибирь, Белоруссия, связи, Литва, население, боевые действия, гарнизоны, XVII–XVIII вв.

В истории Сибири существует ряд тем, к которым обращаются регулярно [1]. К ним относится и проблема взаимодействия различных этносов, из которых складывалось население Сибири с начала русского этапа колонизации.

В начале XVII в. белорусские земли находились в составе Великого княжества Литовского (с 1569 г. вместе с землями польской короны оно входило в Речь Посполитую). Война последней с Московским царством в 1630-е гг. вызвала перемещение населения между белорусскими землями и Россией. Различные категории русских побывали на белорусских землях, находясь в составе вооруженных сил. В ходе воен-

ных действий не только военные, но и гражданское население с белорусских земель оказывалось в Сибири [2; 3].

Осенью 1632 г. русская армия заняла ряд приграничных городов и замков Речи Посполитой. Польский современник писал: «Лета Господня 1632, 14 числа октября. Русские, нарушив присягу, которую утверждено было перемирие на 14 лет, напали из Вязьмы на Дорогобуж, сожгли город, а крепость сдали им наши капитаны Вульф и Юрий Ласквина» [4, с. 722]. В этих боях в плен могла попасть какая-то часть белорусского населения, проживавшего и воевавшего в Витебском и Мстиславльском воеводствах [5, с. 235].

Русские войска подошли к Смоленску, укрепления которого были недавно обновлены поляками. Гарнизон из 1600 чел. с 170 пушками командовал А. Гонсевский. К ним присоединилась окрестная шляхта. Дважды в город сумели прорваться подкрепления – около 1000 чел. [5, с. 235].

Командующий русской армией Михаил Борисович Шеин в 1607–1611 гг. был смоленским воеводой. Под его командованием находилась армия в 32 тыс. чел. с 149 орудиями. Она включала прослойку иноземных офицеров, в том числе шотландцев. Иностранцы инженеры создали развитую систему осадных укреплений. Русская армия добилась определенных успехов при бомбардировке крепости, однако общий штурм потерпел поражение [5, с. 235].

После десяти месяцев блокады к Смоленску подошла двадцатипяти тысячная польская армия под командованием короля Владислава IV (сентябрь 1633). Армия Шеина оказалась в ловушке. В феврале 1634 г. Шеин был вынужден капитулировать. Война завершилась Поляновским мирным договором (1634) и обменом пленными [5, с. 236].

Военные историки пишут, что в результате войны «...воинские части “нового строя” в 1634 ...были распущены и иностранным наемникам приказано было покинуть страну» [6, с. 113]. В Сибири был большой приток военнопленных этой войны. Подобное изменение этнографического баланса в сибирских городах вынудило местные власти к взаимодействию с большими группами иноязычного и инуюльтурного населения.

Данные о событии, за которым в литературе закрепилось название «заговор томской литвы», впервые введены в научный оборот Н.Н. Оглоблиным. «Заговор» отражает все сложности взаимодействия двух народов.

Не опубликовав дела, Н.Н. Оглоблин его пересказал. Он начинает с обзора документов. В деле сохранились: «1) отписка томских воевод стольника кн. Никиты Ивановича Егупова-Черкасского, товарища его Федора Григорьевича Шишкина и дьяка Андрея Строева, в июне 1634 г., 2) приложения к отписке распросные речи в Томской съезжей избе обвиняемой в заговоре литвы и др. лиц и 3) выпись Сибирского приказа для доклада государю» [7, с. 6].

Делу о заговоре предшествовал сам факт появления «литвы» в Томске. Оглоблин сообщает читателю общую численность «литвы» в Томске и дает обзор источников ее происхождения. Он пишет, что в августе 1633 г. в город была прислана большая группа «литовских людей», общей численностью в 150 чел. Их «поверстали» в «службу» и «пашню» и распределили между «конными» и «пешими казаками», а также направили в «пашенные крестьяне». Часть из них даже оказалась на командных должностях «в детях боярских». Происхождение их было самым различным: «большинство «новоприсыльных литовских людей» было из Белоруссии – уроженцы «поветов» Мстиславского, Кричевского, Оршанского, Могилевского, Пропойского и др.». Затем Н.Н. Оглоблин переходит к выяснению соотношения численности «литвы» и служилых людей. Численность была названа им среди важных факторов возникновения конфликта; «вместе с старою литвою число ея доходило до 200 человек», добавляя: «сила значительная для глухой Сибири того времени!» [7, с. 7].

Без ссылки на источники Н.Н. Оглоблин пишет о моральном состоянии пленных: «Вся эта разношерстная “лит-

ва” с трудом сживалась с новою обстановкою и деятельностью и томилась тоскою по родине...» [7, с. 7].

Описывая сам «заговор», Н.Н. Оглоблин приводит данные о составе «заговорщиков». По его данным, «непосредственное участие в заговоре приняли около 50 служилых людей (1 боярский сын, 1 «затинщик», остальные конные и пешие козаки) и около 25 крестьян» [7, с. 7].

Много внимания Н.Н. Оглоблин уделяет выявлению верхушки заговора. Это Иван Петров Белиловец томский «конный казак», родом из Нежина, присланный недавно, и Иван Краснопольской – «староверстанский литвин» [7, с. 8]. С точки зрения Н.Н. Оглоблина относительно И. Краснопольского в воеводской отписке содержится «странная оговорка»: «а он с ними ж (заговорщиками) думал в начале» [7, с. 8]. Еще в руководство заговора воеводы зачислили «затинщика» Василия Борисова, конного казака Мосязку (Моисея) Голящевского, пеших казаков Софрона Стасейского (нежинца), Кондрата Михайлова («козак из Носовки») и Тимофея Левонтьева, крестьянина Софрона Иванова и Зеновия Левонтьева – «хлопа» томского воеводы князя Егупова-Черкасского» [7, с. 8]. Примыкал к этой группе принадлежавший к служилой верхушке сын боярский Михаил Гробовецкий [7, с. 9].

Затем Н.Н. Оглоблин повествует о раскрытии заговора. «Заговор» был раскрыт летом 1634 г.: «литва» планировала овладеть городом, перебить воевод и русских служилых людей, затем – бежать на родину... Однако 14 июня явился в съезжую избу к воеводам пашенный крестьянин Тимофей Емельянов Смольянин и «извещал в изменном деле» на всех 150 новоприсыльных литовских людей» [7, с. 9]. Воеводы немедленно схватили «литовских людей» и «про тот воровской завод спрашивали и пытали и огнем жгли»... Все главные деятели заговора «винились» во всем, в чем их оговорили. Большинство же казаков и все крестьяне решительно заявили, что о заговоре ничего «не ведали» [7, с. 10].

Заканчивает Н.Н. Оглоблин пересказом приговора. По приказу воеводы казнены были конные казаки – И. Белиловец, И. Краснопольской и М. Голящевской, «затинщик» В. Борисов, пешие казаки – С. Стасейской, К. Михайлов, Т. Левонтьев, Г. Гришин, И.С. Басань («с Павлолчья»), П. Салтыковской, крестьянин С. Иванов и холоп З. Левоньев. Остальных посадили в тюрьму, а «распросные речи» и отписку воеводы отправили в Москву [7, с. 11]. Доклада государю не последовало, как говорит следующая помета приказа: «по сей выписке не докладывано, потому что те литовские люди взяты к Москве...» [7, с. 10].

Н.Н. Оглоблин специально не отмечает, что, кроме места выхода, ссыльные были связаны с белорусскими землями еще по данным ономастики. Большинство из них имело личные имена в той форме, в какой они распространены среди лиц, окрещенных в православной, а не в католической церкви. Большинство фамилий было произведено от таких имен из православного ономастикона. Важным фактором, усугубившим ситуацию, являлось наличие в этой партии ссыльных так называемых черкас (из Нежинского повета, из Стародуба, Чернигова, Павлолчи и др.). Был даже один выходец из Львова¹. «Черкасы» проживали в той части Речи Посполитой, которая подвергалась постоянным набегам и поэтому

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 40. Л. 278–283.

обладали более «фронтирными» поведенческими привычками. Н.Н. Оглоблин не мог сравнить численность этой группы с численностью всех служилых Западной Сибири, а мы можем, так как на 1634 г. служилых людей было около 4 тыс. Это подтверждает мнение Н.Н. Оглоблина о томской «литве» как о локальной боевой силе.

Выводы Оглоблина о готовности «литвы» к бунту не подтверждены никакими источниками и проистекают, вероятно, из его интерпретации ситуации в духе официальных документов². Так ли это было или нет на самом деле, мы не знаем, а единственным источником, повествующем об этом событии, является воеводская отписка, которая, учитывая принятые Н.И. Егуповым-Черкасским суровые меры, должна была максимально последовательно проводить его точку зрения.

Согласно приводимым им данным в заговоре приняла участие не вся «литва», а только 25 % от общего числа ссыльных. Состав руководства заговора вызывал у Н.Н. Оглоблина определенные сомнения, которые он разрешает согласно тенденции документа. Оглоблин также оставил без комментариев тот факт, что воеводская отписка содержит противоречие: извет был обо всей «литве», а обыск выявил вину меньше чем половины, из которой под пытками призналось менее 10 чел.

Еще важно отметить, что, несмотря на культурную и языковую близость, между выходцами из белорусских земель и русскими Сибири имелись определенные, в том числе

и языковые, отличия, которые могли затруднять взаимопонимание особенно в условиях допроса «с пристрастием».

Процесс взаимодействия сибиряков и выходцев из белорусских земель в XVII в. определялся рядом факторов: 1) существовало культурное и конфессиональное единство (данные антропонимии отражают это единство на уровне схожести не только личных имен, но и фамилий); 2) имела определенная языковая близость, так как судебные-следственные документы не упоминают необходимость «толмачить» вопросы следователей и ответы подсудимых. По крайней мере, документ создан в рамках «наивной веры», что вопросы и ответы были поняты верно; 3) «литву» в Томском остроге в 1634 г. воспринимали как «чужих», вселявших страх; 4) вместе с тем документ содержит элемент очень сильной веры в мощь человеческого потенциала «литвы», способной «проиматца» на Волгу, через тысячекилометровые расстояния, перегоняя с собой лошадей.

В приложении к тексту мы даем основную часть следственного дела, отражающую официальную точку зрения воевод на события в Томске летом 1634 г.

Документ публикуется согласно Правилам издания исторических документов в СССР 1990 г. с некоторыми изменениями: титул не сокращается (ср. п. 94 Правил), буквенная цифирь передается арабскими цифрами, в квадратных скобках даны восстановленные и неуверенные чтения поврежденных участков текста. Нумерация листов архивных документов приводится в круглых скобках.

1. [после 25 июля 1634 г.] –

Отписка томского воеводы Н.И. Егупова-Черкасского с товарищами о мерах по пресечению «заговора томской Литвы».

(л. 265)

Государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, холопи твои, Никита Егупов-Черкасский, Федька Шишкин, Ондрюшка Строев челом бьют. В нынешнем, государь, во 142-м году, июля в 14 день извещал нам, холопом твоим, в Томском, в съезжей избе, твой государев пашенной крестьянин Тимошка Емельянов Смолянин твое государево изменное дело на новоприсланных, на литовских людей, которые по твоему государеву указу присланы в Томской из Тобольска в прошлом, в 141-м году, в августе и поверстаны, государь, они были в конные и пешие казаки, а иные написаны в пашенные крестьяне, на пеших, на Кондрашку Михайлова, да на Тимошку Левонтьева, да на конных, на Ивашку Петрова сына Белиловца, и на всех новоприсланных литовских людей, что, государь, они, литовские люди, человек с полтора, умыслили воровское лихое дело, хотели, государь, в Томском твою казну пограбить, а нас, холопей твоих, и томских служилых и всяких людей побить всех, а город и острог, и посад сжечь, и, взяв лошадиное стадо, и бежать степью мимо Тар[ы] на Волгу и проимаца в Литву.

И по тому, государь, Тимохиному извету, мы, холопи твои, тех воровских литовских людей, Кондрашку Михайлова и Тимошку Леонтьева, и Ивашку Белиловца, про тот воровской завод спрашивали и пытали, и на кого, государь, они, Ивашко Белиловец с товарищи в роспросе и с пытки говорили, и тех, государь, мы, холопи твои, спрашивали и пытали, и тут же, государь, с ними новоприсланными // тому воровству (л. 266) заводчик староверстанной литвин, конной казак Ивашко Краснопольской, да затинщик, литвин же, Васька Борисов, да мой, холопа твоего, Никитки, человек, литвин, Зиновко Леонтьев. А у того, государь, литвина Ивашка Краснопольского, тому воровскому и думали, и приходили, государь, все те воры и советовали, к нему на двор.

А он с ними ж думал в начале, а первой, государь, у них всему тому злому совету заводчик Ивашка Белиловец и с те[м] на дворе у того Ивашко Краснопольского и он, государь, литва новоприсыльные конные и пешие и из пашенных крестьян в том воровском заводе, что хотели твою государеву денежную, соболиную и зелейную казну разграбить, а нас, государь, холопей твоих, и томских служилых и всяких людей побить, и город, и острог зжечь, изплоша в деловую пору, в жнитво и в сено//кос (л. 267), а в тое, государь, пору, служилые люди живут по заставам и в проезжих, и в отъезжих сторжах, и в городе, государь, в ту [...] пору людей живет мало,

² Там же. Л. 265.

только одни караульщики, что по городовым и по острожным воротам, и бежать в [равилой] в степь, мимо Тары на Волгу и в Литву, винулись.

И мы, холопы твои, за такую великую измену, и за воровской лихой завод, которые в том воровском деле были большие пущие заводчки, десять человек, велели повесить.

Ис конных Ивашка Петрова сына Белиловца, нежинца Мосящку Голещецкого, да ис пеших, государь, Софронка Стасейского, нежинца Кондрашку Михайлова, казака из Носовки Тимошку Левонтьева, Гаврилка Гришина, нежницкого повета Ивашко Степанова, прозвище Басав Спиволюня, Петрушку Салтыковского Востиславского повету, да из пашенных, государь, из новоприсыльны, литвина ж, Софронка Иванова, да моего холопа твоего Никитки, чеовека, литвина ж, Зеновка Левонтьева, да дву человека Ивашку Краснопольсково // (л. 268) у которого, государь, был завод и совет, да затинщика Ваську Борисова велели казнить смертною казною.

А что, государь, те воры, которых казнили и которые, государь, посажены в тюрьму, в роспросе и пытки говорили, и те, государь, распросные и пыточные речи послали мы, холопы твои, к тебе, государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси к Москве с томским сыном боярским Левонтием Полтевым, да с томскими служилыми людьми с Агейком Чижовым, да с Федькою Засудиным с товарищи, Да и во многих, государь, в Томском в ссыльных, в литовских и русских людях, в донских и в волских казаках, и в пашенных крестьянах о побеге шатость, а [только] государь, по твоему государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу в Томской и Томского разряда остроги будут ссыльные литовские, и русские воровские люди в служилые и в пашенные крестьяне, и с тех, государь, воровских ссыльных людях опроче дурна и воровского заводу некоторого добра не чают.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 40. Л. 265–268.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев Д.А.* История Сибири конца XVI – начала XX в. в англо- и германоязычной историографии: основные концепции и подходы к изучению // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 3–7.
2. *Резун Д.Я., Соколовский И.Р.* О «литве» в Сибири в 17 в. // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 22–64.
3. *Каменецкий И.П.* Выходцы из белорусских земель на службу в Сибири в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 12–16.
4. Отрывки дневника о войне царя Михаила Феодоровича с польским королем Владиславом 1632–1634 // Русская историческая библиотека. СПб., 1872. Т. 1.
5. *Gierowski J.* Historia Polski. 1505–1864. Warszawa, 1978. Т. 1.
6. *European Warfare 1494–1660* / ed. Jeremy Black. Palgrave, 2002.
7. *Оглоблин Н.Н.* Заговор томской литвы в 1834 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1894. 8 кн. (Отд. отт.)

Статья поступила
в редакцию 11.11.2013

УДК 930 (57)“15/19”

Д.А. АНАНЬЕВ

ВЫХОДЦЫ ИЗ ЗАПАДНЫХ ОКРАИН РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В СИБИРИ (XIX – НАЧАЛО XX вв.): ВЗГЛЯД ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОРИКОВ

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: denis.ananyev@gmail.com

На протяжении нескольких столетий в Сибири формировался сложный полиэтничный социум, объединивший в себе представителей самых разных народов, в том числе выходцев из белорусских, украинских и польских земель (до 1917 г. – западных окраин Российской империи). Перед сибиреоведами стоит задача более глубокого изучения истории межэтнических контактов и той роли, которую сыграли в колонизации региона представители различных этнических групп.

Наряду с отечественными специалистами изучением этой темы активно занимаются специалисты из Польши, Беларуси, Германии, США, других стран. Автором настоящей статьи предпринята попытка выявить основные подходы зарубежных исследователей к изучению исторических связей между Сибирью и западными окраинами Российской империи и определить перспективы дальнейшей научной разработки темы. Анализ проблематики исследований показал, что в зарубежной сибиреведческой литературе судьбы выходцев из западных окраин империи рассматриваются, как правило, через призму истории каторги и ссылки; массовых крестьянских переселений за Урал; проблем этносоциального и конфессионального развития. Особое внимание при этом уделяется периоду XIX – начала XX в., когда приток переселенцев из европейской части России в Сибирь стал наиболее массовым.

В течение последних десятилетий в зарубежной историографии, посвященной данной теме, происходило постепенное смещение акцента с поиска универсальных схем исторического процесса (например, в рамках «модернизационного» подхода) к более пристальному изучению этнокультурных аспектов колонизации, проблемам «национальной идентичности», специфике «цивилизационного» развития и «империостроительства». На современном этапе более глубокому изучению истории межэтнических отношений и выяснению действительной роли украинцев, белорусов, поляков в процессе освоения Сибири могут способствовать совместные исследовательские проекты, предполагающие объединение усилий представителей различных историографических школ и направлений.

Ключевые слова: Российская империя, Сибирь, колонизация, модернизация, украинцы, поляки, белорусы, ссылка и каторга.

Судьбы выходцев из западных окраин империи рассматриваются в сибиреведческой зарубежной литературе, как правило, через призму истории каторги и ссылки, массовых крестьянских переселений за Урал, а также особенностей этносоциального и конфессионального развития. Особое внимание посвящается периоду XIX – начала XX в., когда приток переселенцев из европейской части России в Сибирь стал наиболее массовым.

Проблемы истории политической ссылки в Сибирь привлекали внимание многих современных историков – в первую очередь представителей польской историографии [1–7]. По замечанию А. Новака [8], подход, в рамках которого империя (царизм) рассматривается прежде всего как система угнетения и преследований, провоцирующая ответную реакцию со стороны представителей польского общества, после 1989 г. нашел наиболее полное воплощение в работах В. Сливовской [9; 10], которая, впрочем, отмечала, что сибирская ссылка была мягче, нежели ссылка в британские и французские колонии [11].

Заметный вклад в изучение темы внесла другая польская исследовательница – Э. Качиньская, анализирувшая карательные меры и системы заключения в Царстве Польском, а также историю ссылки и каторги в Сибири с позиций «модернизационного» подхода [12]. В статье, написанной Э. Качиньской совместно с Б. Грушинской и опубликованной в 1990 г., показано, как изменения в системе наказаний Российской империи отражали процесс модернизации государственного управления и эволюцию общественно-политической мысли [13]. Авторы отметили, что в течение XIX в. в России наблюдалась общая тенденция к смягчению законодательства и депенализации общественно опасных деяний. Среди всех видов наказаний наиболее распространенными становились штрафы. В то же время особенностью России стало сохранение и развитие системы ссылки и каторги. В эпоху «великих реформ» Александра II пенитенциарная система также была модифицирована, хотя реформы проводились непоследовательно и с задержками.

По данным польских исследовательниц, до 1860 г. среднегодовое число ссыльных в Сибирь составляло 5,3–10 тыс. чел.; позже данный показатель вырос до 13,8 тыс. чел. и достиг максимума в 18 тыс. чел. в 1881–1885 гг. В сравнении с основной массой свободного населения Сибири количество ссыльных в XIX в. сократилось: в конце XVIII в. оно составляло 16 %, тогда как в середине XIX в. – 6,9 % от общей численности населения. Политические ссыльные играли огромную роль в истории Сибири. Однако с точки зре-

ния статистики это была лишь горстка людей в общей массе преступников, за исключением 1860-х гг., когда в Сибирь прибыли более 12 тыс. участников Январского польского восстания. Но и тогда их доля не превысила 2,5 % от общего числа ссыльных, уже проживавших в Сибири.

Американский историк Э. Джентес, основываясь на данных из работ Л.П. Рошевской, В.Н. Дворянова, П.И. Казаряна и других, сообщает о 18–24 тыс. политических ссыльных, оказавшихся в Сибири после восстания 1863–1864 г. [14]. Историк пришел к выводу, что приток в Сибирь участников Январского восстания привел к коллапсу всей инфраструктуры системы ссылки, и, как следствие, к вынужденному смягчению наказаний и серии амнистий (хотя официальная политика, направленная на ужесточение борьбы с преступностью, способствовала общему росту количества ссыльных). Правительство также рассчитывало на сибирское крестьянство, которое в случае необходимости должно было оказывать ссыльным помощь. Кроме того, многие участники восстания принадлежали к «благородному сословию» и пользовались особым расположением со стороны местных сибирских властей, тем самым доказывая, что даже «бунтовщики» могли рассчитывать на привилегии в силу социального происхождения. Другим обстоятельством, оказывавшим смягчающее действие, была реакция международной общественности и русских интеллектуалов в самой России.

В то же время Э. Джентес не склонен поддерживать сторонников теории «модернизации», высоко оценивающих либеральные реформы XIX в., поскольку, по его мнению, такие исследователи остаются в плену позитивистского подхода. В представлении американского историка, позитивисты ищут закономерности, ключевые факторы и «вехи» в истории (такими вехами в истории общества можно считать, например, реформы), знаменующие поступательное и линейное развитие исторического процесса в целом и национального государства в частности. Э. Джентес ставит под сомнение идею общественного прогресса, при этом считает более реалистичным путь, ориентированный на самосовершенствование каждого индивида [15, р. 220]. В целом концепция Э. Джентеса соответствует преобладающим тенденциям в современной западной историографии, ориентированной на «индивидуализацию» исторического исследования (с повышенным интересом к субъективным эпистемологическим установкам самого исследователя) и преимущественное внимание к специфическому, а не типическому.

Особенности объекта исследования акцентируются в рамках «цивилизационного» подхода, представители которого в польской историографии освещали процесс вовлечения поляков в различные сферы жизнедеятельности сибирского общества, в том числе их участие в деятельности местной администрации, общественной жизни, научном изучении региона, культурное взаимодействие поляков и сибиряков [16].

В ряде работ затрагивалась история межконфессиональных контактов русских и поляков. В частности, сотрудница Гданьского университета Анна Пек опубликовала исследование по истории иезуитской миссии в Иркутске (1812–1820). Она пришла к выводу, что российские власти дали согласие на учреждение миссии, поскольку полагали, что возможность отправления христианских обрядов побудит выходцев из западных регионов империи навсегда остаться в Сибири, что, в свою очередь, должно было способствовать дальнейшей колонизации края и упрочению контроля России над территориями, прилегавшими к границе с Китаем. Со своей стороны, иезуиты были заинтересованы в восстановлении собственных миссий в империи Циннов. По определению А. Пек, история миссии показала, как «китайская мечта» поляков-иезуитов разбилась о политические и конфессиональные реалии России [17].

История крестьянских переселений в Сибирь на рубеже XIX–XX вв. анализировалась зарубежными исследователями также с позиций «модернизационного» и «цивилизационного» подходов. Известная американская исследовательница Барбара Андерсон в монографии «Внутренние миграции в эпоху модернизации в России XIX века», опубликованной в 1980 г., подвергла проверке собственное предположение о том, что ключом к пониманию причин миграций является регион происхождения мигрантов. Именно там потенциальные переселенцы испытывают определенное воздействие внешней среды, в результате чего у них формируется представление о новом, более предпочтительном для них месте проживания. Б. Андерсон предположила, что бедность и перенаселение сами по себе не вынуждают людей покидать свои деревни и перебираться в город. Для таких миграций требуется «современное» («модерновое») мировоззрение, желание изменить традиционный образ жизни и рискнуть выйти в открытый мир: только после этого люди захотят переселиться в другой, более развитый регион [18].

Для Российской империи конца XIX в. Б. Андерсон выстроила целую иерархию регионов (мест назначения), привлекавших наибольшее число мигрантов: наиболее отсталой была Азиатская Россия, более развитым – Урал и Донбасс, далее – некоторые города Европейской России, Санкт-Петербург и Москва. Вместе с тем каждый регион происхождения мигрантов оценивался по определенным критериям: плодородность почвы (аналог «устойчивой аграрной традиции»); естественный прирост населения (критерий демографического давления или перенаселен-

ности), грамотность (критерий «современности»), соотношение доли слуг и наемных рабочих (аналога «оплачиваемого труда» – атрибута «современности») и, наконец, удаленность от конкретного места назначения. Как заметил в своей рецензии на работу Б. Андерсон американский историк Игорь Стебельски, этнический состав населения не был одной из «переменных», анализируемых исследовательницей, что не позволило ей сравнить модели миграций, к примеру, русских и украинцев [19].

Анализируя миграционные потоки, в том числе в Азиатскую Россию, Б. Андерсон установила наличие положительной корреляции между уровнем оттока населения и высоким уровнем грамотности, а также высокой долей населения, занятого в промышленности, что подтверждало ее гипотезу о роли фактора «модернизации». Напротив, переселения продемонстрировали устойчивую отрицательную связь с естественным приростом населения, что опровергает аргументацию многих исследователей, полагавших, что отток населения был вызван демографическим давлением.

Используя статистику переселений за 1885–1909 гг. и сопоставляя два периода (1890–1894 и 1905–1909 гг.), Б. Андерсон выявила западный вектор смещения регионов происхождения тех, кто переселился в Азиатскую Россию. Учитывая, что это смещение происходило в сторону регионов с более развитым сельским хозяйством и столкнувшихся с проблемой перенаселения, Б. Андерсон предположила, что с течением времени фактор грамотности утрачивал прежнее значение, тогда как фактор демографического давления становился все более существенным. Высокий уровень миграций в Сибирь в 1890–1894 гг. обеспечили те губернии Европейской России, где была выше доля государственных крестьян (бывших однодворцев).

К 1905–1909 гг. основной приток мигрантов обеспечивали белорусские и малороссийские губернии, где преобладало подворное землевладение и успешно проводились в жизнь столыпинские реформы. Исследование также показало, что белорусские и русские крестьяне предпочитали переселяться в лесную зону Сибири, тогда как украинцы, в 1897 г. составлявшие 20 % всех переселенцев в Азиатскую Россию, обычно предпочитали селиться в более теплых приморских или степных районах. Впрочем, Б. Андерсон рассматривала ситуацию в Азиатской России в целом, не объясняя причины таких культурных различий. Вслед за И. Стебельским отметим, что американская исследовательница не уделила достаточного внимания фактору культурных предпочтений переселенцев.

Значение культурных и этнических особенностей сибирских колонистов подчеркивал немецкий исследователь А. Каппелер, изучавший историю формирования украинской диаспоры за пределами собственно малороссийских губерний Российской империи [20]. Он подчеркнул, что несмотря на суровые условия, украинцы, заселявшие степные районы Южной Сибири

и Северного Казахстана, добились в ведении хозяйства больших успехов, нежели русские, селившиеся в лесной местности. Поначалу украинские крестьяне проживали в закрытых, позднее – в этнически смешанных поселениях вместе с русскими, но никогда не селились вместе с татарами или казахами. Долгое время обязательным правилом для украинских переселенцев были внутриэтнические браки. Впрочем, исследователь признавал определенное взаимовлияние восточнославянских колонистов и казахов: часть местных кочевников переходила на оседлый образ жизни, тогда как выходцы из западных губерний России переняли у коренного населения Сибири и Северного Казахстана некоторые приемы скотоводства.

В целом для современных зарубежных исследователей, изучавших исторические связи западных и восточных окраин Российской империи, можно отметить постепенное смещение акцента с поиска универсальных схем исторического процесса (например, в рамках «модернизационного» подхода) к более пристальному изучению этнокультурных аспектов колонизации, проблемам национальной идентичности, специфике «цивилизационного» развития и «империостроительства». Как представляется, на современном этапе более глубокому изучению истории межэтнических отношений и выяснению действительной роли украинцев, белорусов, поляков в процессе освоения Сибири могут способствовать совместные исследовательские проекты¹, предполагающие объединение усилий представителей различных историографических школ и направлений; привлечение более широкой источниковой базы; применение разнообразного методологического инструментария.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шостакович Б.С. Итоги историографической разработки истории ссылки в Сибирь участников Январского восстания и задачи дальнейшего изучения темы // Проблемы российско-польской культуры и культурный диалог: материалы Междунар. науч. конф. Новосибирск, 2013. С. 107–121.
2. Caban W. Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831–1873. Warszawa, 2001.
3. Мулина С.А. Мигранты поневоле. Адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 года в Западной Сибири. СПб., 2012.
4. Niebelski E. Tunka. Syberyjskie losy księży zesłańców 1863 roku. Wrocław, 2011.

5. Серак Е.В. Ссылка в Сибирь участников восстания 1863–1864 гг. из Могилёвской губернии // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зборнік навуковых прац удзельнікаў VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Магілёў, 26–27 чэрвеня 2013 г. / уклад. А. М. Бацкоў, І. А. Пушкін. Магілёў, 2013.

6. Powstanie styczniowe 1863–1864. Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja / pod red. Wiesława Cabana, Wiktorii Śliwowskiej. Kielce, 2005.

7. Актуальные вопросы истории ссылки участников Январского восстания 1863–1864 гг.: материалы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 26–30 сентября 2007 г.). Иркутск, 2008.

8. Новак А. Борьба за окраины, борьба за выживание. Российская империя XIX в. и поляки, поляки и империя (обзор современной польской историографии). С. 429–464.

9. Śliwowska W. Zesłancy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Słownik biograficzny. Warszawa, 1990.

10. Śliwowska W. Syberia w życiu i pamięci Gieysztorów-zesłańców postyczniowych: Wilno, Sybir, Wiatka. Warszawa, 2000.

11. Brus A., Kaczynska E., Śliwowska W. Zesłanie i katorga na Syberii w dziejach Polaków 1815–1914. Warszawa, 1992.

12. Kaczynska E. Syberia: największe więzienie świata (1815–1914). Warszawa, 2000.

13. Gruszczynska B., Kaczynska E. Poles in the Russian Penal System and Siberia as a Penal Colony (1815–1914): A Quantitative Examination // Historical Social Research / Historische Sozialforschung. 1990. Vol. 15, N 4 (56). P. 95–120.

14. Gentes A. Siberian Exile and the 1863 Polish Insurrectionists According to Russian Sources // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 2003. Bd. 51, H. 2. P. 197–217.

15. Gentes A. Exile, Murder and Madness in Siberia, 1823–61. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2010.

16. Оплаканская П.В. Польская диаспора в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001.

17. Peck A. Between Russian Reality and Chinese Dream: The Jesuit Mission in Siberia, 1812–1820 // The Catholic Historical Review. 2001. January. Vol. 87, N. 1. P. 17–33.

18. Anderson B.A. Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia. Princeton, N. J.: Princeton Univ. Press, 1980.

19. Stebelsky I. Rec. ad op.: Barbara A. Anderson. Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia. Princeton, N. J.: Princeton Univ. Press, 1980 // Harvard Ukrainian Studies. 1982. September. Vol. 6, N. 3. P. 421–423.

20. Kappeler A. Chochly und Kleinrussen: Die ukrainische laendliche und staedtische Diaspora in Russland vor 1917 // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1997. Bd. 45, H. 1. P. 48–63.

21. Белорусы в Сибири: сб. статей. Новосибирск, 2000.

22. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001.

Статья поступила
в редакцию 14.11.2013

¹ Примером успешного сотрудничества в данной сфере может служить совместная работа белорусских и сибирских историков в рамках научно-исследовательского проекта «Белорусы в Сибири. XVII–XX вв.», который осуществлялся в начале 2000-х гг. согласно соглашению о научном сотрудничестве Сибирского отделения РАН и Национальной Академии наук Беларуси, при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Белорусского фонда фундаментальных исследований (подробнее см.: [21; 22]).

УДК 94(47)“16”

И.П. КАМЕНЕЦКИЙ

ВЫХОДЦЫ ИЗ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ НА СЛУЖБЕ В СИБИРИ В XVII в.

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск,
e-mail: kameneckiiivan@mail.ru

В статье рассмотрены причины и характер миграции белорусов в Сибирь, участие отдельных представителей в присоединении и освоении региона. Показано, что основной приток белорусов в Сибирь в XVII в. осуществлялся в ходе войн России с Польшей. Русские власти, стремясь пополнить свой воинский контингент за Уралом, использовали военных специалистов из числа военнопленных и добровольных выходцев из белорусских земель. Предпочтение при приеме на военную службу и командные должности отдавалось лицам православного и родословного происхождения. Выходцы из «Белой Руси», имевшие боевой опыт, назначались Москвой на командные и рядовые должности и направлялись нести «государеву службу» в сибирские и другие гарнизоны.

Установлено, что служебная деятельность белорусских «шляхтичей» П. Аршинского, С. Круглика и их потомков, занимавших высокие посты в сибирском «войске», включала в себя широкий круг обязанностей и выполнение ответственных поручений. Важную роль среди них играло участие в военных походах, экспедициях, посольствах, проведение различных следственных и фискальных мероприятий. Рядовые белорусы несли пешую и конную казачью службу, вместе с русскими воинами собирали ясак, возводили опорные пункты, защищали границы новых российских владений. Наряду с несением воинской службы белорусы активно участвовали в земледельческом освоении региона, имели значительные сельскохозяйственные угодья и количество скота. В их хозяйствах использовался наемный и подневольный труд, продукты которого поступали на местные рынки.

Схожие условия белорусского пограничья и сибирского фронта, культурно-религиозная и языковая близость с русским народом во многом облегчали вхождение «белорусцев» в сибирское общество. Отмечено, что в отличие от других выходцев из Речи Посполитой, процесс интеграции белорусов в сибирское общество в XVII в. проходил более ускоренно и менее болезненно.

Ключевые слова: белорусы, Сибирь, «государева» служба, П. Аршинский и его потомки, материальное положение, хозяйственные занятия, адаптационные возможности.

Современные ученые уже показали, что «участие белорусов в пионерном освоении Сибири в период от эпохи землепроходцев до настоящего времени является историческим фактом» [1, с. 4]. Среди поставленных исследователями проблем важное значение имеет выяснение причин и характера, определявших миграцию выходцев из бывшего княжества Литовского в Сибирь, а также их непосредственного участия в присоединении и хозяйственном освоении Азиатской России. Решение этой задачи позволит определить вклад славянских и других нерусских народов в колонизацию сибирского региона, становление и особенности формирования нового сибирского этноса, присущих ему ментальных черт, выявить адаптационные возможности и условия вхождения в сибирское общество.

Изучение этого вопроса связано с немалыми трудностями, обусловленными прежде всего необходимостью географической локализации территории проживания белорусского этноса в Восточной Европе и выделением его представителей среди достаточно многочисленной группы «литвы», оказавшейся в Сибири в силу разных обстоятельств. Как уже указывали историки, в сохранившихся документах начального и даже более поздних периодов заселения Сибири этноним и топоним «белорус» встречается довольно ред-

ко. В XVII в. выходцы из Белоруссии зачастую были скрыты под терминами «литва», «литовские люди», «литовские полоняники» и другими сходными обозначениями, что определяло принадлежность к государству, а не этносу. Не всегда в документах того времени указывались места их рождения, национально-этническое происхождение, сословно-социальный статус, причины перехода на русскую службу. Зачастую имеются лишь косвенные указания на принадлежность их к непольской «шляхте» и «челяди». Эти затруднения не позволяют с большой степенью достоверности выявить численность, состав и источники формирования белорусской диаспоры в Сибири, и, следовательно, в полной мере определить ее реальный вклад и участие в заселении и освоении восточных окраин Русского государства.

На наш взгляд, одним из немаловажных «индикаторов» при определении идентификации белорусов, наряду с прямым указанием на их собственную этническую принадлежность (самоидентификацию), является то, что русские делопроизводственные документы реже называют их «иноземцами», в отличие от многих представителей Речи Посполитой и других иностранных государств. Другим косвенным «маркером» в определении национально-этнического происхождения

белорусов может быть их прежнее место проживания или места выхода, а также религиозная принадлежность. Зачастую предпочтение при приеме на государственную службу в России и назначение на командные должности, как уже отмечали исследователи, отдавалось лицам православного и родословного происхождения [2, с. 107]. Дополнительным аргументом в выявлении этнической принадлежности может служить и то, что в происходивших обменах военнопленными между Россией и Речью Посполитой православные белорусы чаще, чем другие ссыльные «иноземцы», добровольно оставались на службе в Сибири. Возможным, но не всегда верным, признаком этнической идентификации является и отличие белорусских фамилий от типичных фамилий «литвы», имеющих окончание на *-цкий*, присутствующих преимущественно польской шляхте [3, с. 11].

Исходя из этих оснований, рассмотрим обстоятельства и время появления отдельных представителей белорусского этноса в Сибири, их служебную деятельность, условия адаптации и инкорпорации в сибирское общество, материальное положение и участие в аграрном освоении региона.

Первые сведения о появлении выходцев из белорусских земель в Сибири относятся к началу Смутного времени, хотя не исключено, что в составе дружины Ермака и правительственных отрядов – основателей первых русских городов за Уралом – могли быть носители белорусского этноса. Одним из наиболее известных представителей был «литвин», родом из Орши, сын боярский Павел Аршинский, основатель большой династии начальных людей Тобольска. В составе отряда воевод В. Сукина и И. Мясного в 1586 г. он принимал участие в возведении Тюмени – первого русского форпоста в Сибири. В 1598 г. участвовал в разгроме хана Кучума на р. Ирмени и сопровождал его плененную семью в Москву [4, с. 59; 5, с. 19].

Его сын Богдан Павлов Аршинский, ставший первым советником воеводы П.И. Пронского и других сибирских наместников, имел высокий авторитет в казачьей среде. В 1636 г. он был назначен головой пеших казаков Тобольска после сподвижника Ермака – весьма популярного атамана Гаврилы Ильина [6, с. 93, 116, 154]. Его деятельность, отмеченная в документах с 1618 по 1654 г., свидетельствует как о быстром его служебном росте, так и о материальном благополучии. В 1630 г. он получал 20 руб., без хлебного жалования, в 1635 г. – 22 руб., в 1654 г. – уже 25 руб., 22 чети ржи, 8 четей овса, 3 пуда соли, что являлось высшей ставкой служилого должностного оклада [7, с. 30]. Достижению такого высокого положения в служилой среде предшествовала его многолетняя служба, в которой воинские дела тесно переплетались с административной и посольской практикой.

С 1621 г. Б. Аршинский почти ежегодно возглавлял экспедиции, посольства, военные походы, проводил дозоры и различные следствия. В 1625 г. был направлен с посольством к казахскому владельцу Ишиму с целью склонить его в русское подданство. Очевидно, его миссия была успешной, поскольку люди ишим-

ского царевича не участвовали в крупном антирусском восстании тарских и барабинских татар 1628–1631 гг., подстрекаемых к тому джунгарами [8, с. 116–122]. Наряду с дипломатическими средствами Б. Аршинский использовал и силовые методы борьбы с восставшими. С целью подавления сопротивления остатков Кучумовичей в 1629 г. вместе с тарским сыном боярским Ф. Елагиным он совершил поход на оз. Чаны, где разгромил восставших татар. Весной 1631 г. вместе с отрядом Я. Тухачевского принял участие в сражении за Чингизский городок с телеутами, закончившемся их поражением [9, с. 49].

В 1621, 1636 и 1638 гг. под его началом были осуществлены крупные экспедиции служилых и торговых людей за солью на Ямыш-озеро, которые нередко сопровождалась столкновениями с местными воинственными кочевниками. Очевидно, Б. Аршинский умел заключать соглашения с кочевыми правителями и склонять их на свою сторону. Так, в сентябре 1638 г. он сообщил тобольским властям о перевозке соли ойратами к русским судам и присяге отдельных калмыцких тайшей на верность русскому царю [10, с. 32–33].

Б. Аршинский также выполнял обязанности сыщика-дознателя в разрешении сложных конфликтных ситуаций. Летом 1626 г. им проводился в Енисейске сыск о злоупотреблениях воеводы А. Ошанина и бунте атамана А. Алексева. Расследуя причины отказа населения воеводе, Б. Аршинский не только сместил Ошанина, погрязшего в различных злоупотреблениях, но и арестовал казачьего атамана В. Алексева и других «пущих заводчиков» [6, с. 239, 272]. В 1628 г. ему довелось расследовать причины конфликта, возникшего между тарскими служилыми людьми и барабинскими татарами [8, с. 118].

По-видимому, Богдан Аршинский был глубоко религиозным человеком. Ему поручал выполнять ответственные задания Софийский Тобольский двор: доставить из Москвы Знаменскому монастырю одеяния и церковные книги, осуществить отвод рыболовных угодий на Иртыше, досмотр церковных земель и др. Известно также, что в 1621 г. вместе с И. Шульгиным он пожертвовал какие-то средства на оклад образа святой Софии в Соборной церкви Тобольска [6, с. 170].

Службу Б. Аршинского продолжили его сыновья – сыны боярские Борис и Данила Богдановы и внуки – Данила, Иван и Тихон Даниловы. Их административная, военная и другая деятельность достаточно полно представлена в исторической литературе. Отметим лишь, что четвертый представитель этой династии, правнук П. Аршинского – стрелецкий голова Тобольска Иван Иванов в 1692 г. просил за заслуги своих родственников и свои личные возвести его в сибирское дворянство, что вскоре было и выполнено [7, с. 31–32].

К представителям белорусской диаспоры можно отнести Самуила (Самойло) Ботвинку (Ботвинкин, Ботвинской), принадлежавшего к смоленской шляхте. При разборе в 1681 г. он сообщил, что был взят в плен в 1661 г. в бою под Руегой и сослан в Кузнец-

кий острог в конные казаки с окладом 8 руб. с четью, 7 четей ржи, 6 четвертей овса, 2 пуда соли¹. В отписке тобольских воевод И. Хилкова и Г. Головина в сентябре 1661 г. сообщалось, что вместе с ним были сосланы и определены в конные казаки в Кузнецке «ссылные люди» – шляхтичи С. Жаба, Д. Дубровской, Г. Островской, В. Годемирский, Б. Уницкой, а также рейтары И. Путковский, О. Лазицкий. Им было положено жалование 6 руб., 6 четей ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли [11, с. 46]. Более высокое жалование С. Ботвинки, в сравнении с другими ссылными, может свидетельствовать о его непольском происхождении и каком-то особом преимуществе. На это указывают и другие данные его биографии. В 1664 г. вместе с названными выше шляхтичами он был послан в Москву для размена военнопленными. В отличие от них, С. Ботвинка отказался возвращаться на родину, «бил челом блаженной памяти великому государю... чтоб мне Самойло быт в стороне царского величества высокою рукою и по указу... был верстан в службу по Кузнецкому в дети боярские». При этом оклад ему был значительно повышен и составил 13 руб., 17 четвертей ржи, 17 четвертей овса, 3 пуда соли².

В источниках нашли отражение и другие эпизоды воинской службы С. Ботвинки в Сибири. 9 октября 1664 г. по прибытии из Тобольска в Кузнецк он и его подчиненные получили 18 чарок «за многолетнее здравие царя»³. В октябре 1684 г., будучи в Москве с пятидесятником И. Кузьминым, он подал челобитную кузнецких жителей о разорительных набегах киргизов⁴. В 1687 г. вместе с десятником И. Тихоновым был послан в погоню за джунгарами в Берсоаяцкую волость на р. Катунь. В следующем году опять был послан на Катунь в Кондомскую волость для «проведывания вестей» о калмыках [7, с. 38].

Службу С. Ботвинки наследовал его сын Федор Ботвинкин. Он упоминается в переписной книге Кузнецкого уезда 1719 г. как сын боярский в возрасте 48 лет вместе со своим сыном семнадцатилетним Иваном. Согласно переписи Ф. Ботвинкин и его семья проживала уже не в Кузнецке, а в одной из пригородных деревень, где наряду с несением службы он занимался и сельскохозяйственным производством⁵.

Ускоренную адаптацию и успешное продвижение по службе семейной династии Аршинских, Ботвинки и других «белорусцев» можно объяснить рядом обстоятельств. Во-первых, бывшие жители белорусских земель долгое время проживали в условиях постоянно менявшегося западного пограничья, обстановке частых европейских войн и военных конфликтов, полонизации населения. Это способствовало выработке у них, особенно у служилого слоя, военных

навыков, а у всего белорусского населения стремления к сохранению своей этнической целостности. Все это облегчало их вхождение в состав сибирского сообщества, также пребывавшего во фронтальном положении, но находившегося, несмотря на все трудности начального освоения края, в более свободном и открытом состоянии.

Во-вторых, следует отметить и покровительственное отношение русских властей, особенно с середины XVII в., к белорусскому населению. Оно проявлялось в осуществлении законодательных мер, облегчавших положение белорусов и других жителей Смоленска, Полоцка, Орши и прочих мест, занятых русскими в ходе войны с Польшей, в устройстве в Москве специальной Мещанской слободы, заселенной преимущественно белорусскими выходцами, широком привлечении и использовании на русской службе белорусских мастеров и военных специалистов. Эти меры, по мнению А.Г. Манькова, «преследовали цель склонить местную шляхту, состоявшую в основном из белорусов, на сторону русского правительства и предотвратить ее уход в Литву» [12, с. 42].

Сибирские гарнизоны пополняли и рядовые служилые «белорусцы», оказавшиеся на востоке разными путями. Как правило, их верстали в конную и пешую казачью службу. Среди них были, очевидно, участники войны за Смоленск 1632–1634 гг.: «белорусец Оршанского повету Игнашко Григорьев», «белорусец Литувово повету Войтешко Михайлов», «белорусец Копытского повету Ивашко Васильев». Перед отправлением их в Сибирь на место назначения они получили жалование по 5 руб. и сукно. В 1635 г. И. Васильев упоминается в Томске уже как десятник пеших казаков с окладом 5 руб. с четью [13, с. 13; 7, с. 40].

Немало служилых белорусов из числа рядовых оказалось в Сибири в ходе войны за Украину в 1650–1660-е гг. В 1654 г. в Якутский острог на службу было направлено 12 «литовских людей белорусцев»: Тимошка Андреев, Осташко Иванов, Корнилко Корнильев, Янка Васильев, Ларка Игнатъев, Демка Борисов, Омелка Наумов, Дениска Степанов, Тимошка Иванов, Мишка Антонов Попко, Ивашко Борисов [11, с. 52]. Белорусы из числа военнопленных этого периода в одиночку и партиями поступали и в другие сибирские города. Среди них был «литовский полоняник», оршанец Марчко Борисов. Его сослали в 1658 г. из Москвы в Томск, затем в Кузнецк, где он значился как конный казак с окладом 7 руб. с четью⁶. В этом же году в Томск был направлен без указания на верстание «сылной человек белорусец» Александр Колевчевской. В июле 1661 г. в Томск прибыли вместе с другими «ссылными людьми» и «иноземцы оршанцы». До этого они находились в Астрахани, откуда по неизвестным нам причинам и обстоятельствах совершили неудачный побег, за что и были сосланы в Сибирь в конную службу. Среди них шляхтичи: Степан Крюковской, Янко Брянской, Парфен Ширяев, Афанасей Новгородец, Карп Кунчев,

¹РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 993–994.

²Там же. Ф. 214. Стб. 577. Л. 384, Кн. 716. Л. 993–994; Кн. 590. Л. 545.

³Там же. Ф. 214. Кн. 479. Л. 597 об.

⁴Там же. Ф. 214. Стб. 715/716. Л. 193.

⁵Там же. Ф. 214. Кн. 1611. Л. 95.

⁶Там же. Кн. 438. Л. 230; Кн. 415. Л. 115.

Леонтий Павлов, Иван Городецкий, Осип Карась, Миклау Колювено [11, с. 45, 68].

Среди ссыльных «белорусцев» встречались и лица духовного звания. В 1659 г. указом великого государя из Сибирского приказа был отправлен в Тобольск «на вечное житье» белорусский поп Влас. По указанию архиепископа Симеона опальный священник был пострижен и направлен нести службу в церковь монастырского села Ивановское. Примечательно, что в это же время был сослан в отдаленный Якутский острог представитель чуждой веры, «иноземец» – ксендз Тишкев [11, с. 60–61, 73].

Наряду с несением службы «белорусцы» были вовлечены и в аграрное освоение Сибири. Занятиям земледелием и скотоводством во многом способствовало наличие свободных и плодородных угодий, выгодно отличавшихся от земель белорусского Полесья. Указанный выше Богдан Аршинский, имел значительные для того времени сельскохозяйственные и лесные угодья на Иртыше: пашни – 20 дес., перелога – 12 дес., дубравы – 12 дес., покотины – 8 дес., сенных покосов – 6 дес., с которых накашивал 400 копен [7, с. 30]. Наличие таких угодий и заготовка большого количества грубых кормов, позволявшие содержать не менее 10 лошадей или 13–14 голов крупнорогатого скота, указывает на то, что занятие сельским хозяйством ему было «в обычай». Очевидно также, что в его хозяйстве использовался наемный труд, и оно носило товарный характер.

Несмотря на высокие должностные оклады и возможность лишиться хлебного жалования, пашенными и другими угодьями обзаводились и другие выходцы из «Белой Руси». Так, уроженец Минского уезда кузнецкий сын боярский Петр Буткев 8 мая 1696 г. продал «хлеба своей пахоты» на 2 руб.⁷ Земледелием успешно занимались бывший шляхтич Мстиславского воеводства томский сын боярский Степан Круглик (Кругликов) и его сын, ставший сибирским дворянином, Алексей Степанов Кругликов. Последний был не только умелым военачальником и администратором, но и успешным сельским предпринимателем [14, с. 8–9]. А. Кругликов владел пашенной заимкой – деревней на р. Оби. Возможно, для защиты своих владений и других деревень по его инициативе и под его началом в 1703 г. был возведен Умревинский острог и заведена новая пашня на р. Томи у дер. Вершининой. А. Кругликову также принадлежала на паях водяная мельница на р. Басандайке [15, с. 278]. В его большом хозяйстве работали несколько дворовых людей «кальмицкой породы»⁸. Земледелием занимались и рядовые ссыльные белорусы. В 1655 г. был послан из Тобольска в недавно отстроенный Илимский острог «в пашню» «белорусец» Аникиев Фома [11, с. 55].

Не вызывает сомнения, что белорусские выходцы были вовлечены в главное занятие Сибири – пушной промысел, являвшийся в первой половине века самым

доходным источником. Занятию им способствовали прежние условия проживания, имевшие несмотря на различие климата, схожие природные ресурсы. Поэтому участие белорусов в лесном промысле, рыболовстве, соледобыче и других видах хозяйственной деятельности также является неоспоримым фактом. Но этот вопрос требует дальнейшего изучения и находится вне рамок нашей работы.

Таким образом, появление белорусов в Сибири было неразрывно связано с начальным этапом присоединения и освоения региона. Поступление их на русскую службу было обусловлено разными факторами, в которых не последнюю роль играли перманентные войны России с Польшей. Социальное и служебное положение выходцев из белорусских земель в Сибири зависело не только от прежнего статуса, но и новых заслуг, достигнутых ими преимущественно в военно-административной сфере. Схожие условия белорусского пограничья и сибирского фронта, культурно-религиозная и языковая близость с русским народом во многом облегчали вхождение «белорусцев» в сибирское общество. Оказавшись на новых землях и в другом иноэтническом окружении, белорусы не стали в Сибири обособленной этнической группой. Пребывание их в составе «литовского списка» в разрядных городах не являлось еще условием сохранения их этнической общности. К тому же в большинстве «малых» сибирских городов и острогов «литовских списков» как специальных подразделений – диаспор, созданных для «иноземцев», не существовало. Поэтому, в отличие от других народов Речи Посполитой, процессы адаптации, ассимиляции и аккультурации выходцев из белорусских земель в Сибири, несмотря на определенную полонизацию, происходили более интенсивно, ускоренно и менее болезненно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ламин В.А., Сташкевич Н.С. Предисловие. Проблемы изучения белорусской диаспоры в Сибири. // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 3–9.
2. Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVIII вв. М., 2007.
3. Люцидарская А.А. Белорусы Сибири XVII в. // Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск, 2011. С. 10–18.
4. Никитин Н.И. Тобольская «литва» в XVII в. // Город и горожане в России в XVII–XIX вв. М., 1991. С. 58–62.
5. Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993.
6. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь XVII в. Новосибирск, 1991.
7. Резун Д.Я., Соколовский И.Р. О «литве» в Сибири XVII в. // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 22–64.
8. Волкова К.Е. Восстание татар Тарского уезда 1628–1631 гг. // Экономика, управление и культура Сибири. XVI–XIX вв. Новосибирск, 1963. С. 157–170.
9. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980.
10. Каменецкий И.П. Ямыш-озеро как зона хозяйственного и политического взаимодействия народов в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2010. № 2. С. 32–36.

⁷Там же. Ф. 214. Кн. 590. Л. 563; Кн. 716. Л. 986 об. – 987.

⁸Там же. Кн. 716. Л. 1002–1003.

11. Белокуров С.А. Юрий Крижанич в России. М., 1901.
12. Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 2002.
13. Леценко Р.Ф. Белорусы-переселенцы в Сибири (конец XVI–XVII вв.) // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 10–21.
14. Соколовский И.Р. Приказчик Умревинского острога Алексея Круглик и его отец (биографии двух «чиновников» XVII – начала

- XVII веков) // Проблемы местного самоуправления Сибири XVIII–XX веков. Новосибирск, 1996. С. 8–9.
15. Резун Д.Я., Василевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.

Статья поступила
в редакцию 31.10.2013

УДК 94(47).04+930.85

Н.С. ГУРЬЯНОВА

СТАРООБРЯДЦЫ И «ЛИТОВСКИЕ» КНИГИ

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: gurian@academ.org

Противники церковной реформы, начатой патриархом Никоном, с целью доказать незаконность нововведений в обряд и богослужебную практику Русской церкви обратились к русским рукописям и изданиям Московского печатного двора. Постепенно начала формироваться система авторитетов старообрядчества, составленная из книг, которые были значимы и для оппонентов. В этот круг оказались включенными сборник «Кириллова книга» и «Книга о вере», изданные в Москве, но составленные из сочинений, написанных украинскими и белорусскими православными авторами в конце XVI – начале XVII в. Следующее поколение старообрядцев обратилось и к исходным текстам – изданиям типографий, находившихся на территории Литвы, Белоруссии и Украины, к так называемым «литовским» книгам. В них старообрядцы находили тексты, поддерживающие их позицию. В первой четверти XVIII в. эти книги оказались включенными в круг авторитетных.

В статье рассмотрен один из способов, которым старообрядцы придавали значимость «литовским» книгам. В Поморских ответах большое количество аргументов составили ссылки на печатные издания православных типографий Киевской митрополии, которые выделены в особый раздел, озаглавленный как «белорусские» или «белороссийские» книги. Этот термин выговцы употребили, явно ориентируясь на указ 1620 г., в котором православное население родственной митрополии обозначено как «белорусцы». Патриарх Филарет призывал относиться к ним с большой осторожностью, поскольку условия жизни в инославном окружении способствовали некоторым отступлениям от истинной веры, а для старообрядцев в начале XVIII в. термин «белорусские» стал синонимом слов «православные», «правильные».

Ключевые слова: Русская церковь, Киевская митрополия, раскол, XVIII в., старообрядчество, рукописи, печатные издания, «литовские» книги, Поморские ответы.

Общеизвестна значительная роль так называемых литовских книг, т. е. украинских, белорусских рукописей и печатных изданий конца XVI – начала XVII вв., в процессе выхода русского общества из духовного кризиса, особенно обострившегося после Смуты (см., напр.: [1; 2; 3]). Книжность Киевской митрополии оказала существенное влияние на формирование русской культуры раннего Нового времени, на освоение ею элементов европейской образованности. В конце XVI – начале XVII в. родственная митрополия, находясь на территории, входящей в состав Речи Посполитой, вынуждена была вести постоянные дискуссии с более изощренными в богословских спорах инославными и униатами. Это стимулировало написание соответствующих сочинений и их издание. В результате православными авторами было создано большое количество произведений антикатолической, антипротестантской и антиуниатской направленности на новом уровне осмысления спорных проблем, который сформировался

под непосредственным влиянием богословской мысли оппонентов и вполне соответствовал их уровню.

Эти произведения украинских и белорусских авторов оказались востребованными в Москве, поскольку после Смуты перед Церковью остро стоял вопрос преодоления кризисных явлений в обществе, не менее важной оказалась необходимость защиты православия перед лицом «латынян». С 1620-х гг. «литовские» книги получили достаточно широкое распространение в России, хотя Церковь относилась к ним настороженно, поскольку, по мнению русских книжников, иноконфессиональное влияние привело авторов к некоторым отступлениям от православия (см., напр.: [4]). Следствием явилось то, что патриарх Филарет попытался осуществить политику культурного и конфессионального изоляционизма.

Собор 1620 г. особенно ясно показал ее направленность. В решениях Собора говорилось о необходимости крестить заново приходящих в православие

инославных («латыня»), которые уже в названии Соборного изложения определялись как еретики¹. Особый указ регламентировал условия общения с единоверцами, приходящими из Киевской митрополии². В указе прослеживается настороженное отношение и к этой категории населения, что объясняется внутренними «несогласиями» в родственной митрополии. Об этом заявлено уже в первых строках: «Понеже аз, смиренный Филарет, патриарх Московский и всяя России, егда убо бых в Польском и Литовском государстве и многая в них виде несогласия церковная в самех тех христианах, яже суть белорусцы в них нарицаются» [5, с. 242]. Далее со знанием дела перечислены все варианты, которые, по мнению патриарха Филарета, означали некоторые «отступления» от православия, и определены возможные правила чиноприема этих христиан, пришедших в Россию. Все они обозначены как «белорусцы».

Политика патриарха Филарета, стремившегося изолировать Россию от инославного влияния, а возможно, и первые неудачные попытки использовать произведения авторов из родственной митрополии (речь идет об издании Катехизиса Лаврентия Зизания. См.: [6, с. 292–353]) привели к появлению указа 1627 г. о запрете распространения и использования в Московском государстве «литовских» книг, т. е. украинских и белорусских рукописей и печатных изданий. Как убедительно показал современный исследователь А.А. Булычев, эта кампания была кратковременной и преследовала не столько вероохранительные, сколько политические цели [7]. Несмотря на политику культурного и религиозного изоляционизма, провозглашенную патриархом Филаретом, творческое наследие Киевской митрополии постепенно осваивалось Русской церковью.

Во второй половине 1630-х гг. начинает меняться и отношение к «литовским» книгам, запрет на их проникновение и употребление сменяется сначала на более терпимое, хотя и настороженное отношение, а затем наблюдается явное послабление в отношении украинско-белорусских изданий. Ярким свидетельством ориентации Русской церкви на творческое наследие Киевской митрополии стало издание в Москве сборника «Кириллова книга» (1644 г.) и «Книги о вере» (1648 г.), которые были составлены из сочинений украинских и белорусских авторов конца XVI – начала XVII в., адаптированных для русского читателя (об этих изданиях см.: [2]). Б.Н. Флоря, обратив внимание на эволюцию взаимоотношений киевского митрополита Петра (Могилы) и русской власти, ввел в научный оборот новый документальный материал, относящийся к посольствам в Москву из Киева [8].

¹ «О крещении латынь и о их ересех» см.: [5, с. 213].

² «Указ, како изысковати и о самех белорусцев, иже приходящих от Польскаго и от Литовскаго государства... и хотящих быти с нами вкупе христианы, и коих из тех белорусцев крестити достоит или миром помазывать, и како действовати о них, еже к просвещенным христианом сочетовати их». См.: [5, л. 242–246 об.].

Для нашей темы особенно важным представляется информация о том, что в качестве ответного дара Петру Могиле в 1644 г., кроме обычного «жалованья», были переданы книги, в том числе «Книга Кирилла, Патриарха Иеросалимского», напечатанная в Москве. Экземпляры книги были также вручены членам посольства. Исследователь справедливо предположил, что «такими демонстративными жестами правящие круги в Москве показывали свое положительное отношение к западнорусской книжности» [8, с. 185]. Возможно, это была попытка показать киевскому митрополиту, что именно из этого наследия готова воспринять Русская церковь и в каком виде.

Ориентацию на ученость родственной митрополии Москва подтвердила изданием в 1648 г. «Книги о вере», текст которой, по очень точному замечанию Н.Ф. Каптерева, «есть уже прямо чисто южнорусское произведение, только переведенное с белорусского наречия на великорусское и в Москве напечатанное» [9, с. 22–23]. Долгое время авторство этой компиляции, составленной на основании того же круга южнорусских сочинений, что и сборник «Кириллова книга», приписывалось игумену Киевского Михайловского монастыря Нафанаилу [10, с. 67].

Современная исследовательница Н.В. Савельева, опираясь на уже проделанную исследователями работу по изучению московского издания «Книги о вере», вводя в научный оборот новые документальные свидетельства и уточнив интерпретации уже известных, сумела установить, что автором этого своеобразного религиозного учебника был игумен Гедеон – настоятель Крестовоздвиженского Бизюкова монастыря, перу которого, по ее мнению, принадлежат еще две книги – «Альфа и Омега» и «Зерцало духовное». В результате Н.В. Савельевой удалось представить творческое наследие этого неизвестного ранее западнорусского автора в качестве весьма «значимого для истории и культуры России» [11; 12]. В первую очередь это связано с тем обстоятельством, что эти три книги, как и сборник «Кириллова книга», оказались востребованы противниками церковной реформы, начатой патриархом Никоном.

Раскол в Русской церкви, произошедший в середине XVII в., быстро привел к возникновению достаточно широкого религиозно-общественного движения, известного под именем старообрядчества. Лидеры движения в качестве основополагающего принципа провозгласили верность церковной традиции и утверждали, что они защищают ортодоксальный вариант истинного русского православия. Официальная церковь, естественно, не соглашалась с данной точкой зрения и пыталась ее опровергнуть в антистарообрядческих сочинениях. Обе стороны использовали рукописные и печатные книги, в которых искали неопровержимые аргументы в пользу своей позиции. Защитники старого обряда сумели привлечь из этого наследия безусловно авторитетные тексты, способные оправдать их право оставаться в оппозиции к нововведениям в обряд и богослужебную практику. В эту сис-

тому книжных авторитетов были включены не только рукописи и старопечатные книги, но и сборник «Кириллова книга», и «Книга о вере» [13, с. 70–123].

Особым уважением у защитников старого обряда пользовалась «Книга о вере», ее 30-я глава постепенно стала основополагающей в их эсхатологических построениях. Официальная церковь, естественно, попыталась высказать сомнение в авторитетности этого текста. Особенно заметно это стремление в вопросах иеромонаха Неофита, которые он адресовал выговцам. В 106-м вопросе, приведя особенно популярную у старообрядцев цитату из 30-й главы о якобы должном состояться в 1666 г. последнем отступлении от веры, после которого последует воцарение антихриста, и, прокомментировав ее, представитель официальной церкви заявил, что это не согласуется со Священным Писанием и словами Христа: «О сем скажите именно, таковую неизвестную Божию тайну, от человек утаенную, по чему познаваете, по каковому Писанием? А Христос Бог наш учеником своим и апостолом сие рек: О дни же том и часе никто же весть, ни ангели небеснии, ни Сын, токмо Отец Мой един» [14, с. 572].

Ответ выговцы начали с обозначения «Книги о вере» в качестве «священной», а автора охарактеризовали как ревнителя православия, «усердного оборонителя Восточной Церкви», «Святых Писаний читателя и ведателя многопремудрого», который «толико книгу сию Священными Писаниями позлати..., от многих историков греческих, польских и латинских толико премножи свидетельства». После панегирических речей в адрес автора и текста «Книги о вере» было сделано соответствующее заключение: «И премудрости, и разума исполнен бе, якоже книга его являет, ибо в светлом краткословии, ясностию разумения, услаждает и вразумляет чюдне, прилежно читающих ю» [14, с. 572–573]. После этого выговцы привели самый важный аргумент в пользу авторитетности «Книги о вере»: «К сим же книгу сию в древлеправославней Церкви свидетельствоваша и повелением великаго государя царя Алексея Михайловича и благословением святейшаго патриарха Иосифа печатно издаша в пользу душам многочисленнаго христианскаго народа великия России» [14, с. 573].

Старообрядцы сумели отстоять свое право оставить этот религиозный учебник западнорусского происхождения в кругу авторитетных. Возможно, это оказало влияние и на их положительное отношение к так называемым литовским книгам – украинским и белорусским рукописям и печатным изданиям конца XVI – начала XVII в., в которых защитники старого обряда находили аргументы в пользу отстаиваемой точки зрения. При этом выговцы для их обозначения использовали термин «белорусские» книги. Замена слова «литовские» вполне объяснима, поскольку этот термин использовался в указах патриарха Филарета о запрете распространения украинских и белорусских рукописей и изданий. По-видимому, для выговцев руководством к действию стало определение православного населения

Польско-Литовского государства, данное патриархом Филаретом в «Указе о белорусцах», который, разумеется, был им известен и активно цитировался³.

В Поморских ответах слово «белорусские» явно используется как синоним «православные», т.е. авторитетные. Например, в ответе 5-м особо выделены книги под следующей рубрикой: «В старых белорусских печатях, греческое согласие имеющих, и под Цареградскими патриархами пасущихся, такожде знаменоватися повелевает» [14, с. 52]. Затем перечислены книги, напечатанные в Вилне, Киеве, Угорцах, Львове, и в конце еще раз подчеркнута, что речь идет о белорусских книгах: «Во всех сих белорусских книгах...» [14, с. 52]. В ответе 50-м наряду с указанием книг «Московской печати», обозначен раздел «Белороссийския печати» в котором названы книги, изданные в Остроге, Вильне, Евье, Киево-Печерской лавре. Обращает на себя внимание тот факт, что в этом ряду указан и «Потребник белоруския печати», т.е. выговцы, не имея точного сведения о типографии, обозначили, что она находится на территории Белоруссии [14, с. 322–323].

Подобные примеры можно продолжить, но даже из приведенных ясно, что выговцы, прекрасно ориентируясь в западнорусских печатных изданиях, зная, на какой территории расположены типографии, назвали их «белорусскими». В Поморских ответах каждый раз довольно точно обозначена типография, в которой осуществлено издание, или указано ее географическое расположение (например, «киевские» или «белорусские» печати). Скорее всего, выговцы, называя эти книги «белороссийскими», а не «литовскими», стремились придать им еще большую авторитетность. Возможно, на их решение оказало влияние, в том числе, и оформившееся особо уважительное отношение к тексту «Книги о вере», которая, как им было известно, была написана автором на «белорусском языке».

Как сообщает Григорий Яковлев, в «Реэстре книг по азбуце...» в библиотеке Выгорецкого общежития имелись следующие книги: «Вера (киевской печати, в четверть) и другая О вере (московской печати, при ней и письменная самого автора)» [15, с. 126]. Вторая из названных – это «Книга о вере», изданная в Москве в 1648 г. Замечание, что «при ней и письменная, самого автора», означает, что старообрядцы сумели стать обладателями если не оригинала текста, с которого был осуществлен перевод и издание текста в Москве, то одного из авторских вариантов. Высочайший уровень книжной культуры выговцев дает основание доверять данному Григорием Яковлевым определению, что речь идет действительно о рукописи, принадлежащей «самому автору». Среди известных на сегодняшний день четырех рукописей, представляющих допечатную ис-

³ В ответе 4-м выговцы не только процитировали фрагмент из указа, но и четко заявили, что относиться настороженно патриарх Филарет завещал только к части православного населения: «И святейший патриарх Филарет со освященным собором повелевает таковыя обливанныя паки крестити» [14, с. 23].

торию текста «Книги о вере», подобный список отсутствует⁴.

Поморские авторы в XVIII в. неоднократно цитируют «письменную Книгу о вере» (об этом см.: [13, с. 291–317]), указывая на ее белорусское происхождение. Например, в сочинении «Об антихристе. 18 разделов», на поле отмечается, что цитируется рукопись «белорусского писма»⁵. В сборнике из собрания Егорова, составленном во второй половине XVIII в., перед соответствующим фрагментом указывается: «Есть в книге «О православней вере» древней, рукописной, белорусского писма и наречия»⁶. Старообрядцы, не зная имени автора, попытались на основании утверждения о «богодуховности» текста «Книги о вере» дать самую высокую оценку его личности и произведению. В качестве яркого примера можно привести следующую характеристику из поморского эсхатологического сочинения середины XVIII в.: «Сея книги творец – великий богослов и довольный знатель тайн Божиих и святейшими архиереи в том свидетельствованный бьяше, в Дусе Святем глаголати. Подобае тому внимати, аки от Духа Святаго глаголанном»⁷. Утверждение о профетическом даре «творца Книги о вере» позволило старообрядцам не только подтвердить авторитетность текста, но и сделать его основополагающим в эсхатологических построениях.

Возможно, уверенность в белорусском происхождении текста «Книги о вере» обратила внимание выговцев на указ 1620 г. патриарха Филарета, в котором все православное население Киевской митрополии названо «белорусцами». Для старообрядцев важно было придать особый статус православным типографиям, находившимся в конце XVI – начале XVII в. на территории Польско-Литовского государства, и обозначить их одним термином. Они выбрали термин «белорусские» книги, к которым отнесли все издания православных типографий, расположенных на территории Литвы, Украины и Белоруссии. Этот термин выговцы употребили, явно ориентируясь на указ 1620 г., в котором патриарх Филарет призывал относиться к приходящим в Россию из родственной митрополии с большой осторожностью, поскольку условия жизни в

инославном окружении способствовали некоторым отступлениям от истинной веры, а для старообрядцев в начале XVIII в. термин «белорусские» стал синонимом слов «православные», «правильные».

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990.
2. Опарица Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998.
3. Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974.
4. «Прение литовского протопопа Лаврентия Зизания с игуменом Ильею и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием Зизанием Катихизиса // Летописи русской литературы и древностей, издаваемых Н. Тихонравовым. М., 1859. Т. 2, отд. 2. С. 80–100.
5. Третьяков И.С. М., 1639.
6. Корзо М.А. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI–XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. М., 2007.
7. Булычев А.А. История одной политической кампании XVII века: Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М., 2004.
8. Флоря Б.Н. Киевский митрополит Петр (Могилла) и русская власть: эволюция взаимоотношений // Вестник церковной истории. 2013. № 1/2 (29/30). С. 179–187.
9. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа. М., 2003.
10. Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: Сводный каталог. М., 1958.
11. Савельева Н.В. Кто был автором «Книги о вере»? // Русская литература. 2010. № 4. С. 149–154.
12. Савельева Н.В. Неизвестный западнорусский книжник Гедеон, игумен Бизюкова монастыря, и московское книгопечатание середины XVII в. // Книжная старина. СПб., 2011. Вып. 2. С. 82–131.
13. Гурьянова Н.С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007.
14. Поморские ответы. М.: Изд-во Московского старообрядческого братства, б/г (Репринт. воспроизвед.).
15. Яковлев Григорий. Извещение праведное о расколе бесповщины. М., 1888.

Статья поступила
в редакцию 21.11.2013

⁴ Перечень дошедших до нас рукописных списков текста «Книги о вере» и их анализ см.: [12, с. 87–91].

⁵ РГБ. Ф. 98 (собр. Егорова). № 1748. Л. 77, 153 об.

⁶ Там же. № 1848. Л. 43.

⁷ Там же. № 1042. Л. 47.

УДК 94(47)''...1917''

И.Г. ФЁДОРОВ

МОНАСТЫРИ ЕНИСЕЙСКОЙ ЕПАРХИИ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД И ВЛИЯНИЕ НА НИХ УРОЖЕНЦЕВ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Красноярский государственный
педагогический университет
e-mail: div-igor@mail.ru

На основе документов монастырского делопроизводства, отложившихся в фондах Государственного архива Красноярского края, в статье рассмотрено развитие трех православных монастырей образованной в 1861 г. Енисейской епархии во второй половине XIX – начале XX в. Освещены такие аспекты, как источники финансирования монастырей, их вклад в развитие народного просвещения и благотворительности, образовательный уровень и региональное происхождение насельников. Проанализированы динамика численности и причины поселения в Сибири выходцев из западной части Российской империи, выявлено их влияние на организацию монастырской жизни. При этом акцент сделан на жизни и трудах двух выдающихся уроженцев западных губерний, оставивших заметный след в истории Енисейской епархии: строителя и первого наместника красноярского Успенского монастыря иеромонаха Зосимы и наместника Успенского монастыря, строителя и первого настоятеля Знаменского скита иеромонаха Филарета. В частности, показана деятельность последнего по созиданию Знаменского скита, ставшего к началу XX в. одним из авторитетных духовных центров края, при котором были открыты монастырская школа и приют для инвалидов Первой мировой войны.

Ключевые слова: сибирское монашество, уроженцы Белоруссии и Украины, переселенцы, Енисейская епархия, история повседневности.

Енисейская епархия была образована значительно позже заселения и освоения русскими Приенисейского края. Более двухсот лет прошло с того времени, как Российское государство поставило первые остроги на берегах Енисея, прежде чем по высочайшему указу от 25 мая 1861 г. православная церковь смогла учредить на енисейской земле самостоятельную епархию – Енисейскую, с кафедрой в губернском городе Красноярске [1, с. 3]. До того времени православные приходы края относились сначала к Тобольской, затем к Иркутской и, наконец, в 1834–1861 гг. – к Томской епархиям [2, с. 30–32].

С образования в 1861 г. Енисейской епархии на ее территории находились три действующих православных общежительных монастыря: Енисейский Иверский (до 1874 г. Христорожественский) девичий монастырь 3-го класса, Енисейский Спасский мужской монастырь 3-го класса, Туруханский Свято-Троицкий мужской монастырь 3-го класса [3, с. 334, 346; 4, с. 25–26]. Со временем появились еще три иноческие обители: в 1874 г. – красноярский Успенский мужской общежительный монастырь, в 1881 г. – красноярский Знаменский женский общежительный монастырь, в 1888 г. – красноярский Знаменский мужской общежительный скит на территории современного Дивногорска [4, с. 10, 17].

На основании сохранившихся в архивах и музеях документов, фотографий, вещественных материалов,

а также газетных и журнальных публикаций тех лет, мы знаем, что насельники и насельницы монастырей играли видную роль в духовной жизни жителей Енисейской губернии. Но из какого источника сами монастырские обитатели черпали свою духовно-нравственную силу, этот вопрос еще далеко не раскрыт. В данной статье мы рассмотрим лишь один аспект – влияние уроженцев западной части Российской империи, в том числе Белоруссии и Украины, на повседневную жизнь монастырей Енисейской епархии в досоветский период.

Источниковой базой исследования послужили неопубликованные письменные материалы, хранящиеся в фондах Государственного архива Красноярского края (далее ГАКК), относящиеся к образованию и развитию Енисейской епархии в 1861–1919 гг. Основную группу архивных источников составляет монастырская документация. С точки зрения информативности комплекс монастырских делопроизводственных документов является репрезентативной источниковой базой для изучения истории монастырей досоветского периода. Отметим, что ко второй половине XIX в. перечень монастырской документации формируется окончательно, уточняется форма ведения документов, появляются печатные формуляры документов. Число форм отчетности постепенно увеличивается, охватывая почти все сферы монастырской жизни. Монастырская документация

по данному периоду отложилась в 10 фондах ГАКК¹ [5, с. 223–229].

Что касается жизнедеятельности монастырей, то во второй половине XIX в. их материальное благосостояние постоянно улучшалось. Штатные монастыри, которых в Енисейской епархии было три (все, кстати, 3-го класса), получали пособие из государственной казны. Причем мужские монастыри на содержание получали гораздо бóльшие суммы, нежели женские: так, Енисейский Иверский (до 1874 г. – Христорожественский) женский монастырь получал 241 руб. 38 коп. ежегодно, а мужские Енисейский Спасский монастырь и Туруханский Свято-Троицкий монастырь – каждый по 668 руб. 88 коп. в год². Заштатные монастыри, коих тоже было три, образованные после 1867 г., пособие из казны не получали.

Но главным источником доходов и штатных, и заштатных монастырей являлись неокладные суммы и разные пожертвования. Например, Енисейский Иверский женский монастырь в 1879 г. собрал различных пожертвований и неокладных сумм на 7 692 руб. 2 коп., из них большая часть – 5 325 руб. – поступила от представителей купечества³. Эти суммы постоянно увеличивались и в том же енисейском Иверском женском монастыре в 1915 г. составляли 23 тыс. руб. неприкосновенного капитала, который складывался из пожертвований разными лицами на вечное поминовение. Капитал этот заключался в десяти непрерывно доходных билетах и 4 %-ных государственных рентах, проценты с которых, согласно воле завещателей, расходовались на жалованье священнику, ремонт монастыря и содержание сестер⁴. Благодаря тому, что монастыри стали богаче, в них увеличилось число насельников и насельниц. Если в 1880 г. монашествующих было 83 чел., то в 1915 г. – уже 277 чел. Общие итоги развития монастырей на рубеже столетий можно определить следующим образом. Число монастырей с 1861 г. возросло вдвое. Средняя населенность монастыря увеличилась более чем в 2 раза – с 20 до 46 чел. Отметим, что женские монастыри в начале XX в. оказались более населенными, чем мужские. Если в четырех мужских проживало 57 чел., то в двух женских – 220 чел.

Три монастыря были городскими, два сельскими и один, Знаменский скит, с 1891 г. имеющий статус самостоятельного заштатного монастыря, находился в таежной глуши, вдали от всех населенных пунктов. В Красноярске, кафедральном городе вновь образованной Енисейской епархии, располагался один монастырь – Красноярский Успенский мужской общежительный, образованный в 1874 г. Самым населенным монастырем епархии стал образованный в 1881 г.

Красноярский Знаменский женский общежительный (140 насельниц).

Что касается уровня грамотности, то из 277 насельников и насельниц в 1915 г. неграмотными были 16,6 %, из них 40 женщин и 6 мужчин. Отметим, что при каждом монастыре действовали различные образовательные учреждения, имелись значительные библиотеки, постоянно проводились душещепательные беседы.

С началом Первой мировой войны монастыри Енисейской епархии приняли самое деятельное участие по поддержанию морального духа и материального положения раненых, увечных, просто участников войны и членов их семей. Так, только за первый месяц войны для нужд действующей армии красноярскими монастырями было собрано 444 руб. 50 коп. Приенсейские монастыри активно принимали у себя монашествующих из монастырей западных епархий, разоренных войной, а в Красноярском Знаменском женском монастыре монахиня Киево-Покровского женского монастыря Серафима стала даже настоятельницей⁵.

Перед тем как перейти к рассмотрению влияния на жизнь монастырей Енисейской епархии уроженцев западной части Российской империи, в том числе Белоруссии и Украины, определим, кого же мы считаем таковыми. Под уроженцами западной части Российской империи, проживавшими в монастырях Енисейской епархии, мы подразумеваем всех, кто родился в Юго-Западном и Северо-Западном крае Европейской России (губернии: Вольнская, Киевская, Подольская; Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская), а также в примыкавшей к ним Псковской губернии, к которой периодически присоединялись некоторые земли от Витебской и Могилевской губерний. По своему статусу проживающие в иноческих обителях делились на две группы: братия, т. е. добровольно живущие в монастыре, и епитимейцы, т. е. те, кто принудительно проживал в монастыре, отбывая какое-либо наказание. Но если среди братии уроженцы западной части Российской империи были весьма немногочисленны, то среди епитимейцев они составляли добрую половину.

Рассмотрим административно-географическую принадлежность насельников и насельниц монастырей Енисейской епархии, для сравнения взяв данные конца XIX в., когда добровольные переселенческие потоки из западной части в Енисейскую губернию были весьма малочисленными, и 1915 г., когда формально, помимо многолетней активной реализации столыпинской аграрной реформы, в ходе которой только из Белоруссии в Сибирь переселилось 335,4 тыс. чел., с началом Первой мировой войны в Енисейский край стали прибывать и беженцы с земель, оккупированных немцами.

Таким образом, в 1882–1883 гг. в монастырях проживали два уроженца западной части Российской

¹ Государственный архив Красноярского края. Путеводитель. XVII – начало XX в. / отв. ред. А.А. Григорьев. Красноярск, 2001. С. 78–95.

² ГАКК. Ф.674. Оп.1. Д. 1643. Л. 2; Д. 1667. Л. 2 об.; Д. 1671. Л. 23.

³ Там же. Д. 1620. Л. 7 об. – 8.

⁴ Там же. Д. 3742. Л. 3–4.

⁵ Там же. Д. 3739. Л. 4.

Происхождение насельников и насельниц монастырей Енисейской епархии в 1914–1915 гг.*

Губернии Российской империи	Енисейский девичий монастырь (1915 г.)	Енисейский мужской монастырь (1915 г.)	Красноярский женский монастырь (1915 г.)	Красноярский мужской монастырь и Знаменский скит (1915 г.)	Туруханский мужской монастырь (1914 г.)	Всего
Бессарабская	–	–	1	–		1
Варшавская	–	–	–	1		1
Вологодская	–	–	1	–		1
Вятская	–	–	3	–		3
Екатеринославская	–	–	1	–		1
Енисейская	44	2	105	1	4	156
Иркутская	1	1	2	–		4
Казанская	–	–	–	–	1	1
Калужская	–	–	–	–	1	1
Киевская**	–	1	1	2		4
Костромская	–	1	1	–		2
Курская	–	–	1	–		1
Минская**	–	–	1	–		1
Могилевская**	–	–	1	1		2
Нижегородская	–	–	1	–		1
Орловская	1	–	–	–		1
Пензенская	–	–	4	–	1	5
Пермская	3	2	2	–		7
Подольская**	–	–	1	1		2
Псковская**	–	–	1	–		1
Самарская	–	–	1	–		1
Санкт-Петербургская	–	1	–	–		1
Семипалатинская область	1	–	–	3		4
Симбирская	–	1	1	–		2
Тамбовская	–	1	–	–	1	2
Тобольская	1	–	1	2		4
Томская	1	–	19	–		20
Харьковская	–	–	1	–		1
Херсонская	–	–	1	1		2
Черниговская	–	1	1	1		3
Неизвестно	11	1	3	22		37
<i>Всего</i>	63	12	155	35	8	273

*Составлена по: ГАКК. Ф. 594. Оп. 1. Д. 277; Ф. 674. Оп. 1. Д. 3742, 3743, 3739, 3740.

**Выделены губернии западной части Российской империи.

империи, что составляло 2,7 % от общего числа монашествующих, тогда как в 1914–1915 гг. – 10 чел., или 3,7 %. Как видим, в количественном отношении уроженцев западной части Российской империи в конце XIX в. и в начале XX в. было немного. Что касается епитимейцев, то в количественном отношении уроженцы западной части Российской империи составляли половину от всех, отбывавших наказание в монастырях Енисейской губернии. Так, в 1883 г. в Енисейском Спасском монастыре из четырех епитимейцев один был родом из Могилевской, а другой – из

Киевской губернии⁶. Кстати, наказание они несли за грех кровосмешения – пожизненное, с исполнением церковного покаяния.

Каково же было влияние уроженцев западной части Российской империи на организацию монастырской жизни в Енисейской епархии? Наиболее видную роль из их числа сыграли два иеромонаха – строитель и первый наместник красноярского Успенского монастыря Зосима, а также строитель и первый на-

⁶ ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 1790. Л. 11 об. – 12.

стоятель красноярского Знаменского скита Филарет. Иеромонах Зосима родился в 1840 г. в семье мещан Киевской губернии. После окончания военно-учебного заведения служил в интендантстве. В 1869 г., по увольнению из интендантства, согласно прошению, поступил в Киево-Михайловский Златоверхий монастырь и был определен в число временных послушников, исправляя должность письмоводителя монастырского правления. Монашеский постриг принял в Крестовой церкви Полтавского архиерейского дома 30 лет от роду. В том же году преосвященным Иоанном, епископом Полтавским и Переяславским, был рукоположен в иеродиакона. В 1872 г. переведен на службу в Иркутскую епархию, где высокопреосвященным Парфением, епископом Иркутским и Нерчинским, был рукоположен в иеромонахи и определен экономом Иркутского архиерейского дома. Спустя год определен в Енисейскую епархию экономом архиерейского дома. За ревностное прохождение обязанностей награжден наперсным крестом от Святейшего Синода. С 1874 г. возглавил строительство Успенского мужского общежительного монастыря близ Красноярска, а после его открытия в 1879 г. стал первым наместником монастыря⁷.

Зосима – энергичный и разносторонне развитый человек, активно применял свой опыт военной службы. Используя свои познания в фортификации, он составил чертежи и смету дороги из Успенского монастыря до Красноярска, вдоль скалистого берега Енисея. Он же возглавил эти дорожные работы, которые были закончены через 4,5 мес.⁸ Его навыки руководителя позволили в кратчайшие сроки не только закончить постройку мужского Успенского монастыря, но и начать устройство женского Знаменского монастыря, почти в 40 верстах от Красноярска⁹. После перемещения иеромонаха Зосимы из Енисейской епархии достойным его преемником на должности наместника Успенского монастыря стал другой уроженец западной части Российской империи – иеромонах Филарет.

Иеромонах Филарет (в миру Федор Васильевич Васильев) родился в 1840 г. Человек удивительной судьбы, он был смел и удачлив во всех своих начинаниях. Крестьянский сын, выходец из Псковской губернии, он попал на военную службу в гвардии Гродненский гусарский полк, шефом которого был наследник цесаревича и великий князь Николай Александрович. Отличившись на службе, Федор Васильев дослужился до унтер-офицерского звания. Выйдя в отставку в возрасте 38 лет, «по увольнению из военной службы, согласно прошению и распоряжению Енисейского Епархиального начальства», бывший гусар был принят в духовное ведомство и зачислен в число братства Красноярска Успенского монастыря. При постриге 25 марта 1879 г. получил имя Филарет. Духовная карьера Филарета оказалась удачной. Через два года пос-

ле пострига он был рукоположен в иеромонахи, затем назначен духовником, казначеем, управляющим, а в 1887 г., после отъезда иеромонаха Зосимы, утвержден в должности наместника красноярского Успенского монастыря. В 1888 г. Филарет, по собственному прошению, был определен строителем Знаменского скита, а в 1891 г. утвержден первым настоятелем этого скита. В 1907 г. Филарет был возведен преосвященнейшим Евфимием, епископом Енисейским и Красноярским, в сан игумена. Награжден за усердную службу наперсным крестом от Святейшего Синода и орденом Святой Анны 3-й степени¹⁰.

Но Филарет искал не чинов, а душевного покоя, тишины. Еще с 1883 г. стал добиваться выделения земли в таежной глуши для строительства уединенного скита. Епархиальные власти хотели устроить скит в верховьях Манной, но он выбрал земли в таежных дебрях на правом берегу Енисея, где сейчас стоит г. Дивногорск. Военная закалка, напор и энергия Филарета помогли убедить высшее духовное и гражданское начальство в правильности его выбора. Сумел он найти и необходимые материальные средства. Скит, жилище отшельника, место уединения, при Филарете превратился в процветающий монастырь. Он сумел привлечь внимание к своему детищу известных в Сибири людей. Почетный гражданин Красноярска Т.К. Матонин выдал деньги на возведение церкви и трапезной. Епископ Енисейский и Красноярский Тихон на свои средства построил настоятельский корпус. Купец И.В. Попов и потомственный почетный гражданин г. Красноярска Н.Н. Гадалов финансировали строительство часовни в честь Святителя и Чудотворца Николая. К 1904 г. скит был практически застроен¹¹. Под руководством Филарета монахи активно занимались хозяйственной деятельностью – при ските выросли небольшие заводы: кирпичный, смологонный, свечной. Действовали столярная, кузнечная, сапожная и портновская мастерские, пекарня. Пасека на 40 ульев и арендуемый под Туруханском рыболовческий участок приносили монастырю существенный доход. Скит был первой пристанью после Красноярска, и пассажиры судов охотно покупали рыбу, икру, мед, вкусную выпечку и другие продукты, производимые в монастыре.

Филарет заботился не только о физическом питании своей паствы. Большое внимание он уделял духовной жизни скита. Вел обширную переписку со многими приходами и монастырями России и зарубежными миссиями. Его активная духовная деятельность привела к тому, что уже к началу XX в. Знаменский скит стал одним из самых авторитетных духовных центров края. В скиту была открыта школа, где монахи и послушники обучались по программе церковно-приходских школ, был создан приют для инвалидов Первой мировой войны. Скит получил широкую известность, сюда стекались богомольцы из многих

⁷ Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–6.

⁸ Там же. Д. 1. Л. 56–56 об.

⁹ Там же. Ф. 322. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–21 об.

¹⁰ Там же. Ф. 104. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

¹¹ Там же. Д. 12. Л. 1–2.

епархий России, прибывали православные из-за рубежа. За год в скиту бывало по 6 тыс. богомольцев [6, с. 272–274]. Кроме того, зная твердый и суровый нрав закаленного на военной службе бывшего унтер-офицера, к Филарету в Знаменский скит отправляли на перевоспитание от порока пьянства и лености лиц духовного звания со всей Енисейской епархии.

Таким образом, несмотря на то, что количество уроженцев западной части Российской империи, проживавших в монастырях Енисейской епархии, было весьма незначительно, тем не менее, они сумели оказать существенное влияние на организацию и течение монастырской жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткое описание приходов Енисейской епархии. Красноярск, 1916. 244 с.
2. Малаших Г.В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. Красноярск, 2011. 480 с.

3. Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год. СПб., 1863. 350 с.

4. Варсонофий иеромонах (В. Каскаев). Мое возлюбленное младое чадо. История Красноярского Свято-Успенского монастыря. Красноярск, 2007. 88 с.

5. Федоров И.Г. Фонды Государственного архива Красноярского края как источник по истории монастырей Енисейской епархии досоветского периода // Материалы I Межрегион. науч.-практ. конф. «Архивные документы в системе объективного научного знания об истории Сибири», приуроченной к 85-летию со дня образования Архивной службы Республики Хакасия. Абакан, 2012. С. 223–229.

6. Федоров И.Г. У стен Знаменского Скита (к 120-летию основания Красноярского Знаменского мужского общежительного Скита) // Мартыановские краеведческие чтения : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посв. 300-летию вхождения территории Юга Сибири в состав России. Минусинск, 12–14 декабря 2007 г. Красноярск, 2008. Вып. V: 300 лет в составе России. С. 271–275.

Статья поступила
в редакцию 28.11.2013

УДК 94(47).073

Е.Н. ТУМАНИК

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ СИБИРСКОГО ЧИНОВНИКА СЕРЕДИНЫ XIX в. Г.С. БИЛЬДЗЮКЕВИЧА*

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: t.katharina@ngs.ru

Статья посвящена характеристике недавно введенных в научный оборот источников, связанных с освоением Восточной Сибири и присоединением Приамурья в середине XIX в., а также административной деятельностью на востоке России выходца с территории современной Беларуси – чиновника среднего управленческого звена Г.С. Бильдзюкевича. Государственный служащий «муравьевского призыва», он по собственному желанию избрал направление карьеры, руководствуясь стремлением служить под началом гр. Н.Н. Муравьева и участвовать в его преобразованиях. Помимо государственной службы Г.С. Бильдзюкевич активно занимался изучением истории, этнографии, статистики, географии, народонаселения, животного и растительного мира края, создавая при этом художественные зарисовки – панорамные виды населенных пунктов Сибири, природных объектов, этнографические и бытовые эскизы, изображения флоры и фауны. Своей задачей чиновник считал доведение до внимания соотечественников новых сведений и описаний Восточной Сибири; так появился на свет «Живописный альбом» – систематизированный свод очерков и изобразительных материалов. В настоящей статье подробно аннотируется иллюстративная составляющая часть «Живописного альбома». Документы, относящиеся к разделу делопроизводственной документации периода деятельности Г.С. Бильдзюкевича на посту земского исправника в Гижигинском округе (годовой отчет и докладная записка за 1866 г.), касаются проблем национальной политики Российской империи на Крайнем Севере, сопряженных с общей геополитической ситуацией на восточных границах государства. Рассмотренный комплекс документов в настоящее время опубликован и при дальнейшем вовлечении в научные исследования окажется полезным для специалистов различных специальностей.

Ключевые слова: администрация, управление, описания Сибири, освоение Приамурья, национальная политика Российской империи

Сегодня имя Гектора Станиславовича Бильдзюкевича как пример судьбы сибирского чиновника – выходца из западных губерний Российской империи – занимает свое особое место в сибирской историогра-

*Статья подготовлена при поддержке Центра польско-российского диалога и согласия, проект № 4/2013.

фии. Почти полтора столетия созданный им в Сибири «Живописный альбом» не привлекал внимания сначала издателей, потом исследователей. Но в настоящее время благодаря активной разработке в исторической литературе таких тем, как изучение администрации и чиновничества Сибири, исследование роли представителей Беларуси и Польши в освоении края, наследие Г.С. Бильдзюкевича оказалось, наконец, востребованным [1].

Он родился в 1829 г. в Вилейском уезде Минской губернии в семье помещика. В самом начале XIX в. род Бильдзюкевичей был признан в составе русского дворянства. В 1852 г. Гектор Бильдзюкевич окончил юридический факультет Киевского университета Св. Владимира. В том же году он подает прошение на имя генерал-губернатора Восточной Сибири гр. Н.Н. Муравьева-Амурского, получает положительный ответ и по собственному желанию уезжает служить в этот далекий край. Выпускником университета двигали отнюдь не карьерные соображения. Именно в начале 1850-х гг. (Г. Бильдзюкевич прибыл в Иркутск в 1853 г.) поездки государственных служащих в Сибирь «за чином» давно уже стали достойным делом прошлого. Более того, молодые и образованные чиновники ехали служить за Урал крайне неохотно. Но одновременно выделилась прослойка молодежи, в желании которой служить на самом востоке империи превалировали вовсе не карьерные или меркантильные интересы [2, с. 26].

Молодые энтузиасты отправлялись в Забайкалье, стремясь участвовать в преобразованиях гр. Муравьева-Амурского, желая увидеть своими глазами, как на отдаленных территориях государства возникнет новая передовая цивилизация, призванная продвинуть Россию на невиданный доселе уровень в геополитическом отношении. Автор «Живописного альбома» отмечает, что как раз свершающееся на его глазах присоединение Амура стало для него главным жизненным событием и настолько «проникло» в его душу и «взволновало» его чувства, что он решил непременно лично участвовать в «столь чудных» «событиях» «в далеком краю»¹. Нельзя утверждать, что поездка в Восточную Сибирь на длительный срок службы, а может быть и навсегда, совсем не вызвала у него опасений, но романтическое стремление участвовать в освоении новых территорий, стать первопроходцем и первооткрывателем, желание явиться действующим лицом в глобальных геополитических преобразованиях (а именно так оценивал Г. Бильдзюкевич присоединение Амура) в итоге перевесило привитые традиционным воспитанием взгляды на Сибирь, как на край изгнания и страданий [1, с. 10–11].

По прибытии Гектора Бильдзюкевича в Восточную Сибирь летом 1853 г. оказалось, что в тот момент генерал-губернатора Н.Н. Муравьева не было в Иркутске, и дипломированный юрист неожиданно был

определен... бухгалтером в Николаевский железодобывательный завод на р. Долоновке, в 25 км от Братска. Конечно, это стало несколько обескураживающим моментом для начала карьеры «амурского первопроходца», но данное обстоятельство не смутило молодого чиновника, с рвением начавшего свою службу. Получив первый классный чин губернского секретаря сразу по вступлении в должность, уже через три года Г. Бильдзюкевич был произведен в коллежские секретари. Но вплоть до 1858 г. его административная деятельность разворачивается все-таки за рамками «амурских свершений», хотя и не без пользы. За этот период Гектор Бильдзюкевич успешно адаптируется в Сибири, приобретает бесценный чиновничий опыт, познавая законы управленческой вертикали. Из бухгалтеров весной 1854 г. по личному распоряжению Н.Н. Муравьева он переводится в секретари конторы на том же Николаевском заводе, потом назначается чиновником особых поручений, а позже помощником управляющего Нерчинскими золотыми промыслами и Шилкинским горным округом, затем становится смотрителем Култуминского золотого промысла, а чуть позже полицмейстером Шилкинского завода. Так проходит несколько лет и, наконец, в марте 1858 г. Гектор Бильдзюкевич получает долгожданное назначение на Амур – в Приморскую область помощником правителя канцелярии военного губернатора с одновременным присвоением чина титулярного советника [1, с. 14–17].

До перевода на Амур Г. Бильдзюкевич в свободное от службы время с энтузиазмом занимался изучением края, с которым он связал свою судьбу. Ничего не ускользало от пристального взора молодого чиновника, ставшего добровольным исследователем Сибири: замечательные природные объекты, флора и фауна, география, этнография, народонаселение, история, статистика, сельское хозяйство и промышленность, повседневная жизнь, архитектура, культурный облик городов и поселений и т. п. Он пишет очерки и делает зарисовки, постепенно приходя к мысли о необходимости сгруппировать все свои работы в общий «альбом» с целью его дальнейшей публикации. Своей задачей Г. Бильдзюкевич считал доведение до внимания соотечественников, особенно в Европейской России, новых сведений и описаний Восточной Сибири – малоизученного в ту эпоху региона. Вот как формулирует сам автор побудительные мотивы, заставившие его взяться за труд: «При всей красоте и богатстве сибирской природы, разнообразии племен, населяющих ее на необъятном пространстве, и величии картин, поражающих изумлением взор путешественника, при столь разнообразных и неистощимых предметах для наблюдательного взора просвещенного путешественника, – этот край весьма мало посещается людьми, которые бы в своих описаниях ознакомили ближе наших соотечественников с отдаленною Сибирью»². Но, к сожалению, в XIX в. «Живописный

¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1000. Оп. 4. Д. 110. Л. 2.

² Там же. Л. 1.

альбом» так и не вышел из печати – преподнесенный автором в дар гр. Н.Н. Муравьеву-Амурскому, он стал достоянием лишь избранного узкого круга читателей.

В 2005 г. «Живописный альбом», свод кратких иллюстрированных очерков о Восточной Сибири и Приамурье, увидел свет. Его главной ценностью, наряду с литературным содержанием, уже получившим научную оценку [1, с. 19–21; 3; 4], является, конечно же, и художественная часть – 22 авторские иллюстрации, включающие:

– панорамные виды населенных пунктов Сибири – «г. Нерчинск» (№ 1), «Шилкинский Завод» (№ 7), «Екатерининский рудник» (№ 8), «Вид Собственного Его Императорского Величества Екатерино-Николаевского золотого промысла на речке Каре в Нерчинских заводах» (№ 9), «Усть-Стрелка» (№ 12), «Село Кызи» (№ 16), «Николаевск-на-Амуре» (№ 22);

– выдающиеся природные объекты – «Комарский утес» (№ 13), «Утесы Карсакова и Казакевича» (№ 14), «Хинганский хребет» (№ 15);

– этнографические и бытовые зарисовки – «У источника» (№ 2), «Ороченка» (№ 11), «Гиляки» (№ 17), «Сумагирская шаманка» (№ 18), «Гиляцкая деревня» (первый рисунок, № 19), «Гиляцкая деревня» (второй рисунок, № 20), «Гиляцкая деревня» (второй рисунок, № 20), «Нарты» (№ 21);

– изображения фауны и флоры – «Соболь» (№ 3), «Сохатый» (№ 4), «Кабарга» (№ 5), «Изюбр» (№ 6), «Ель» (№ 10).

К сожалению, удалось опубликовать не все иллюстрации альбома, но в приложении к изданию дано подробное описание всех рисунков Г.С. Бильдзюкевича [1, с. 95–103]. При выборочной публикации иллюстраций за основу был принят принцип их ценности с историко-культурной точки зрения – прежде всего, для характеристики истории сибирского города (опубликованы иллюстрации 1, 7, 9, 13, 15, 22). Но и опубликованные работы уже сыграли некоторую роль в воссоздании прошлого Сибири. Так, выяснилось, что созданный Г. Бильдзюкевичем вид г. Нерчинска – единственный в своем роде изобразительный материал, фиксирующий образ города в середине XIX в. Иными словами, до выхода альбома не было известно ни одного вида главной площади города с храмом в ее центре. Краеведы, в том числе сотрудники Нерчинского краеведческого музея, опирались только на словесные описания. Другая важная иллюстрация – панорама Николаевска-на-Амуре. Гектор Бильдзюкевич снимал ее одновременно с известным художником Е.Е. Мейером, даже с одной и той же точки, Константиновской батареи. В.В. Попов считает, что панорама Мейера появилась на год раньше, тем более в распоряжении исследователя есть гравюра с указанной при названии датой – 1858 г. (отпечатана она была гораздо позже, уже в 1860-е гг.) [5, с. 430–431]. Но на рисунке Г.С. Бильдзюкевича, пусть и датированном 1859 г., без сомнения, запечатлен более ранний вид города – отсутствуют прибрежная батарея и

укрепления, некоторые строения. В конце концов, не важно, кто был первым, важно, что Г. Бильдзюкевич создал один из самых первых видов молодого города, ярко представив его облик и жизнь Николаевского порта. И это только то, что выяснилось за те несколько лет, что прошли после публикации «Живописного альбома». Отметим, что исследователям и краеведам еще предстоит оценить другой опубликованный материал – интереснейшие виды Шилкинского Завода и особенно Ектерино-Николаевского рудника.

«Живописный альбом» и приложенное к нему письмо на имя гр. Н.Н. Муравьева-Амурского являются источниками личного происхождения, относящимися к биографии Г.С. Бильдзюкевича. Для подготовки к публикации «Живописного альбома» потребовались и другие сведения о его создателе, в частности, о его биографии и служебной карьере. Так, к источникам личного происхождения прибавилась делопроизводственная документация. Прежде всего стоит остановиться на материалах из фондов Российского государственного архива Дальнего Востока (РГИА ДВ). После отъезда на Амур карьера Г.С. Бильдзюкевича складывалась следующим образом. Он прослужил в Николаевске до середины лета 1859 г.; после недолгого пребывания в канцелярии губернатора в августе 1858 г. был назначен секретарем окружного суда, а в июне следующего года по предписанию военного губернатора Приморской области П.В. Казакевича определен исправляющим должность гижигинского земского исправника [1, с. 19]. В фондах РГИА ДВ сохранилось несколько документов периода службы Г.С. Бильдзюкевича в Гижиге – годовой отчет о состоянии округа за 1866 г. и докладная записка от 20 октября того же года на имя нового военного губернатора Приморской области И.В. Фуругельма – эти материалы сегодня также опубликованы [1, с. 105–117; 6].

В административной практике XIX в. помимо обязательных годовых отчетов инициативные чиновники регулярно представляли пространственные аналитические записки о состоянии вверенных их управлению территорий. Такова и записка Г.С. Бильдзюкевича, посвященная положению на Крайнем Севере. В ней выявляются важные проблемы, в первую очередь, национальные и экономические, внутренней политики государства на восточном рубеже и предлагаются пути их решения. Текст годового отчета близок по стилю к публицистике. В официальной хронике встречаются рассуждения автора о быте, образе жизни, хозяйстве подвластного населения, непредвзято характеризуются все противоречия повседневной жизни, наблюдаемые неравнодушным чиновником, желающим их исправить. Как пережиток прошлого отмечены недостаточно сильная власть государства над коренными народами Севера, леность и нежелание русского населения цивилизовываться и т. п. Отчеты нижестоящих чиновников, в управлении которых находились уезды и округа, служили обязательной основой для составления отчетов губернато-

ров и областных начальников, поэтому главы высших административных образований должны были еще и по этой причине тщательно изучать их. Отсюда многочисленные замечания и ремарки И.В. Фуругельма на полях отчета Г.С. Бильдзюкевича. Составленная 26 октября 1866 г. докладная записка была подана на имя того же И.В. Фуругельма. В записке сразу же узнается достаточно своеобразный и яркий литературный стиль «Живописного альбома». В канцелярии военного губернатора в документ добавлена небольшая правка – это связано с тем, что записка, вероятно, предназначалась для составления другого донесения или отчета, направленного в вышестоящие инстанции. Предположительно можно сказать, что текст Г.С. Бильдзюкевича был включен в новый документ практически полностью, с незначительными исправлениями.

Г.С. Бильдзюкевич резко выступает против принципа «национальных окраин», постоянно подчеркивая важность Чукотки в стратегическом и торгово-экономическом отношениях. Действительно, Гижигинский округ в период управления Г.С. Бильдзюкевича нельзя считать глухой национальной провинцией Российской империи. Во-первых, он вошел в состав самого передового и бурно развивающегося на тот момент в геополитическом отношении Приморского генерал-губернаторства. Во-вторых, именно в середине 1860-х гг. округ оказался в центре событий, связанных со строительством телеграфной линии из Америки в Европу. При удачном завершении проекта территория могла бы стать зоной, высокоразвитой в хозяйственно-экономическом отношении, с достаточно современной по тем временам инфраструктурой. Поэтому земский исправник, понимая, что необходимо менять качество жизни в округе, указывает, обращаясь в вышестоящие административные инстанции, на необходимость трансформации национальной политики, оставшейся на уровне XVIII в., освобождения ее от норм и стереотипов прошлого, изменения культуры быта, потребления и медицинского обслуживания, и т. д. Достоин внимания и то, что в годовом отчете, особенно в докладной записке, Г.С. Бильдзюкевич сообщает новые интересные данные о деятельности Российско-Американской телеграфной компании.

Г.С. Бильдзюкевич пытается решить сложнейший вопрос государственной национальной политики о фактическом подчинении «непокорных чукчей». Для него, как главы местной администрации, несравнимо более важным являлось распространение отношения «подчиненности» власти, чем, к примеру, устройство в Гижиге запасных рыбных магазинов, что было не совсем понятным вышестоящему сибирскому начальству. В середине XIX в. чукчи относились к числу этносов «не вполне покоренных» [7]. Это известное положение лишнее раз подтверждает и докладная записка Г.С. Бильдзюкевича, в которой он старается занять объективную позицию в национальном конфликте и найти наиболее удобный для обеих

сторон путь урегулирования противоречий. Приводя в пример деятельность Российско-Американской компании, он выступает только за мирное решение всех конфликтов с воинственными чукчами, делая основой новой этнической политики взаимовыгодное развитие торговли и экономических связей с одновременным возрождением форпостов Российской империи на Крайнем Севере. Таким когда-то был Анадырь, представлявший собой в середине 1860-х гг. полузаброшенное селение, не имевшее ни административного, ни стратегического, ни торгового значения. Г.С. Бильдзюкевич с болью пишет об этом положении: «Анадырский лиман и Берингово море постоянно посещаются китобоями всех наций, но об русском флаге туземцы никогда там не слышали, не признают над собой никакой власти, не имея ни малейшего понятия о нашем могуществе, и Русское имя между ними едва упоминается»³.

В фондах РГИА ДВ сохранился также формулярный список Г.С. Бильдзюкевича, содержащий сведения об этапах карьеры, образовании, семейном положении. Сведения, к сожалению, не полные, так как документ датирован 1866 г.⁴ Других учетных документов о Гекторе Бильдзюкевиче в архивах Сибири и Дальнего Востока пока не обнаружено. В библиографическом указателе Е.Д. Петряева есть данные, что в 1870 г. Г.С. Бильдзюкевич являлся служащим Нерчинского горного правления, датой смерти чиновника он указывает приблизительно 1890-й год, но, к сожалению, в связи со спецификой издания осталось неясным, на какие источники опирался автор [8, с. 15]. Восстановить родословие Гектора Бильдзюкевича помогли документы из фондов Национального исторического архива Беларуси. Это родословная роспись и герб рода Бильдзюкевичей, поданные к утверждению в Минское дворянское депутатское собрание 28 мая 1802 г.⁵ Данные материалы также опубликованы в издании «Живописного альбома» [1, рис. 8].

Таким образом, подготовка к публикации отдельного источника («Живописного альбома») и сопутствующие этой работе параллельные источниковедческие изыскания позволили ввести в научный оборот комплекс материалов, касающихся не только биографии отдельного чиновника, но и широкого спектра вопросов истории и культуры, этнографии, градостроительства, географии, внутренней и даже внешней политики Российской империи, а также генеалогии. Думается, опубликованные материалы внесут свою лепту в изучение истории Сибири, а также и Беларуси, окажутся полезными научным специалистам различных направлений, генеалогам и краеведам.

³ Российский государственный архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 87. Оп. 1. Д. 97. Л. 81.

⁴ Там же. Д. 1858. Л. 12–16 об.

⁵ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 319. Оп. 1. Д. 22. Табл. 27. Л. 87.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бильдюкевич Г.С. Живописный альбом с приложением краткого описания замечательнейших видов и местностей на берегах р. Шилки, Амура и Восточного Океана. 1859 / сост., вст. ст., коммент., публ. текстов Е.Н. Туманик. Новосибирск, 2005. 128 с., ил.
2. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири. Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002.
3. Туманик Е.Н. Сведения о Восточной Сибири и ее Приморской области в «Живописном альбоме» Гектора Бильдюкевича // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века: сб. науч. ст. Новосибирск, 2004. С. 137–153.
4. Туманик Е.Н. Гектор Бильдюкевич: государственный чиновник и исследователь Восточной Сибири середины XIX века // Вклад польских ученых в изучение Восточной Сибири и озера Байкал : сб. Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск – пос. Лист-

венничное – пос. Мишиха, 23–26 июня 2011 г.). Иркутск, 2011. С. 153–166.

5. Попов В.В. Неизвестные «автографы» академика живописи Е.Е. Мейера на Амуре // Вестник Сахалинского музея. 2010. № 17. С. 430–438.
6. Гижигинский округ в середине 1860-х гг. // Изучение и освоение Арктической зоны России в XVIII – начале XXI вв. : сб. док. и материалов. Новосибирск, 2011. С. 60–76.
7. Зуев А.С. Русская политика в отношении аборигенов Крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2002. Т. 1, вып. 3. С. 14–24.
8. Петряев Е.Д. Краеведы и литераторы Забайкалья : Библиограф. указ. Дореволюционный период. 2-е изд., испр. и доп. Чита, 1981.

Статья поступила
в редакцию 07.11.2013

УДК 94(476)

А.А. КУХАРЕНКО

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ОТДЕЛЕНИЙ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА

Белорусский государственный университет,
г. Минск
e-mail:KuharenkAA@bsu.by

В статье поставлена цель – проанализировать источники по истории деятельности белорусских отделений Крестьянского поземельного банка, которые хранятся в архивах Республики Беларусь, Российской Федерации и Литовской Республики. Архивные документы позволяют выявить отличительные особенности, которые прослеживаются в деятельности данного ипотечного учреждения по разрешению давно назревшего аграрного вопроса на территории белорусских губерний.

Сегодня возникла необходимость в пересмотре устоявшихся подходов к деятельности Крестьянского поземельного банка, сформулированных в рамках советской исторической науки. Отличительные особенности, которые прослеживаются в деятельности банка на территории Беларуси, еще до конца не изучены в научной литературе. Эти обстоятельства определяют новизну данной темы, имеющей не только научно-теоретическое, но и практическое значение.

Особое внимание уделяется проблеме взаимодействия местных отделений банка и землеустроительных комиссий, которые установили тесное сотрудничество для мобилизации земельной собственности и повышения уровня культуры земледелия крестьян. Прослеживается роль Крестьянского поземельного банка в реализации столыпинской аграрной реформы на территории Беларуси.

Ключевые слова: Крестьянский поземельный банк, источниковедение, ссуда, землеустройство, благотворительность, белорусские губернии.

После отмены крепостного права земельный вопрос по-прежнему стоял на повестке дня и требовал незамедлительных действий со стороны власти в сельском хозяйстве Российской империи. Первым таким шагом стало создание в 1882 г. Крестьянского поземельного банка, местные отделения которого были открыты в каждой белорусской губернии. Кроме выдачи ссуд на покупку земли банк занимался активной землеустроительной деятельностью и широкими благотворительными акциями, что позволило ему стать одним из главных инструментов аграрной политики самодержавия. Опыт банковского участия в решении аграрного вопроса является без преувеличения уникальным в мировой

практике. Поэтому исследование деятельности данного банка приобретает особый научный интерес.

Изучение деятельности белорусских отделений Крестьянского поземельного банка невозможно без обращения к архивным документам. Основные источники по данной проблеме хранятся в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Минске, Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно, Литовском государственном историческом архиве в г. Вильнюсе и Российском государственном историческом архиве в г. Санкт-Петербурге.

В Национальном историческом архиве Беларуси имеется множество документов, которые могут быть

использованы для исследования деятельности Крестьянского поземельного банка на территории Минской, Могилевской, Витебской и Виленской губерний. Эти документы находятся, главным образом, в составе следующих фондов: «Минское отделение Крестьянского поземельного банка» (ф. 1050), «Могилевское отделение Крестьянского поземельного банка» (ф. 2181), «Витебское отделение Крестьянского поземельного банка» (ф. 2510), «Минская губернская землеустроительная комиссия» (ф. 47), «Могилевская губернская землеустроительная комиссия» (ф. 2191), «Витебская губернская землеустроительная комиссия» (ф. 2611) и др. Кроме того, имеется коллекция микрофотокопий документов Литовского государственного исторического архива, которая поступила в 1967 г. (коллекция № 6 «Поверочные описания имений белорусских губерний из фонда Виленского отделения Государственного дворянского земельного банка, сведения об имениях белорусских губерний из фонда Виленского отделения Крестьянского поземельного банка Государственного исторического архива Литвы») 5723 кадра).

Фонд 1050 состоит из двух описей, в которые входят 1956 дел. Главная особенность этого фонда заключается в том, что он дает возможность проанализировать землеустроительную деятельность Минского отделения Крестьянского поземельного банка, в которой выделяется несколько основных направлений: парцелляция земли, мелиоративные работы, водоснабжение, улучшение путей сообщения, устройство показательных полей и хуторов, ведение лесного хозяйства и сдача свободных земель в аренду. Все эти направления считались приоритетными и осуществлялись отделением банка за собственный счет.

В ходе парцелляции составлялись подробные планы земельных владений. Примером может служить «План казенного застенка Переходка (съёмка 1852 г.)». Он представляет собой земельный чертеж, который был дополнен краткими сведениями о продаваемой земле. Географическая направленность, масштаб, выделение каждого объекта чертежа цветом или штриховкой и четкое определение границ собственности – обязательные требования для любого чертежа. Причем подробный план должен был содержать название земельных угодий и смежных географических объектов, информацию о собственниках, дату составления плана, а также подписи его составителей¹.

Мелиорация преследовала цель увеличения количества пригодных для распродажи земельных участков путем приведения в культурный вид заболоченных угодий. Примером является постановление ликвидационного отдела Минского отделения Крестьянского поземельного банка № 326 от 6 но-

¹ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1050. Оп. 2. Д. 1. Подробный план казенного застенка Переходка (съёмка 1852 г.).

ября 1909 г. Этим постановлением был утвержден проект шести осушительных каналов в имении Кабановка. Для выполнения осушительных работ в банковском имении был определен кредит в размере 3200 руб.²

Для улучшения путей сообщения в продаваемых банком имениях было начато строительство новых и ремонт старых дорог и мостов. Земельные участки следовало соединять между собой удобными проезжими дорогами шириною не менее трех саженей. Например, постановление ликвидационного отдела Минского отделения Крестьянского поземельного банка № 674 от 24 июня 1910 г. определило кредит в размере 215 руб. на ремонт гребли и дороги и устройство моста в банковском имении Заходь Речицкого уезда³.

В фонде 2181 находятся четыре дела. Отдельного упоминания заслуживает финансовая отчетность Могилевского отделения Крестьянского поземельного банка, которая является довольно сложным и несистематизированным блоком информации и поэтому нуждается в предварительной классификации. В данном случае критерием может служить временной интервал, так как итоги основных банковских операций подводились за равные промежутки времени. В связи с этим можно выделить ежедневные (кассовые книги), ежемесячные (оборотные ведомости) и ежегодные (денежный отчет) документы.

Структура документа конца XIX – начала XX в. была детально разработана и представляла собой шаблон. Рассмотрим в качестве примера кассовые книги. Они содержат информацию о приходе, расходе и переносе денежной массы, итоговой сумме за день, количестве денежных средств к переносу, денежной сумме по приходному документу (в том числе от заемщиков, арендаторов и разных лиц) и сумме по ордеру⁴.

Из всех фондов Национального исторического архива Беларуси лучше других сохранился ф. 2510, который насчитывает 11 082 дела. Большинство документов представлено материалами официального делопроизводства, которые отражают работу Витебского отделения Крестьянского поземельного банка: деловая переписка с органами государственной власти и клиентами, арендные договоры, дела о выданных банком ссудах и т. д.

Для получения ссуды крестьянам следовало подготовить целый пакет документов: заявление; три плана приторгованной земли; условие, заключенное с продавцом о покупке земли; договор о покупке с наделением определенного лица правом ведения всего дела; посемейный список покупателя со сведениями

² Там же. Оп. 1. Д. 4. Дело по устройству осушительных каналов в имении Кабановка, 1909 г. Л. 1–2.

³ Там же. Д. 6. Дело по устройству дорог и мостов в имении б. Черниховского товарищества Речицкого уезда, 1910–1915 гг. Л. 1–2.

⁴ Там же. Д. 4. Кассовая книга Крестьянского поземельного банка на 1915 г.

об имущественном положении (количество земли, скота, пчел, постройки, промыслы и занятия); подписка продавца о договорах. Для получения ссуды сельским обществом был необходим дополнительно мирской приговор⁵, товариществом крестьян – требовалось обязательство о взаимном ручательстве⁶.

Для изучения проблемы взаимодействия отделений Крестьянского поземельного банка с губернскими землеустроительными комиссиями необходимо обратиться к фондам 47, 2191, 2611. Из архивных дел следует, что рассматриваемое сотрудничество способствовало мобилизации крестьянской земельной собственности в форме хуторского и отрубного владения землей и сведению к минимуму рисков долгового банкротства крестьян.

Сначала между белорусскими отделениями Крестьянского поземельного банка и местными землеустроительными комиссиями сложились натянутые отношения, что выражалось во взаимных претензиях друг к другу. Основная проблема заключалась в медленном проведении оценок предлагаемых к продаже земель. Например, в 1907 г. только по Минской губернии имелось в предложении к продаже 150 имений площадью до 360 тыс. дес., из которых была произведена оценка около 30 имений площадью до 75 тыс. дес. земли.

Всеми оценками занимались исключительно непременные члены Крестьянского поземельного банка, в то время как Наказ землеустроительным комиссиям от 1906 г. предписывал необходимость установления тесного сотрудничества между отделениями банка и губернскими землеустроительными комиссиями. В соответствии с этим документом землеустроительные комиссии участвовали как в покупке банком имений за свой счет и последующей ликвидации, так и в приобретении крестьянами земель непосредственно от их владельцев при содействии банка. Параграф 16 Наказа давал возможность поручать по предварительному соглашению с землеустроительными комиссиями производство оценок непосредственно членам комиссии⁷.

3 сентября 1907 г. в Минскую губернскую землеустроительную комиссию было направлено письмо № 15613, в котором Крестьянский поземельный банк давал подробное разъяснение сложившейся ситуации. В письме говорилось, что ни одна из уездных землеустроительных комиссий, принявших на себя ликвидацию купленных банком имений, не со-

ставила разработанного ликвидационного плана. Некоторые землеустроительные комиссии представили свои соображения, относящиеся к ликвидации, но эти соображения носят общий характер и не могут быть названы планами ликвидаций, которые должны содержать данные, касающиеся: а) разбивки имения на отдельные участки; б) состава будущих покупателей; в) расценки отдельных участков земли. Получается, что Минское отделение банка ожидает от землеустроительных комиссий разработанных планов ликвидации, а комиссии (в особенности Мозырская), высказав несколько общих соображений, ожидают дальнейших действий по разбивке и подысканию покупателей от отделения банка⁸.

Проблема была решена с помощью циркуляра Комитета по землеустроительным делам за № 17. Он давал возможность уездным землеустроительным комиссиям не касаться вопроса о расценке имений, но при этом вопросы о разбивке имения на отдельные участки и о составе будущих покупателей следовало детально проработать и представить в местные отделения банка, которые имели право рассматривать эти планы только в отношении соответствия ликвидационных предположений обеспеченности выдаваемой ссуды и возможности для заемщиков без недоимок вносить платежи.

В Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно находится ф. 29 «Гродненское отделение Крестьянского поземельного банка», который состоит из трех описей и насчитывает 2 351 дело. В этом фонде имеются дела, освещающие банковскую благотворительность, которая включала несколько основных направлений: передача в собственность или безвозмездное пользование строений, земель и другого имущества; льготы при выдаче и возврате ссуд; выделение денежных средств на распространение агрономических знаний путем открытия бесплатных сельскохозяйственных курсов и организации образцовых полей и хозяйств.

В годы столыпинской аграрной реформы белорусские отделения Крестьянского поземельного банка и местные землеустроительные комиссии оказывали денежную помощь хуторянам. Например, постановление Гродненского ликвидационного отдела № 263 от 26 июля 1913 г. предусматривало выделение 300 руб. для оказания денежного пособия хуторянам имения Ляховичи Кобринского уезда на устройство маслодельни на одном из хуторов этого имения⁹.

В Литовском государственном историческом архиве хранятся документы, которые могут быть использованы для исследования деятельности Крестьянского поземельного банка на территории Виленской

⁵ Там же. Ф. 2510. Оп. 1. Д. 1. Дело о выдаче ссуды, просимой обществом крестьян деревни Бесково Веляшковской волости Витебского уезда Витебской губернии для покупки у землевладельца Семена Казимировича Садовского земли, находящейся в Витебском уезде Веляшковской волости при имении Кротовша, в количестве 48 дес. 1200 саж., 1886–1917 гг.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 4. Дело по осмотру и оценке участков земли, покупаемой при содействии банка, 1906–1909 гг.

⁷ Там же. Ф. 47. Оп. 5. Д. 3. Переписка с уездными землеустроительными комиссиями по вопросу покупки имений Крестьянским поземельным банком, 1907 г. Л. 18 – 19.

⁸ Там же. Л. 48.

⁹ Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). Ф. 29. Оп. 1. Д. 601. Дело о покупке фруктовых деревьев крестьянами Гродненской губернии для разведения фруктовых садов на хуторах имений Крестьянского поземельного банка, 1913–1917 гг. Л. 29.

губернии. Главным образом, эти документы находятся в составе ф. 543 «Виленский отдел Крестьянского земельного банка 1874–1918», который насчитывает 1 492 дела.

Рассматриваемый фонд позволяет проанализировать деятельность Крестьянского поземельного банка в контексте национальной политики Российской империи. Циркуляр Крестьянского поземельного банка от 13 августа 1908 г. № 5328 предписывал местным отделениям банка «в случае возбуждения живущими в условиях крестьянского быта дворянами и мещанами польской народности ходатайств о продаже им земли при посредничестве Крестьянского банка, входить по таковым в предварительные сношения с генерал-губернатором»¹⁰.

После восстания 1863–1864 гг. попытки решения аграрного вопроса были неразрывно связаны с дискриминационными действиями самодержавия. Комитетом по землеустроительным делам 28 мая 1908 г. был установлен ряд льгот, направленных к более успешному устройству «коренного русского населения» (православные и старообрядцы) в Ковенской губернии на землях Крестьянского поземельного банка. Впоследствии был проработан вопрос о предоставлении этих льгот «коренному русскому населению» Виленской и Гродненской губерний. Данное предложение высказывалось в письмах виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора К.Ф. Кршивицкого. После обсуждения этого вопроса с виленским и гродненским губернаторами он признал необходимым распространить правила о порядке ликвидации земель на Виленскую и Гродненскую губернии¹¹.

В Российском государственном историческом архиве находится ф. 592 «Государственный Крестьянский поземельный банк Министерства финансов» (110 352 дела). В материалах фонда содержатся дела, необходимые для изучения текущей статистической отчетности белорусских отделений Крестьянского поземельного банка.

26 февраля 1909 г. была утверждена «Инструкция о порядке ведения текущей статистической отчетности в отделениях Крестьянского поземельного банка». В соответствии с нею текущая финансовая отчетность отделений банка по всем видам ссудных операций и отдельным моментам сделок проводилась при помощи особых купонных листов, отчетных книг и сводных статистических карточек.

К каждому делу по покупке имения за счет банка или назначению ссуд в отделении пришивался соответствующий купонный лист, сопровождавший затем дело по всем стадиям его дальнейшего развития. Для каждого рода дел купонный лист был отпечатан на бумаге особого цвета. Листы для дел по покупке

имений за счет банка имели оранжевый цвет, по продаже земли из имений банка – красный, по посредническим сделкам – белый, по назначению ссуд под надельные земли – зеленый и по назначению ссуд под земли, купленные крестьянами без содействия банка, – синий цвет. Все купонные листы состояли из корешка и отрывных купонов, приспособленных для отдельных моментов операций. По мере движения дела по отдельным моментам производства (заявление, разрешение, назначение к выдаче ссуды, расстройство сделки и пр.) соответствующие купоны и корешки к ним заполнялись надлежащими сведениями, причем купоны отрывались для подсчета месячной отчетности. Купоны представлялись в Центральное управление банка вместе с месячной статистической карточкой, а в отделениях оставались их дубликаты.

Для составления месячной отчетности в отделениях заводились особые отчетные книги, в которые после подсчета содержащихся в купонах статистических сведений заносились их месячные итоги по категориям сделок и моментам операций.

Из отчетных книг месячные губернские итоги вносились в сводные статистические карточки для представления в Центральное управление банка. Для каждого рода операций предназначалась особая карточка того же цвета, как и купонные листы. Заполнение купонов и корешков к ним, ведение отчетных книг и составление сводных месячных карточек возлагалось на заведующего статистикой отделения банка.

В Российском государственном историческом архиве хранятся письма П.А. Столыпина, позволяющие проследить ход подготовки и реализации столыпинской аграрной реформы. Примером может служить письмо от 3 октября 1910 г., адресованное А.В. Кривошеину: «Мое мнение, что неуспех или задержка землеустройства в некоторых губерниях зависит от применения землеустроительными комиссиями слишком огульного приема – отнесения единичных выделов в третью очередь, т. е. “ad calendas graecas”. Они пропустили между ушей рекомендацию Землеустроительного комитета не брезгать единичными выделами там, где они могут пробить брешь в деревенской косности, и во многих местах... дело остановилось. Я почерпнул это убеждение из бесед в экипаже с землеустроителями и предводителями, когда нам пускали пыль (черноземную) в глаза»¹².

Таким образом, архивные источники по данной проблеме носят репрезентативный характер. С их помощью было установлено, что Крестьянский поземельный банк играл определяющую роль при попытке решения земельного вопроса в рамках столыпинской аграрной реформы. Деятельность банка во многом объясняет активную позицию крестьянского

¹⁰ Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). Ф. 543. Оп. 1. Д. 1. Дело о циркулярами о торгах, 1908–1917 гг. Л. 2.

¹¹ Там же. Д. 6. Циркуляры о торгах, 1912–1915 гг. Л. 5.

¹² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Письма Петра Аркадьевича Столыпина, министра внутренних дел и других лиц, 1906–1915 гг. Л. 20–21.

населения при создании единоличной собственности в форме хуторского и отрубного владения землей. Банк содействовал мобилизации крестьянской земельной собственности, сведению к минимуму рисков долгового банкротства и последующей продаже земельных участков на торгах. Можно утверждать, что именно

деятельность банка способствовала укреплению финансового положения крестьян накануне Первой мировой войны.

*Статья поступила
в редакцию 01.11.2013*

УДК [94 +356.15](=161.1)(571.1 /.5)(476)“1941/1944”

А.М. ЛИТВИН

УРОЖЕНЦЫ СИБИРИ В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ И ПОДПОЛЬЕ БЕЛОРУССИИ (1941–1944 гг.)

д-р ист. наук,
Институт истории НАН Беларуси,
Минск,
e-mail: ajlit@tut.by

В статье даются краткие сведения о сибиряках – уроженцах и жителях регионов Сибири, а также сибиряках-белорусах, внесших значительный вклад в развитие партизанского движения и подпольной борьбы на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Приведенные примеры свидетельствуют, что сибиряки были среди тех, кто с первых дней войны занимался организацией партизанского движения и партийно-комсомольского подполья. Показываются причины, вследствие которых сибиряки оказались на оккупированной территории БССР. Одни из них жили и работали здесь в довоенные годы, другие служили в войсках ЗапОВО, третьи – в составе соединений и частей внутренних военных округов Советского Союза прибыли сюда после начала войны. Четвертые попали на оккупированную территорию в составе партизанских групп и отрядов, организаторских, разведывательных и диверсионных групп, сформированных по линии ЦК КП(б)Б, ЦК ВЛКСМ, НКВД–НКГБ, РУ ГШ РККА, военных советов фронтов и армий. Приведенные в статье примеры свидетельствуют о том, что сибиряки занимали ответственные посты в подпольных партийных и комсомольских органах, являлись командирами и комиссарами, начальниками штабов, командирами рот и взводов партизанских формирований (отрядов, бригад), значительное количество их было среди рядовых партизан и подпольщиков. Многие из них отмечены орденами и медалями, а пятеро сибиряков, в том числе два сибиряка-белоруса, за совершенные подвиги в партизанской борьбе на территории Белоруссии были удостоены звания Героя Советского Союза (двое посмертно). Три партизанских отряда носили название «Сибиряк», имя партизанского командира А.К. Флегонтова было присвоено созданной им бригаде. Результаты исследования позволяют существенно обогатить наши представления о вкладе сибиряков, в том числе белорусов-уроженцев Сибири в организацию и развитие партизанской и подпольной борьбы на рассматриваемой территории в 1941–1944 гг.

Ключевые слова: организаторы, руководители, сибиряки партизаны, белорусы-сибиряки, партизанская и подпольная борьба в Белоруссии.

За участие в партизанском движении на территории Белоруссии пять сибиряков и уроженцев Сибири – Т.П. Бумажков, В.И. Клоков, В.Л. Неклюдов, М.С. Прудников и П.М. Романов – были удостоены звания Героя Советского Союза. Тихон Пименович Бумажков родился 17 июня 1910 г. на ст. Свягино Приморского края в семье белорусов-переселенцев, переехавших в Сибирь во время столыпинской реформы. На свою родину в Дрибинский район Могилевской области Бумажковы возвратились в 1922 г. Перед войной Т.П. Бумажков возглавлял партийную организацию Октябрьского района партии Полесской (ныне Гомельской области). В июле 1941 г. он создал один из первых партизанских отрядов. 6 августа 1941 г. Т.П. Бумажкову и его боевому соратнику Ф.И. Павловскому первым из советских партизан было присвоено

звание Героя Советского Союза. В августе Т.П. Бумажков был назначен начальником политотдела кавалерийской дивизии. Храбрый партизанский командир погиб в сентябре 1941 г. в бою у с. Оржица Полтавской области во время прорыва вражеского окружения [1, с. 220]. Героически сражался с врагом и его родной брат – Макар Пименович Бумажков. Он родился в 1915 г. Война застала его в Бобруйске в должности политрука батареи 121-й стрелковой дивизии. Принимал участие в оборонительных боях. Оказавшись в окружении, перешел к партизанским действиям¹. Возглавлял группу, затем партизанский отряд, а с марта по июнь 1943 г. был командиром 225-й партизанской бригады,

¹ Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 3500. Оп. 4. Д. 223. Л. 75–76.

действовавшей на территории Минской и Полесской областей [2, с. 636, 637, 644].

Второй сибиряк-белорус, ставший Героем Советского Союза, – Павел Минаевич Романов. Он был одним из организаторов и руководителей партизанского движения в Витебской области, командиром партизанской бригады «За Советскую Белоруссию». Родился в 1905 г. в Чите. Трудовой путь начал рабочим в 1920 г. С 1931 г. на партийной и советской работе, с мая 1942 г. – 2-й секретарь Суражского, а с сентября 1942 г. – 1-й секретарь Бешенковичского подпольного райкома КП(б)Б. С 8 октября 1942 г. одновременно и командир партизанской бригады «За Советскую Белоруссию». Бригада действовала на территории Городокского, Россонского, Дриссенского, Освейского, Ушачского и Бешенковичского районов. Во время одного из боев в мае 1944 г. П.М. Романов погиб. Звание Героя Советского Союза ему присвоено посмертно 15 августа 1944 г. [3, с. 441].

Всеволод Иванович Клоков родился 25 июня 1917 г. в Усть-Катаве Челябинской области в семье рабочего. Окончил неполную среднюю школу, рабфак, а в 1939 г. Томский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта; здесь и остался преподавателем. Однако в конце 1939 г. добровольцем ушел на советско-финскую войну. В Великую Отечественную в составе артиллерийского подразделения участвовал в боях западнее Минска. В районе Гомеля попал в окружение. В октябре 1941 г. в составе группы бойцов-окруженцев вступил в Черниговский областной партизанский отряд. В отряде блестяще освоил минно-подрывное дело. Возглавляемая им диверсионная группа за август–сентябрь 1943 г. на участке железнодорожной линии Брест–Пинск уничтожила 33 вражеских эшелона. Лично В.И. Клоков взорвал шесть эшелонов врага. Указом Верховного Совета СССР от 2 мая 1945 г. Всеволоду Ивановичу Клокову присвоено звание Героя Советского Союза. После войны В.И. Клоков стал известным ученым, доктором исторических наук, членом-корреспондентом Академии наук УССР, лауреатом Государственной премии УССР, автором ряда фундаментальных работ, посвященных подвигу советского народа в годы Великой Отечественной войны [4–6].

В Белоруссии хорошо помнят о боевых действиях партизанского спецотряда НКГБ БССР «Боевой» под командованием уроженца Омска Валентина Леонидовича Неклюдова. Он родился в 1910 г. в семье служащего. С 1933 г. работал в органах госбезопасности Красной Армии. На фронте с октября 1941 г. В составе бригады ОМСБОН защищал Москву. В феврале 1942 г. был назначен комиссаром сформированного в Москве спецотряда «Боевой», а с августа 1942 г. – его командиром. Отряд действовал на территории Витебской и Минской областей, а также в Литве и Латвии. С февраля 1942 г. по июль 1944 г. отряд пустил под откос 125 вражеских эшелонов, уничтожил и повредил 102 паровоза, 1 058 вагонов и платформ, три бронепоезда, восемь танков, самолет, 113 автомашин и мотоцик-

лов, взорвал и сжег 78 мостов, 88 оккупационных учреждений и предприятий, 16 складов с боеприпасами и продовольствием. В ноябре 1944 г. за совершенные подвиги В.Л. Неклюдову было присвоено звание Героя Советского Союза [7, с. 144–169].

В нашей республике хорошо известно имя еще одного прославленного партизанского командира-чекиста – Героя Советского Союза Михаила Сидоровича Прудникова. Он родился 15 апреля 1913 г. в дер. Новопокровка Ижморского района Кемеровской области. Перед войной служил в пограничных войсках и органах госбезопасности. С марта 1942 г. во главе спецотряда действовал во вражеском тылу на территории Полоцкого района. На базе отряда была создана партизанская бригада «Неуловимые», которая действовала на территории Витебской и Гродненской областей. М.С. Прудников командовал бригадой до мая 1943 г., затем был отозван в Москву, где продолжал служить в органах НКГБ СССР. Боевые подвиги партизан М.С. Прудников отразил в ряде своих книг: «Неуловимые» (М., 1961), «Неуловимые действуют» (М., 1965), «Особое задание» (М., 1969), «Разведчики “Неуловимых”» (М., 1973) и др. [7, с. 426].

Одним из организаторов и руководителей комсомольско-молодежного подполья на территории Витебской и Вилейской областей являлся Прохор Николаевич Ольшанский. Он родился в 1913 г. в с. Ново-Казанка Тевризского района Омской области. Его родители переселились туда в 1910 г. из Городокского района Витебской области. Накануне Великой Отечественной войны работал инструктором Вилейского обкома комсомола. С июля 1941 г. на Западном фронте, с декабря 1941 г. в партизанском отряде. В апреле–октябре 1942 г. секретарь Меховского подпольного райкома ЛКСМБ, одновременно с июня 1942 г. член Меховского подпольного райкома КП(б)Б, с ноября 1942 г. Уполномоченный ЦК ЛКСМБ по Вилейской области. С апреля по 14 сентября 1943 г. секретарь, а затем до 5 июля 1944 г. заместитель секретаря Вилейского подпольного обкома ЛКСМБ, который возглавлял Герой Советского Союза Петр Миронович Машеров. Одновременно П.Н. Ольшанский являлся редактором областного комсомольского бюллетеня «Молодежь Белоруссии в борьбе за Родину» [6, с. 189–197]. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды и пятью медалями. После войны П.Н. Ольшанский жил в Москве. Работал в печати, в аппарате ЦК КПСС, в Институте славяноведения и балканистики. В 1973 г. защитил докторскую диссертацию.

Иным был путь в партизаны одного из активных организаторов и руководителей партизанской и подпольной борьбы на территории Западной Беларуси – Алексея Алексеевича Потапова, уроженца с. Велижанка Панкрушихинского района Алтайского края. Незадолго до начала войны он приехал в отпуск к родителям, которые после воссоединения Западной Белоруссии с Белорусской ССР возвратились на родину из Алтайского края, где проживали с 1910 г. Эвакуироваться не смог. Проживал нелегально на хуторе

у дальнего родственника. Осенью 1941 г. возглавил подпольную группу, в которую входили бывшие члены КПЗБ, а также военнослужащие-окруженцы. В мае 1942 г. был избран секретарем Барановичской окружной антифашистской организации, возглавляемой лейтенантом Г.М. Картухиным. С июля по сентябрь 1943 г. комиссар партизанского отряда, с сентября 1943 г. по февраль 1944 г. комиссар, а с февраля по июль 1944 г. командир партизанской бригады им. Ленинского комсомола Барановичской области. На боевом счету бригады 40 спущенных под откос эшелонов, 365 разбитых вагонов, 35 взорванных мостов. На день соединения с Красной Армией численность бригады составляла 467 чел. Одновременно с августа 1943 г. А.А. Потапов являлся секретарем Радунского, а с января 1944 г. Василишковского подпольного райкома партии [2, с. 22, 46, 96, 97; 8, с. 29, 45].

Степан Михайлович Клепцов родился в 1915 г. в дер. Успенка Первомайского района Томской области в бедняцкой семье. Работал в колхозе, затем был призван на срочную службу. На фронт прибыл из Томска в первые дни войны со 166-й стрелковой дивизией. О его боевых делах 28 сентября 1941 г. писала «Комсомольская правда». С марта 1942 г. по июль 1944 г. партизанил на Витебщине. Был командиром взвода, роты, а с июля 1943 г. начальником штаба партизанского отряда «Грозный», заместителем командира отряда «Белорусский мститель» и отряда им. Я.М. Свердлова [2, с. 252]. В одном из писем к родным, датированном 5 августа 1943 г., он сообщал: «... Я нахожусь там, где раньше жили мои родители. Маруся, прошу, если помните адрес, где жил мой отец или мать, так напишите в письме. Там, где я нахожусь, много однофамильцев, не знаю, родственники они или нет. Мой адрес: П.П.С. 0054-П, Клепцову С.М.»². Не довелось белорусусибиряку дожить до Победы. Летом 1944 г. он погуб в бою с фашистскими захватчиками и похоронен в дер. Журки Ушачского района Витебской области.

Одним из руководителей комсомольско-молодежного подполья в Витебской, а затем в Барановичской области был уроженец пос. Благовещенка Алтайского края Филат Антонович Башкинцев. В июле 1942 г. 22-летний Башкинцев утверждается секретарем Витебского обкома ЛКСМБ, действовавшего в прифронтовой полосе, а в сентябре 1943 г. – секретарем Барановичского подпольного обкома ЛКСМБ. 11 января 1944 г. он прибыл на оккупированную территорию и приступил к выполнению своих обязанностей [9, с. 20, 28, 29, 134].

Активное участие в организации и руководстве комсомольско-молодежным подпольем на заключительном этапе войны на территории Брестской области принимал Николай Михайлович Лыжин. Он родился в 1914 г. в пос. Гары Свердловской области. С 1941 г. был секретарем Свердловского обкома ВЛКСМ. Летом 1943 г. утвержден Уполномоченным ЦК ВЛКСМ и ЦШПД по Брестской области, а с фев-

раля по июль 1944 г. работал первым секретарем Брестского подпольного обкома комсомола [9, с. 10, 14, 20, 87, 88, 89].

Огромная заслуга в развитии партизанского движения и подпольной борьбы на территории Белоруссии принадлежит воинам Красной Армии, оборонявшим территорию республики летом 1941 г. и по разным причинам оказавшимся в окружении или во вражеском плену. Из этой категории во многом черпались командно-политические кадры партизанских формирований, военные специалисты (минно-подрывные дела, радисты, артиллеристы и др.). Многие из них прошли все ступеньки партизанской «иерархии» – от рядового партизана до командира (комиссара, начальника штаба отряда-бригады), избирались или назначались руководителями подпольных партийных и комсомольских органов.

Одним из руководителей Дзержинского партийно-комсомольского подполья был Алексей Георгиевич Мурашов, уроженец дер. Павловка Березовского района Красноярского края. Накануне Великой Отечественной служил в должности политрука батареи 113-й стрелковой дивизии, недалеко от государственной границы. В первые дни войны дивизия была разбита и как воинское соединение перестала существовать. А.Г. Мурашов с группой окруженцев продвигался на восток. Достигнув Дзержинского района, он с помощью местных активистов создал партизанскую группу, которая в феврале 1942 г. объединилась с группой старшего батальонного комиссара С.А. Рыжак в партизанский отряд им. И.В. Сталина. А.Г. Мурашов стал комиссаром отряда, а с ноября 1942 г. по июль 1944 г. был комиссаром партизанской бригады им. И.В. Сталина. Бригада действовала на территории Минской и Барановичской областей. Соединилась с Красной Армией 5 июля 1944 г. в составе пяти отрядов общей численностью 1 160 партизан. За годы борьбы бригада провела 181 бой, осуществила 184 взрыва на железной и 334 – на шоссейной дорогах. Подорвала свыше сотни эшелонов противника, 295 авто- и 12 бронемашин, 170 паровозов, 1 297 вагонов и платформ, партизанским огнем был сбит один самолет противника [2, с. 28–29; 10, с. 137–146].

Одним из организаторов и руководителей партизанского движения на территории Вилейской области являлся уроженец дер. Черемшанка Алтайского края Василий Иванович Данов. Он участвовал в обороне Витебска в 1941 г. В партизанах с октября 1941 г.: командир спецгруппы, взвода, партизанского отряда, с июля 1943 г. по июль 1944 г. являлся комиссаром 2-й партизанской бригады имени Суворова. Бригада соединилась с частями Красной Армии в составе четырех отрядов общей численностью 506 чел. [2, с. 194].

Комиссаром Сенненской партизанской бригады, действовавшей на территории Витебской области с октября 1942 г. по октябрь 1943 г., был Павел Васильевич Сырцов, уроженец с. Меседа Челябинской области. Он родился в 1914 г. Был участником совет-

² Красное знамя (Томск). 1987. 9 мая.

ско-финской войны. С первых дней Великой Отечественной воевал на Западном фронте. В партизанах с марта 1942 г. До назначения комиссаром бригады являлся командиром группы, взвода, начальником особого отдела. С октября 1943 г. по июль 1944 г. являлся заместителем командира Сенненской партизанской бригады [2, с. 302].

Среди руководителей партизанского движения на территории Могилевской области необходимо отметить уроженца с. Антоньевка Петропавловского района Алтайского края Константина Михайловича Яковлева. Родился в 1898 г., в 1938 г. окончил Военно-политическую академию им. В.И. Ленина. Война застала полковника К.М. Яковлева на Западном фронте. Принимал участие в оборонительных боях. Попал в окружение. С сентября 1941 г. руководил группой Бобруйского коммунистического подполья. С апреля по сентябрь 1942 г. был комиссаром 208-го партизанского отряда и одновременно Кличевского военно-оперативного центра, возглавляемого полковником В.И. Ничипоровичем. После войны служил в Советской армии [2, с. 514, 620].

Одним из руководителей партизанского движения на территории Минской и Брестской областей являлся Андрей Тихонович Чайковский, уроженец с. Большое Скаречно Тюменской области. Он принимал участие в оборонительных боях, а с сентября 1941 г. командовал партизанской группой, затем был комиссаром отряда, с февраля по сентябрь 1943 г. командиром, с сентября 1943 г. по июль 1944 г. комиссаром 99-й партизанской бригады им. Д.Т. Гуляева. С января по июль 1944 г. он являлся также членом Клещельского подпольного райкома КП(б)Б. После освобождения территории республики А.Т. Чайковский около десяти лет работал секретарем райкома партии, а затем много лет возглавлял колхоз им. Калинина Брестского района [11, с. 317].

Василий Зиновьевич Иванов родился 1 января 1898 г. в с. Титовка Егорьевского района Алтайского края. С 1920 г. находился на педагогической, советской, партийной работе и в органах юстиции. В мае 1943 г. действовал в составе инициативной группы Т.Н. Сухорукова, прибыв из советского тыла в Любанский район Минской области. На базе этой группы и личного состава, выделенного партизанскими соединениями Минской и Полесской областей, был организован партизанский отряд (командир Т.Н. Сухоруков, нач. штаба В.З. Иванов). Отряд перебазировался в Краснослободский район и развернулся в партизанскую бригаду в составе пяти отрядов. С июля по октябрь 1943 г. В.З. Иванов возглавлял партизанский отряд «За Родину», в октябре короткое время был комиссаром, а с октября 1943 г. по июль 1944 г. командовал 20-й имени В.С. Гризодубовой партизанской бригадой. Бригада действовала в Краснослободском районе Минской и Бытенском районе Барановичской областей. На день соединения с частями Красной Армии в ней насчитывалось 762 партизана [2, с. 85–87].

Уроженец Томска Виктор Александрович Манохин до войны работал в органах НКВД СССР. С февраля по июнь 1942 г. был комиссаром сформированного в советском тылу и направленного в Богушевский район партизанского отряда, с июня 1942 г. по август 1942 г. – комиссар Богушевской бригады («Бати» – брат В.У. Бойко). С февраля 1943 г. командир отряда, а с сентября 1943 г. по июль 1944 г. командир партизанской бригады им. Н.Ф. Гастелло и одновременно член Ошмянского подпольного райкома КП(б)Б [2, с. 162, 200, 240].

Многие сибиряки храбро сражались в составе специальных разведывательно-диверсионных групп и отрядов органов НКВД–НКГБ, разведорганов Красной Армии. Бессмертную память о себе оставил Анатолий Петрович Шестаков (14.02.1915 – 12.06.1944), уроженец с. Кольвань Курьинского района Алтайского края. В 1938 г. он окончил Новосибирское военное училище. Принимал участие в обороне Москвы. Бойцы и командиры возглавляемого им отряда «Славный» дерзкими засадами, налетами на гарнизоны, диверсиями на железнодорожных и шоссейных коммуникациях наносили врагу значительные потери. «Он обосновался в районе железной дороги Брянск–Гомель, длительное время терроризировал на этом участке немцев и сообщал нам полезные сведения», – так оценил деятельность отряда Шестакова маршал К.К. Рокоссовский в своей книге «Солдатский долг». А.П. Шестаков награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени [12, с. 114].

Об активном участии сибиряков в партизанском движении на территории Белоруссии свидетельствует также факт присвоения отрядам названия «Сибиряк». На территории республики действовали три партизанских отряда с таким названием. Первый был организован в марте 1942 г. в Бешенковичском районе Витебской области из группы военнослужащих-сибиряков во главе с Николаем Васильевичем Троегабовым и местных патриотов. Командиром отряда стал Н.В. Троегабов, а после его гибели в августе 1942 г. – Н.А. Зверев. До октября 1942 г. отряд действовал самостоятельно, а затем в составе партизанской бригады «За Советскую Белоруссию» Витебской области [2, с. 298].

В мае 1942 г. Секретариат ЦК ВЛКСМ принял постановление о наборе обкомами ВЛКСМ и направлении в спецшколу ЦК КП(б)Б комсомольцев-белорусов, проживавших на территории РСФСР и Казахстана. Было решено провести отбор 450 комсомольцев-белорусов, в том числе 50 % женщин и в течение 10 дней направить их в Москву в распоряжение ЦК КП(б) Белоруссии. В их числе были выходцы из Московской, Чкаловской областей и Казахской ССР (по 40 чел.), из Воронежской, Ивановской, Кировской, Молотовской, Новосибирской, Рязанской, Челябинской областей, Татарской и Чувашской АССР (по 30 чел.). Отбор необходимо было произвести из числа комсомольцев-белорусов не моложе 17 лет. В число отбираемых допускалось также включать русских, особенно тех, кто проживал ранее на территории Белоруссии или знал

белорусский язык [13, с. 75, 453–454]. Летом 1942 г. несколько десятков комсомольцев, добровольцев из Сибири, прошли обучение на Особом белорусском сборе и осенью 1942 г. были направлены в тыл врага. Из комсомольцев-добровольцев Новосибирска и Омска были организованы партизанские отряды им. С. Лазо и «Сибиряк», которые в октябре 1942 г. прибыли в тыл врага. В ноябре 1942 г. они вошли в состав созданной партизанской бригады им. Краснознаменного Ленинского комсомола. В феврале 1943 г. по указанию ЦК КП(б)Б оба отряда были выделены из бригады и направлены в Ушачский и Чашникский районы Витебской области, где до ноября 1943 г. действовали самостоятельно. В ноябре 1943 г. на базе отдельных отрядов им. С.Г. Лазо, «Сибиряк», «КИМ» и других была создана партизанская бригада им. ВЛКСМ (командир И.А. Куксенюк, комиссар Ф.И. Зайцев, начальник штаба Н.П. Щурин). В июле 1944 г. бригада соединилась с частями Красной Армии в составе четырех отрядов общей численностью 282 партизана [2, с. 363–364].

В сентябре 1943 г. на базе группы добровольцев-сибиряков во главе с Н.В. Пронькиным, прибывшей из советского тыла, был организован еще один – третий партизанский отряд «Сибиряк». До ноября 1943 г. отряд действовал самостоятельно в Юратишском районе, а затем в составе партизанской бригады «Вперед» Барановичской области. Отряд в количестве 44 чел. соединился с частями Красной Армии в июле 1944 г. [2, с. 61–62].

В Республике Беларусь хорошо знают и чтят славного сибиряка, героя Гражданской войны Алексея Канидьевича Флегонтова. Он родился 16 марта 1888 г. в с. Алочи Нерчинско-Заводского района Читинской области. В 1920–1922 гг. был командиром 1-й Амурской дивизии, командовал партизанскими отрядами Приморья. С начала Великой Отечественной войны принимал участие в создании партизанских отрядов в Смоленской и Московской областях. По его инициативе был создан кавалерийский партизанский отряд «Боевой», который в августе 1942 г. был направлен в тыл врага. Летом 1942 г. отряд с боями прошел по территории Витебской, Минской и Могилевской областей и в октябре 1942 г. прибыл в Червенский район Минской области, где на его основе была создана партизанская бригада «За Родину». 11 марта 1943 г. командир бригады А.К. Флегонтов погиб в бою. На его могиле партизаны поклялись мстить врагу за смерть любимого командира, а свое соединение назвали его именем. Согласно распоряжению БШПД бригада в сентябре – декабре 1943 г. совершила рейд в Малоритский

район Брестской области, где действовала в составе Брестского партизанского соединения до соединения с частями Красной Армии в июне 1944 г. В г. Червень А.К. Флегонтову поставлен памятник, его именем названы улица и школа, а также улица в дер. Заболотье Малоритского района.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. Уроженцы Сибири внесли важный вклад в развитие партизанского движения и подполья республики. Их представители занимали значительное место среди командно-политического и рядового состава партизанских формирований и партийно-комсомольского подполья.

2. Необходимо продолжать поиск информации об участии представителей народов Сибири в партизанском движении и подполье на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, выявить их списочный состав, установить места захоронений, что будет способствовать укреплению дружбы и взаимопонимания между населением Белоруссии и сибирскими регионами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлов Я.С. Комиссар Бумажков. Минск, 1977.
2. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе. Минск, 1983.
3. Навечно в сердце народном: Справочник. 3-е изд., доп. и испр. Минск, 1984.
4. Клоков В.И. Борьба народов славянских стран против фашистских поработителей (1939–1945). Киев, 1961.
5. Клоков В.И. Всемирно-исторический подвиг. Киев, 1975.
6. Клоков В.И. Ковельский узел. Киев, 1981.
7. Бессмертные имена. Минск, 1979.
8. Люди Нарочанского края. Воспоминания участников революционной борьбы и Великой Отечественной войны. Минск, 1976.
9. Подпольные комсомольские органы Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1944). Краткие сведения об организации, структуре и составе. Минск, 1976.
10. Мурашов А.Г. Наш боевой счет // За край родной: Воспоминания партизан и подпольщиков Барановичской области / сост. А.И. Залесский, А.Ф. Хацкевич, С.И. Портасенок и др. Минск, 1978. С. 137–146.
11. Яковенко В. На оккупированной земле. Минск, 1969.
12. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1980.
13. Комсомол Белоруссии в Великой Отечественной войне. Документы и материалы / сост. Г.Н. Шевела. Минск, 1988.

Статья поступила
в редакцию 04.11.2013.

УДК 94(571).084.8 “1941/1945”

М.В. ШИЛОВСКИЙ

**СИБИРСКИЕ ВОИНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ
БЕЛОРУССИИ В 1943–1944 гг.**

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН
г. Новосибирск
e-mail: istorik.novosib@gmail.com

Из 60 дивизий, в подавляющем большинстве стрелковых, сформированных в 1939–1943 гг. в Сибирском военном округе (Алтайский и Красноярский края, Омская, Новосибирская, Кемеровская, Томская области), в боях за освобождение Белоруссии в 1943–1944 гг. принимало участие 20. Понятие «сибирское соединение» требует определенной корректировки в плане установления доли сибиряков (уроженцев региона или призванных в армию из него). Как правило, в условиях интенсивных боевых действий через полгода в сибирских дивизиях происходило существенное обновление личного состава, и восстанавливался он не только сибиряками. По всей видимости, понятие «сибирские дивизии» во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. несло определенную психологическую и пропагандистскую нагрузку с точки зрения воздействия на противника как элемент морально-психологического обеспечения боевых действий. В течение сентября 1943 г. – февраля 1944 г. советские войска вели тяжелейшие бои на Западном направлении, в результате которых были освобождены верховья Днепра. Наши солдаты форсировали реки Сож и Днепр и «взломали» очень важный участок немецкого оборонительного «Восточного вала». Сибирские дивизии, не имея соответствующей огневой поддержки, буквально «прогрызали» в лоб укрепленную оборону противника и несли значительные потери. За выдающиеся подвиги в этих боях 65 сибирякам было присвоено звание Героя Советского Союза. Почти каждый третий стал им посмертно. В Белорусской стратегической наступательной операции «Багратион» (23 июня – 29 августа 1944 г.) приняло участие 16 сибирских дивизий, или примерно 10 % от задействованных в составе четырех фронтов соединений. 57 сибирякам за участие в боях летом 1944 г. присваивается звание Героя Советского Союза, 19 из них – посмертно. 41 награжденному на момент совершения подвига не было 30 лет, а двоим исполнилось только 18 лет. Высокими правительственными наградами был отмечен вклад в операцию «Багратион» 13 из 16 участвовавших в ней сибирских соединений. 23 июня 1944 г. началась Белорусская наступательная операция, 28 июля Красное знамя запылало над руинами Брестской крепости. Достойный вклад в освобождение братской республики внесли воины-сибиряки и сформированные в Сибирском военном округе дивизии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, сибирские воинские формирования, Белорусская ССР, Сибирский военный округ, государственные награды, почетные наименования.

Обозначенная в заголовке тема уже изучалась мной и вошла отдельным разделом в «Очерки истории белорусов в Сибири» [1, с. 92–101; 2, с. 152–160]. Введение в научный оборот новых источников по истории боевого пути дивизий и бригад, сформированных в Сибирском военном округе (Тюменская, Омская, Новосибирская, Томская, Кемеровская области, Алтайский и Красноярские края), позволяет продолжить исследование. Всего из него в действующую армию отправили 2641 тыс. чел. [3, с. 112]. За вторую половину 1941 г. – 1943 гг. на территории округа были сформированы 43 стрелковые дивизии, включая шесть расквартированных в Западной Сибири и Красноярском крае до начала войны, доукомплектованных после ее начала и вошедших в состав 24-й армии, направленной на фронт в конце июня 1941 г. К названным формированиям следует добавить три кавалерийские дивизии, 258-ю истребительную авиационную дивизию, 20 бригад, на базе части из которых были созданы уже в действующей армии 13 стрелковых дивизий [подсчитано: 4; 5, с. 136–142; 6, с. 394–397].

Пять дивизий были разгромлены противником в тяжелейших боях 1941–1942 гг., еще одна (378-я Нов-

городская Краснознаменная) расформирована в марте 1945 г., а 384-я стрелковая в декабре 1942 г. обращена на укомплектование 9-го гвардейского стрелкового корпуса. Всего же за время войны в Сибирском военном округе образовали 67 стрелковых, кавалерийских, авиационных дивизий и бригад.

Однако само понятие «сибирское соединение» требует определенной корректировки в плане установления доли сибиряков (уроженцев региона или призванных из него). Как показал И.Л. Аравин, фактическое состояние сибирских соединений в условиях интенсивных боевых действий уже через полгода требовало радикального обновления личного состава, а восстанавливался он не только сибиряками. В военно-исторической литературе, особенно региональной, происходит произвольная подмена понятия «перформирование», под этим подразумевается «добавление к старому, обстрелянному, опытному личному составу, в сравнительно небольшом объеме, личного состава маршевых подразделений, который принимает и продолжает сложившиеся традиции (что справедливо для мирного времени)».

Во время же Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. остатки личного состава принимавших участие в боевых действиях соединений передавались на пополнение подразделений, находившихся на передовой. На переформирование отправлялись штабы и тыловые подразделения или их управления. «Поэтому переформирование в первую очередь означает использование имеющихся материальных средств для укомплектования создаваемых заново воинских формирований, а штабов – для принятия нового личного состава, его обучения и слаживания. Кроме того, частью структуры любого коллектива являются обычаи и традиции, вырабатываемые составляющими его людьми с неперенным условием соответствующего руководства. Учитывая, что и командование менялось не один раз, называть “сибирскими” дивизии корректно только единожды, изначально по месту их образования» [7, с. 21].

Проиллюстрируем это положение на примере 96-й гвардейской Иловайской, ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова стрелковой дивизии, которую новосибирцы считают «своей», поскольку осенью 1941 г. на базе местного пехотного училища была сформирована 43-я отдельная курсантская бригада, на основе которой и возникло соединение. Уже тогда, учитывая состав контингента военнослужащих (курсанты), среди них было много не сибиряков. В апреле 1942 г. бригаду вывели с передовой на переформирование в Верейский район Московской области, где ее развернули в 258-ю стрелковую дивизию (с. д.), укомплектованную за счет маршевых рот и местных призывников. В конце марта 1944 г. соединение, уже преобразованное в 96-ю гвардейскую стрелковую дивизию (г. с. д.), после освобождения г. Николаева, вновь вывели на переформирование и сколачивание, что заняло 2,5 месяца. Наконец, последний раз, после окончания Белорусской наступательной операции, 5 сентября 1944 г. дивизию вновь вывели в резерв Ставки и переформировали, после чего она в составе 28-й армии воевала до конца войны, а после ее окончания была выведена из-под Праги в г. Бобруйск. В таких условиях к маю 1945 г. от первоначального состава в ней практически никого не осталось, да и потом сибиряки попадали в нее в составе маршевых рот в незначительном количестве. Другое дело, что уже после войны в Новосибирске оказалось большое количество демобилизованных воинов 96-й г. с. д., которые создали свой Совет ветеранов, активно занимавшийся военно-патриотическим воспитанием.

По всей видимости, само понятие «сибирские дивизии» во время войны несло определенный психологический и пропагандистский смысл с точки зрения воздействия на противника как элемент морально-психологического обеспечения боевых действий. Одним словом: «В Сибири не было войны, но славились Сибирь полками».

Из 60 дивизий в боях за освобождение Белорусской ССР в 1943–1944 гг. принимало участие 20. Прежде всего в составе 19-го гвардейского Сибирского

добровольческого корпуса, сформированного летом 1942 г. из примерно 27 тыс. воинов-добровольцев на территории СибВО как 6-й Сталинский Сибирский стрелковый добровольческий корпус, сражались 22-я гвардейская Рижская стрелковая дивизия (150-я с. д., сформированная из добровольцев, призванных в Новосибирске, Кемерово, Сталинске (Новокузнецке) и Томске), 56-я гвардейская Смоленская Краснознаменная стрелковая дивизия (74-я – Алтайский край и 91-я – вся Западная Сибирь, отдельные стрелковые бригады), 65-я гвардейская Рижская стрелковая дивизия (75-я – Омская область и 78-я – Красноярский край, отдельные стрелковые бригады).

В число 17 других соединений входили: 5-я гвардейская Городокская ордена Ленина, Краснознаменная, ордена Суворова стрелковая дивизия (107-я с. д., Барнаул, август 1939 г.); 12-я гвардейская Пинская Краснознаменная, ордена Суворова стрелковая дивизия (путем слияния 194-й с. д., сформированной в СибВО в 1939 г., и 258-й с. д. – в ноябре 1941 г. под Тулой); 15-я гвардейская Мозырская Краснознаменная, ордена Суворова кавалерийская дивизия (73-я к. д., сентябрь 1941 г., Бийск Алтайского края); 17-я гвардейская Духовщинско-Хинганская Краснознаменная, ордена Суворова стрелковая дивизия (119-я с. д., Красноярск, сентябрь 1939 г.); 18-я гвардейская Инстербургская Краснознаменная, ордена Суворова стрелковая дивизия (133-я с. д., Новосибирск, осень 1939 г.); 19-я гвардейская Рудненско-Хинганская ордена Ленина, Краснознаменная, ордена Суворова стрелковая дивизия (366-я с. д., ноябрь 1941 г., Томская область); 67-я гвардейская Витебская Краснознаменная стрелковая дивизия (109-я с. д., 1936 г., Татарск Новосибирской области); 96-я гвардейская Иловайская Краснознаменная, орденов Ленина и Суворова стрелковая дивизия (43-я отдельная курсантская стрелковая бригада, осень 1941 г., Новосибирск); 120-я гвардейская Рогачевская Краснознаменная, орденов Суворова и Кутузова стрелковая дивизия (308-я с. д., февраль 1942 г., г. Омск); 62-я Борисовская Краснознаменная, орденов Суворова и Кутузова стрелковая дивизия (44-я отдельная стрелковая бригада, октябрь 1941 г., Красноярск); 63-я Витебская Краснознаменная, орденов Суворова и Кутузова стрелковая дивизия (45-я отдельная стрелковая бригада, октябрь 1941 г., Кемерово); 70-я Верхнеднепровская Краснознаменная, орденов Суворова и Кутузова стрелковая дивизия (146-я отдельная лыжная стрелковая бригада, март 1942 г., Омск); 140-я Сибирская Новгород-Северская, ордена Ленина, дважды Краснознаменная, орденов Суворова и Кутузова стрелковая дивизия (ноябрь 1942 г., из пограничников Сибири и Дальнего Востока, Новосибирск); 235-я Витебская Краснознаменная, ордена Суворова стрелковая дивизия (февраль 1942 г., Новосибирск); 362-я Верхнеднепровская Краснознаменная, орденов Суворова и Кутузова стрелковая дивизия (август-октябрь 1941 г., на базе Омского пехотного училища, Омск); 380-я Орловская Краснознаменная, орденов Суворова и Кутузова стрелковая дивизия (ав-

густ-октябрь 1942 г., Славгород Алтайского края); 278-я Сибирская Краснознаменная, ордена Суворова истребительная авиационная дивизия (март 1942 г., Новосибирск).

Участие поименованных выше формирований в освобождении Белоруссии происходило в два этапа. С сентября 1943 г., осуществляя серию частных наступательных операций (Невельско-Городская, Оршанская, Гомельско-Речицкая, Калининско-Мозырская, Витебская, Рогачевско-Жлобинская), советские войска вышли к границам республики. 26 сентября войска Брянского фронта, преследуя врага, вступили на ее территорию и освободили районный центр Могилевской области Хотимск, а 30 сентября – Кричев. К концу февраля 1944 г. была освобождена территория вдоль восточной границы Белорусской ССР с городами Мозырь, Калининичи, Городок, Гомель, Жлобин, Рогачев и т. д. Второй этап включал Белорусскую стратегическую наступательную операцию «Багратион» (23 июня – 29 августа 1944 г.), осуществление которой привело к полному освобождению территории республики от немецко-фашистских оккупантов.

На первом этапе на Оршу во второй половине сентября 1943 г. со стороны Смоленска наступал в составе 10-й гвардейской армии 19-й гвардейский Сталинский Сибирский добровольческий стрелковый корпус. В боях на подступах к железнодорожным «воротам» в Белоруссию участвовали все его дивизии. 30 сентября гвардейцы вышли к р. Мерея и форсировали ее, вступив на белорусскую землю, выйдя на рубеж Ляды–Маслино, Кисели–Оудашково–Баево. Тяжелые бои продолжались в октябре и ноябре, но продвижение соединений корпуса, ослабленных предыдущими боями, составило в итоге 6–8 км. Как отмечает И.Л. Аравин, «в ноябре пошли дожди, начались заморозки. Бойцы в боевых порядках буквально примерзли к земле» [8, с. 102]. Поэтому по решению командования Западного фронта наступление на данном направлении прекратилось.

Ожесточенные бои на витебском направлении в ноябре 1943 г. вели подразделения 9-й г. с. д. На территории Лиозенского района подвиг совершил уроженец Барнаула, командир отделения гвардии старший сержант В.Е. Смирнов. 12 ноября он участвовал в отражении контратаки у хутора Деречице и уничтожил 12 гитлеровцев. 14 ноября во время боя за дер. Шумшино закрыл телом вражеский пулемет, посмертно он был удостоен звания Героя Советского Союза. В Барнауле именем героя названы улица и школа [9, с. 19–20]. 5-я г. с. д., 15 декабря 1943 г. прорвав оборону противника, начала наступление вдоль железной дороги Невель–Городок и 25 декабря штурмовым ударом освободила Городок, уничтожив до 2,5 тыс. вражеских солдат и офицеров [4, с. 26]. Приказом Верховного Главнокомандующего соединению было присвоено почетное наименование «Городское». 15-я г. к. д. в составе 7-го гвардейского кавалерийского корпуса 27 сентября 1943 г. форсировала Днепр в Брагинском районе Гомельской области и завязала тяжелые бои на подступах к г. Калининичи. В январе 1944 г. соедине-

ние участвовало в освобождении г. Мозырь, за что получило почетное наименование «Мозырское».

18-я г. с. д. вела тяжелые бои в районе оз. Лосвида. Не имея успеха, она перешла к обороне, но 5 февраля в составе 11-й гвардейской армии перешла в наступление, продвинувшись в глубину обороны противника на 3–4 км. Во второй половине февраля дивизию включили в состав 5-го танкового корпуса. До первой половины марта 1944 г. соединение готовилось к новым боям в направлении Идрицы, но вследствие неудачного наступления частей первого эшелона 5-го танкового корпуса так не было введено в бой [10, с. 91–93]. 25 сентября 1943 г. 120-я г. с. д. вышла на границу Белоруссии, а на следующий день батальон капитана Трубадунова освободил первый населенный пункт на ее территории – дер. Михайловку. Еще через двое суток соединение форсировало р. Жадуньку и освободила г. Костюковичи Могилевской области. В феврале 1944 г. дивизия форсировала Днепр и овладела г. Рогачевым, за что 26 февраля этого года ей было присвоено почетное наименование «Рогачевская».

В течение сентября 1943 г. – февраля 1944 г. советские войска вели тяжелейшие бои на Западном направлении, в результате которых были освобождены верховья Днепра. Наши солдаты форсировали Сож и Днепр и «взломали» очень важный участок немецкого оборонительного «Восточного вала». Сибирские дивизии, не имея мощной огневой поддержки, в условиях обострившегося дефицита военнослужащих после летне-осенних боев 1943 г., буквально «прогрызали» в лоб хорошо укрепленную оборону противника, неся значительные потери.

За выдающиеся подвиги, в основном связанные с форсированием Днепра и боевыми действиями на территории Комаринского района Полесской области, Лоевского и Речицкого районов, а также городов Лоев и Речица Гомельской области, Городокского района Витебской области, 65 сибирякам было присвоено звание Героя Советского Союза. Почти каждый третий удостоился его посмертно. Среди них: М.Г. Апарин, А.В. Красиков, Г.Р. Лахин (Новосибирская область); И.С. Даутов (Омская область); Н.Н. Еремушкин, В.М. Лебедев, В.Я. Марковский, В.Г. Пичугов, Г.Н. Равевский, В.Д. Сериков, В.Е. Смирнов (Алтайский край), В.П. Зорькин, М.М. Куюков, В.М. Седельников (Кемеровская область); Н.И. Михайлов, П.Н. Сурков (Красноярский край); Ш.С. Рахматуллин, С.Г. Смирнов, Ф.А. Трифонов (Томская область); М.П. Тепляков, Я.Д. Черемнов (Тюменская область).

Не имея возможности рассказать о подвигах всех 65 героев, я кратко проинформирую о наиболее ярких и характерных. Итак, 19-летний механик-водитель танка старший сержант А.Я. Давыдов при форсировании Днепра в районе Лоева 20 октября 1943 г. в составе экипажа переправился через реку и, углубившись в оборону противника на 20 км, трое суток отражал контратаки, уничтожив три орудия с расчетами и около 40 гитлеровцев. Рядовой П.Н. Ефремов с группой разведчиков переправился через Днепр и в бою за

дер. Галки Комаринского района 1 октября 1943 г. захватил четырех «языков», а в рукопашной схватке уничтожил 10 фашистов. Командир пулеметного расчета старший сержант А.С. Конев при освобождении этого же района на плацдарме подавил три огневые точки. Г.А. Приходько там же в тот же день проник в тыл врага и ракетами указывал размещение его огневых точек. Окруженный в блиндаже в течение 8 часов вел бой до подхода подкрепления. Гвардии капитан, татарин из Томска Ш.С. Рахматуллин, командуя артиллерийским полком, там же 36 часов отбивал на плацдарме контратаки пехоты и танков противника. Командир батареи старший лейтенант Ф.А. Трифонов в боях за освобождение Речицкого района 18 ноября 1943 г., когда фашисты начали окружать наблюдательный пункт, вызвал огонь на себя и погиб в бою. Двадцатилетний командир взвода связи лейтенант В.П. Чижов 15 октября 1943 г., переправившись через Днепр в Лоевском районе, поддерживал связь с командованием и 6 раз под обстрелом переправлялся через реку, устраняя повреждения линии [11, с. 125, 148, 223, 373, 382, 454, 491].

В Белорусской стратегической наступательной операции «Багратион» (23 июня – 29 августа 1944 г.) приняло участие 16 сибирских дивизий из 168, действовавших в составе четырех фронтов. На первом этапе (23 июня – 4 июля) осуществлялись: Витебско-Оршанская, Могилевская, Бобруйская, Полоцкая и Минская фронтовые наступательные операции. В последующем проводились Вильнюсская, Шауляйская, Белостокская, Люблин-Брестская, Каунасская и Осовецкая наступательные операции.

Из указанного выше количества соединений, привлеченных к операции, семь наступали на витебском направлении. 9-я г. с. д. в составе 1-го Прибалтийского фронта прорвала фронт северо-западнее Витебска и через два дня соединилась с частями 3-го Белорусского фронта, двигавшимися с юга. В окружение попало пять немецких дивизий. К началу июля воины формирования освободили Бешенковичи, Ветрино, Миоры, пройдя за полтора месяца 810 км по территории Белоруссии, Латвии и Литвы. Успешные действия 12-й г. с. д. на западном берегу Припяти содействовали освобождению г. Пинска. Приказом Верховного Главнокомандующего от 28 июля 1944 г. дивизии было присвоено почетное наименование «Пинская». 17-я г. с. д. участвовала в освобождении Витебска, за что была награждена орденом Суворова. 67-я г. с. д. и 235-я с. д. за участие в окружении витебской группировки противника получили почетное наименование «Витебских». За освобождение Полоцка 67-я была награждена орденом Красного Знамени. 56 ее воинов, отличившихся в операции «Багратион», стали Героями Советского Союза, в том числе подполковники Г.А. Иноземцев и Г.Ф. Шляпин, майор И.М. Лебедеко, старший сержант А.С. Гришин, рядовой П.Т. Мужижкий и др. [12, с. 208–209]. 18-я г. с. д. в составе 11-й гвардейской армии участвовала в прорыве вражеской обороны под Оршей, наступала параллельно Минскому шоссе на

Борисов, пройдя за три с лишним недели с тяжелыми боями 400 км пути по белорусской земле, форсировав Неман и вступив на территорию Литвы.

В составе 28-й армии 96-я г. с. д. громила врага у Глуска, Слуцка, в Брестской области, выйдя к польской границе через Беловежскую пущу. В районе Косово ее воины пленили венгерскую кавалерийскую бригаду. В составе соединения воевал прославленный разведчик П.Х. Дубинда – один из четырех советских воинов, ставших за время войны Героем Советского Союза и полным кавалером ордена Славы. Несмотря на то, что противник отступал, он упорно сопротивлялся, цепляясь за каждый клочок земли. Как вспоминал один из командиров полка дивизии А.А. Свиридов: «Мы часто сталкивались с неприятелем неожиданно. Однажды он расстрелял в упор полковую батарею 45-мм орудий на конной тяге. В его засаду попал и генерал-майор Кузнецов [командир соединения. – М. III.]. Ему пришлось в рукопашную схватиться с немецким солдатом» [13, с. 149].

120-я г. с. д., начав наступление с плацдарма на Друти, завершила его на Нареве, преодолев с боями более 600 км. Только за первые две недели боев ее воины захватили 2,8 тыс. пленных, 167 пулеметов, 51 орудие, 39 минометов, 80 автомобилей. Вместе с другими формированиями 3-й армии дивизия форсировала Березину, Неман, Сервич, Шару, участвовала в освобождении Бобруйска, Минска, Волковыска, Белостока, всего более 500 населенных пунктов в Белоруссии и Польше [14, с. 275]. 380-я с. д. за пять дней боев, начиная с 26 июня 1944 г., прошла 200 км на могилевском направлении и форсировала Днепр. В составе 40-й армии она участвовала в разгроме окруженной восточнее Минска вражеской группировки, а затем продолжила наступление по Гродненской области, вступив 23 июля на территорию Польши. За мужество и отвагу личного состава соединение было награждено орденом Красного Знамени, а пять ее военнослужащих удостоены звания Героя Советского Союза [15].

Таких примеров можно привести множество. Чтобы у читателей не сформировалось мнение о чуть ли не триумфальном шествии советских войск по территории Белоруссии, перед которыми части вермахта панически отступали, следует заметить, что в наступательных операциях конца 1943 – начала 1944 г. (Гомельско-Речицкой, Калининско-Мозырской, Витебской, Рогачевско-Жлобинской) безвозвратные потери составили 68 803 чел., а по итогам «Багратиона» – 178 507 чел., или 7,6 % от численности военнослужащих, принимавших участие в ней (2 331 700 чел.) [16, с. 296, 314–315]. Это – самый высокий показатель для заключительного этапа Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Применительно к объекту настоящего исследования о боевом пути сибирских формирований по Белоруссии можно судить по введенному в научный оборот фрагменту из журнала боевых действий 295-го гвардейского Краснознаменного полка 96-й г. с. д. за период с 20 июня по 24 июля 1944 г. Ученные потери подразделения за Бе-

лорусскую наступательную операцию составили 108 чел. убитыми и 483 ранеными [1, с. 96].

Тяжелые потери несли и другие сибирские соединения. Так, с момента присвоения в апреле 1943 г. 6-му Сталинскому Сибирскому добровольческому стрелковому корпусу звания гвардейского «командирами стрелковых полков в его соединениях побывало 74 человека – в среднем в месяц менялось по три командира полка. . . Из них: погибло 9 человек, выбыло из строя по ранению и болезни 12 человек, т. е. потери составили 30 %» [8, с. 110]. В разгар боев на подступах к г. Новоуродок 8 июля 1944 г. был тяжело ранен, а затем скончался командир 120-й г. с. д. генерал-майор Я.Я. Фогель.

О героизме сибиряков в операции «Багратион» свидетельствует факт присвоения 57 из них звания Героя Советского Союза, 19 из них, или трети, оно было присвоено посмертно. Уроженец Омской области ефрейтор Ф.Г. Крылов 10 июля 1944 г. в бою у дер. Репище Логойского района Минской области подполз к вражескому пулемету, который вел фланговый огонь по атакующему батальону, и гранатой подорвал расчет. Когда на него набросилось шесть фашистских солдат, взорвал гранату и погиб вместе с ними. В составе экипажа танка Т-34 призванный из Курагинского района Красноярского края механик-водитель А.А. Петряев ворвался 30 июня 1944 г. по мосту через Березину в г. Борисов и течение 17 часов вел неравный бой в городе. Сгоревший в танке экипаж похоронен в Борисове, где ему установлен памятник.

Характерно, что 41 сибиряку на момент совершения геройского поступка не было 30 лет, а двоим – В.П. Брагину и А.Т. Масликову – исполнилось только 18 лет. Из 57 героев 16 родились и были призваны из Новосибирской области, 15 – в Алтайском крае, восемь – в Тюменской области, семеро – в Красноярском крае, шестеро – в Омской области, четверо – в Кемеровской, один – в Томской области. В отличие от ситуации конца 1943 – начала 1944 г., летом 1944 г. среди награжденных присутствовали летчики: Н.Ф. Аргунов, И.М. Березуцкий, И.В. Глушков, Н.А. Жуканов, К.В. Иванов и единственная в этом списке женщина Мария Ивановна Долина, родившаяся в дер. Шаровка Полтавского района Омской области, которая 26 июня 1944 г. разрушила железнодорожные пути на ст. Орша и взорвала эшелон с боеприпасами, а 28 июня бомбовыми ударами по скоплению противника в дер. Зембин помогла советским воинам форсировать Березину и освободить Борисов.

Следует также назвать командиров танковых рот, старших лейтенантов А.А. Волкова (Новосибирская область) и П.Ф. Гаврилова (Томская область), которые в конце июня 1944 г. в Витебской области прорвались вглубь обороны противника и уничтожили большое количество военнослужащих и боевой техники. Наводчик САУ старший сержант В.А. Голосков (Омск) в июне под Оршей подбил фашистский эшелон, а потом у дер. Староселье Шкловского района Могилевской области попал под огонь противника. На подбитой самоходке, раненый продолжил бой, уничтожив три проти-

вотанковых орудия, 20 автомашин, большое количество военнослужащих. Уроженец Алтайского края, командир противотанкового орудия старший сержант Н.С. Шевелев в июле 1944 г., прикрывая переправу советских войск через Неман в районе г. Гродно, в течение 6 часов сдерживал натиск четырех батальонов, участвовал в отражении шести контратак, уничтожил два бронетранспортера, подбил пушку и два пулемета [11].

Высоким правительственными наградами был отмечен вклад в стратегическую наступательную операцию «Багратион» 13 из 16 участвовавших в ней сибирских соединений. Четыре из них (67-я г. с. д, 63-я, 235-я и 276-я с. д.) получили почетное наименование «Витебских», две (70-я и 362-я с. д.) – «Верхнеднепровских», 12-я г. с. д. и 62-я с. д. соответственно «Пинской» и «Борисовской», две дивизии стали Краснознаменными, еще две были награждены орденами Суворова. Больше всех наград получила 96-я г. с. д. – ордена Красного Знамени и Ленина. 23 июня 1944 г. началась Белорусская наступательная операция, 28 июля Красное знамя заполыхало над руинами Брестской крепости. Достойный вклад в освобождение братской республики внесли воины-сибиряки и сформированные в Сибирском военном округе дивизии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шиловский М.В. Сибиряки в боевых действиях на территории Белоруссии во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 2. С. 92–101.
2. Очерки истории белорусов в Сибири / отв. ред. М.П. Костюк, В.А. Ламин. Новосибирск, 2002.
3. Фабрика Ю.А. Сибирский щит. Новосибирск, 2001.
4. Молочаев И.П. Боевой путь сибирских дивизий в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Новосибирск, 2000.
5. Калашиников К.А., Феськов В.И., Чмыхало А.Ю., Голиков В.И. Красная Армия в июне 1941 года: стат. сб. Новосибирск, 2003.
6. Голиков В.И. Стрелковые формирования Красной Армии в Сибирском военном округе. Томск, 2006.
7. Аравин И.Л. Мобилизационные людские ресурсы Новосибирской области и их использование в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (по материалам областной книги Памяти): автореф. дис. . . канд. ист. наук. Новосибирск, 2008.
8. Аравин И.Л. Сибирский добровольческий стрелковый корпус // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 2005. Вып. 7. С. 92–111.
9. Ашкеев К. За нами Москва (Рассказ о 9-й гвардейской дивизии) // Под гвардейскими знаменами. Новосибирск, 1978. С. 5–21.
10. Лобанов В.Б. Восемнадцатая гвардейская. Калининград, 1975.
11. Навечно в сердце народном. Минск, 1977. Изд. 2-е.
12. Карлин В. Всегда на главном направлении // Под гвардейскими знаменами. Новосибирск, 1978. С. 189–209.
13. Свиридов А.А. Батальоны вступают в бой. М., 1967.
14. Шапран М. Тысячу суток в огне (Рассказ о 120-й гвардейской дивизии) // Под гвардейскими знаменами. Новосибирск, 1978. С. 252–279.
15. Валит Ю.З. Алтай-Орел-Мекленбург. Барнаул, 1977.
16. Россия в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001.

Статья поступила
в редакцию 30.10.2013.

УДК 001.32(571) “1980/2000”

Н.А. КУПЕРШТОХ

**РОЛЬ АКАДЕМИКА В.А. КОПТЮГА В ПРИУМНОЖЕНИИ И СОХРАНЕНИИ
НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ И СИБИРИ В 1980–1990-е гг.**

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: nataly.kuper@gmail.com

В статье рассматривается деятельность академика Валентина Афанасьевича Коптюга (1931–1997) – выдающегося ученого-химика и организатора науки. Показана его роль в организации исследований в области органической химии и подготовке научных кадров, создании новых научных учреждений в Сибирском регионе в 1980–1990-е гг., сохранении академического потенциала России и Сибири в постсоветский период.

В.А. Коптюг – белорус по национальности. В Новосибирском институте органической химии ученик академика Н.Н. Ворожцова Валентин Коптюг реализовал свои творческие планы. Он защитил докторскую диссертацию, внес существенный вклад в развитие физической, синтетической и прикладной органической химии, явился основателем научных школ в области органической химии и химической информатики. Признанием научных заслуг В.А. Коптюга стало избрание его членом Академии наук СССР/РАН, вручение престижных наград. Возглавляя Институт органической химии в 1987–1997 гг., академик В.А. Коптюг определял стратегию института, исходя из тенденций развития мировой науки. Институт начал внедрять в исследования современные физические методы, математическое моделирование, проводить эксперименты на новейшем оборудовании, стал участником международных проектов в области органической химии.

Возглавляя Сибирское отделение Академии наук СССР (Российской академии наук) в 1980–1997 гг., академик В.А. Коптюг содействовал оформлению филиалов в научные центры Сибирского отделения, расположенные в Томске, Иркутске, Красноярске, Улан-Удэ и Якутске. По его инициативе организованы новые научные центры Сибирского отделения в Омске, Кемерово и Тюмени, созданы институты с функциями научных центров в Барнауле, Чите и Кызыле. В постсоветский период академик В.А. Коптюг разработал систему мер по сохранению академического потенциала России и Сибири, которая не утратила актуальности в настоящее время.

Ключевые слова: академик В.А. Коптюг, Новосибирский институт органической химии им. Н.Н. Ворожцова, Сибирское отделение АН СССР/РАН, Академия наук СССР/Российская академия наук.

Академик Валентин Афанасьевич Коптюг (1931–1997) внес неопределимый вклад в обоснование роли науки в современном обществе, формирование концепции устойчивого развития природы и социума, сохранение отечественного научного потенциала в постсоветский период. Наследие В.А. Коптюга многопланово, и в рамках одной статьи не представляется возможным дать его исчерпывающий анализ. О разносторонней деятельности академика В.А. Коптюга можно узнать из литературы, представленной на сайте Отделения ГПНТБ СО РАН¹.

Цель данной статьи – показать роль академика В.А. Коптюга в организации исследований в области органической химии и создании новых научных учреждений в Сибирском регионе в 1980–1990-е гг., сохранении академического потенциала России и Сибири в постсоветский период. Источниковой базой для подготовки статьи послужили статьи, доклады и письма В.А. Коптюга, материалы периодической печати и

текущего архива Президиума СО РАН, воспоминания его коллег и учеников.

В.А. Коптюг – белорус по национальности, ученик академика Н.Н. Ворожцова. После окончания факультета органической химии Московского химико-технологического института им. Д.И. Менделеева (1954 г.), аспирантуры и защиты кандидатской диссертации (1957 г.) В.А. Коптюг работал в проблемной лаборатории изотопов этого вуза вплоть до перевода в Новосибирский институт органической химии (НАОХ). Через несколько лет В.А. Коптюг защитил докторскую диссертацию «Изучение изомерных превращений ароматических соединений» (1965 г.), руководил лабораторией механизма органических реакций и отделом физической органической химии НАОХ, а затем в течение десятилетия (1987–1997 гг.) являлся директором этого института.

В.А. Коптюг внес существенный вклад в развитие физической, синтетической и прикладной органической химии, явился основателем крупных научных школ в области органической химии и химической информатики. Он обосновал новые направления исследований в органической химии, выполнил фундамен-

¹ Литература о жизни и деятельности В.А. Коптюга // URL: <http://prometeus.nsc.ru/koptyug/about/biblio.ssi> (дата обращения: 22.10.2013).

тальный цикл работ в области строения и реакционной способности карбокатионов. Научные достижения стали основанием для избрания ученого членом-корреспондентом (1968 г.) и действительным членом (1979 г.) Академии наук СССР. Общественным признанием научных заслуг В.А. Коптюга являются многочисленные награды и звания, полный перечень которых приведен в специальном издании [1, с. 118–119].

Для того чтобы эффективно руководить институтом, который до него возглавляли академик Н.Н. Ворожцов и член-корреспондент АН СССР В.П. Мамаев, директор В.А. Коптюг определил в свои заместители опытных сотрудников: В.М. Власова, М.М. Митасова, В.Ф. Стариченко. По воспоминаниям М.М. Митасова, Валентина Афанасьевича «отличало редкое умение решать наиболее сложные вопросы – изменение научной тематики подразделений, структуры и штатов института, перемещения или даже увольнения руководящих работников, не вызывая шумных конфликтов» [2, с. 73].

Активно изучая тенденции мировой науки, В.А. Коптюг пришел к выводу о необходимости развития новых направлений исследований. В НИОХ организованы лаборатории: экологических исследований и хроматографического анализа [3]; органических светочувствительных материалов [2, с. 77]; изучения катионидных реакций; промежуточных продуктов; терпеновых соединений. Созданы отделы: химии возобновляемого сырья (впоследствии отдел химии природных и биологически активных соединений); коммерческий (для продвижения разработок на внешний рынок). По мнению академика Н.Л. Добрецова, «В.А. Коптюг воспринял, блестяще воплотил и распространил один из основополагающих принципов Сибирского отделения – комплексность, работу на стыке наук» [4, с. 615–616.].

В.А. Коптюг модернизировал производственную и приборную базу НИОХ. В конце 1980-х гг. институт впервые получил персональные компьютеры, начал внедрять в практику химической науки математическое и компьютерное моделирование. В 1992 г. в институте был создан Центр международной научно-технической сети STN International. В дальнейшем большое внимание уделялось комплексному использованию дорогостоящего оборудования, а в исследованиях – интеграции специалистов различных направлений. Этим целям служит Центр коллективного пользования по анализу органических соединений и материалов, Аккредитованный испытательный аналитический центр, Химический сервисный центр коллективного пользования СО РАН².

При В.А. Коптюге зародилось сотрудничество НИОХ со многими российскими и зарубежными научными центрами, которое в настоящее время имеет устойчивый характер. Институт выполнял исследования по совместным программам с учеными Италии,

² Новосибирский институт органической химии им. Н.Н. Ворожцова. Сибирское отделение Российской академии наук. Историческая справка // URL: <http://web.nioch.nsc.ru/nioch2013/index.php/tu/istoriya> (дата обращения: 22.12.2013).

Германии, Великобритании, Франции, США, ряда других стран; сотрудничал на коммерческой основе с ведущими фирмами и компаниями стран Западной Европы, Азии, Северной Америки.

В 1990-е гг., несмотря на известные проблемы с финансированием науки, численность научных кадров в НИОХ не только не уменьшилась, но даже возросла. В 1996 г. в коллективе работали 442 чел, а среди 166 научных сотрудников – академики В.А. Коптюг и Г.А. Толстикова, 22 доктора и 86 кандидатов наук³. Произошло существенное приращение специалистов высшей квалификации. Исследователи, которые защитили докторские диссертации при В.А. Коптюге, ныне являются ведущими учеными института.

Результаты НИОХ получили высокую государственную оценку. В 1990 г. В.А. Коптюг, В.А. Бархаш, В.Г. Шубин и В.Д. Штейнгарц удостоены Ленинской премии за цикл работ «Фундаментальные исследования строения и реакционной способности карбокатионов»⁴. В 1994 г. Л.В. Володарский, И.А. Григорьев и В.А. Резников в составе авторского коллектива стали лауреатами Государственной премии РФ за цикл исследований «Нитроксильные радикалы имидазолина». В 1995 г. С.А. Бакунов, П.А. Петухов и А.М. Чибиряев удостоены Государственной премии РФ для молодых ученых за работу «Азотсодержащие производные терпенов: новый подход и перспективы использования».

Академик В.А. Коптюг внес большой вклад в подготовку научных кадров. В 1966–1993 гг. он возглавлял кафедру органической химии Новосибирского государственного университета. Курсы его лекций «Теоретические основы органической химии», «Введение в специализацию» о соотношении органической химии и новейших технологий вызывали неизменно высокий интерес студентов и аспирантов университета. По воспоминаниям Т.Н. Герасимовой, «В.А. Коптюг был прирожденным педагогом. ... Курс, подготовленный на самом высоком научном уровне, воспринимался легко – о сложнейших явлениях говорилось предельно ясно и доступно» [2, с. 77].

В 1978–1980 гг. академик В.А. Коптюг был ректором НГУ. Он добился признания принципов интеграции с Сибирским отделением АН СССР как базовых для университета. Инициировал подготовку и подписание договора между НГУ и СО АН, в котором были прописаны совместные обязательства по обеспечению подготовки научных кадров. Ректор В.А. Коптюг внедрил передовые технологии в учебный процесс: НГУ стал одним из образцовых вузов страны в области применения ЭВМ⁵.

В 1980 г. академик В.А. Коптюг возглавил Сибирское отделение АН СССР. Вскоре и в Сибири, и в

³ Рассчитано по данным Управления кадров Президиума СО РАН.

⁴ Шубин В. В области карбокатионной химии // Наука в Сибири. 2006. 8 июня.

⁵ Добрецов Н.Л. Прометей конца XX века // Наука в Сибири. 2007. 11 янв.

Москве убедились, что новый председатель СО АН – «очень самостоятельный человек, принимающий решения только после тщательного взвешивания и обсуждения всех “за” и “против”, после внимательного изучения проблемы» [2, с. 112]. В 1980-е гг. он уделил особое внимание укреплению академического потенциала регионов Сибири. Филиалы Сибирского отделения (Томский, Красноярский, Иркутский, Бурятский, Якутский) получили статус научных центров (1988 г.). На карте Сибири появились новые научные центры в Омске, Кемерово и Тюмени (1990 г.). Институты, которые выполняют в своих регионах функции научных центров, созданы в Чите (Читинский институт природных ресурсов, ныне Институт природных ресурсов, экологии и криологии, 1981 г.); Барнауле (Институт водных и экологических проблем, 1987 г.); Кызыле (Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов, 1995 г.).

В.А. Коптюг, решая приоритетную задачу развития фундаментальных исследований сибирского академического комплекса, постоянно искал новые механизмы использования инноваций в интересах экономики страны. Когда в первой половине 1980-х гг. Сибирское отделение предложило министерствам и ведомствам около 200 разработок, большинство предложений остались без ответа [5, с. 296–297]. Поэтому руководство СО АН взялось за создание научно-технических комплексов (НТК), включающих три звена: НИИ, хозрасчетное СКБ и опытное производство. Удачным примером НТК В.А. Коптюг считал новосибирский Институт ядерной физики с его опытом производства промышленных ускорителей [2, с. 388].

В русле этой политики прирастала сеть конструкторско-технологических организаций. В Новосибирске СКБ вычислительной техники (1981 г.) работало в кооперации с Вычислительным центром. Научно-исследовательский центр «Цеосит» (1990 г.) взаимодействовал с Институтом катализа. Инженерный центр геофизического и экологического приборостроения (1990 г.) производил необходимое оборудование для геологов и геофизиков. Во второй половине 1980-х гг. созданы СКТБ «Наука» в Красноярске, Республиканский инженерно-технический центр и СКБ электроники больших мощностей в Томске.

По инициативе академика В.А. Коптюга институты Сибирского отделения являлись участниками не только НТК, но и межотраслевых научно-технических комплексов (МНТК), которые были призваны снять ведомственные барьеры. Примером удачной деятельности являлся МНТК «Катализатор» во главе с Институтом катализа СО АН СССР. Корпорация, созданная по инициативе академика К.И. Замараева в 1985 г., обеспечила около 90 % всех внедрений в области отечественного промышленного катализа⁶.

Однако этих мер было явно недостаточно, чтобы ускорить инновационное развитие промышленности.

Сибирское отделение нуждалось в новой стратегии развития, в большей самостоятельности в продвижении разработок на внешний рынок. В 1988 г., во время визита генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в Красноярск, академик В.А. Коптюг поднял вопрос о необходимости нового витка в развитии Сибирского отделения [2, с. 388–390], а затем разработал основные направления этой стратегии, которые удалось закрепить в правительственном документе.

Постановление Совета министров СССР 1990 г. «О развитии Сибирского отделения Академии наук СССР на период до 2000 года» наметило программу развития СО АН СССР, которая опиралась на достигнутый потенциал в области фундаментальных и прикладных исследований и уникальную систему подготовки научных кадров [5, с. 527–530]. Намечалось укрепление действующих научных центров, создание новых научных центров в Омске, Кемерово и Тюмени, развитие конструкторской и опытно-производственной базы и социальной инфраструктуры Сибирского отделения.

Совет министров СССР поддержал идею создания НТК как основной структурной единицы СО АН СССР и разрешил для повышения самостоятельности крупных НИИ преобразовывать их в ассоциации (объединенные институты). Такая ассоциация могла состоять из юридически самостоятельных научных учреждений и общей управленческой инфраструктуры. Практически все СКБ, за некоторым исключением, вошли в ассоциации как конструкторско-технологические институты (КТИ). Предполагалось, что ассоциация поможет ученым адаптироваться к условиям рыночной экономики, научит привлекать дополнительное финансирование. После распада СССР именно в рамках ассоциаций удалось сохранить потенциал КТИ.

Постановление Совета министров СССР 1990 г. разрешило организовать на базе институтов, занимающих передовые позиции в мировой науке, международные исследовательские центры (МИЦ). В постсоветский период МИЦ предоставляли уникальную возможность кооперации ученых из разных стран для разработки той или иной крупной научной проблемы, сдерживали процесс массовой «утечки умов» из Сибири.

В советский период первое региональное отделение Академии наук СССР превратилось в крупнейший научный центр страны. В 1991 г. в нем работали свыше 50 тыс. чел, в том числе 11,8 тыс. научных сотрудников⁷. Научные центры Сибирского отделения играли активную роль в модернизационном развитии регионов. Опыт взаимодействия НГУ с академическими институтами Новосибирска был распространен и на другие регионы. Сибирское отделение не только установило взаимодействие с действующими вузами, но и способствовало организации новых университетов в крупнейших городах Сибири.

⁶ Колесова О. Как продать рукопись: Интервью с академиком В.Н. Пармоном // Поиск. 2001. 22 июня.

⁷ Рассчитано по данным Управления кадров Президиума СО РАН.

С начала 1990-х гг. перед руководством СО РАН встала задача сохранения уникального академического комплекса. Ее решение воплотилось в формировании политики адаптации СО РАН к новым условиям. В.А. Коптюгу удалось отстоять пункт о финансировании Сибирского отделения РАН «отдельной строкой», как это было в советский период. Практические меры по реализации политики «выживания», которую начал реализовывать академик В.А. Коптюг, а продолжил академик Н.Л. Добрецов, предусматривали проведение реструктуризации сети научных учреждений, развитие интеграционных процессов, технопарковой системы, расширение связей с субъектами экономической деятельности. Предполагалось также укрепление институтов и эффективное использование имущества и земли, оптимизация кадровой политики, усиление международных связей.

Особое место в деятельности руководства Отделения заняло сотрудничество с администрациями республик, краев и областей Сибири. Региональную научно-техническую политику стали определять специальные законы, принятые в Новосибирской (1995 г.) и Иркутской (1998 г.) областях, Красноярском крае (1997 г.), других регионах Сибири. Каждый научный центр СО РАН выработал собственную стратегию «выживания» в 1990-е и последующего развития в 2000-е гг.

Эти мероприятия, реализованные в условиях стабилизирующейся экономики, дали определенные результаты. Уже в 1999 г. произошли позитивные изменения в динамике финансирования научного комплекса. Одновременно возросли поступления из внебюджетных источников – академические учреждения научились самостоятельно зарабатывать средства. Стабилизировалась кадровая ситуация – уменьшился отток научных работников, увеличилась численность аспирантов. В научных центрах возобновилось строительство жилья для молодых специалистов.

Академик В.А. Коптюг внес весомый вклад в развитие и сохранение отечественной науки как вице-президент АН СССР/РАН. В годы перестройки он присоединился к ученым, считавшим, что Российской Федерации необходимо иметь собственную Академию наук, для которой «вопросы единой научно-технической политики РСФСР были бы главным, а не побочным делом» [2, с. 418]. В январе 1990 г. В.А. Коптюг возглавил Учредительный комитет Академии наук РСФСР и приступил вместе с коллегами к разработке ее концепции. Однако в марте 1991 г. эта работа была прервана постановлением «Об организационном комитете и практических мерах по созданию Российской академии наук», которое принял Президиум Верховного Совета РСФСР во главе с Б.Н. Ельциным. Председателем-организатором РАН был назначен академик Ю.С. Осипов [2, с. 116].

В октябре 1991 г. на Общем собрании АН СССР было принято решение о возвращении Академии наук СССР ее исторического названия «Российская академия наук» (РАН), переходе под юрисдикцию РСФСР и объединении с Российской академией наук, создава-

емой в соответствии с решениями Верховного Совета и Правительства РСФСР. Академик В.А. Коптюг был одним из авторов проекта первого Устава РАН.

После распада СССР радикальные реформаторы поставили под сомнение само существование РАН. Академик В.А. Коптюг в одном из выступлений вскрыл истинную подоплеку настроений реформаторов, осознающих, что «единое научное сообщество – это огромная интеллектуальная сила, которая будет препятствовать навязыванию России статуса развивающейся страны» [6, с. 89]. Выступая на Общем собрании РАН в октябре 1996 г., он с горечью говорил, что «в стране сложилась опасная практика, когда власть пренебрегает мнением отечественных ученых и предпочитает полагаться на мнение зарубежных экспертов и политиков. Неудивительно, что многие из навязанных нашей стране решений чужды ее интересам»⁸.

Академик В.А. Коптюг, государственный по своим убеждениям, подчеркивал необходимость использования потенциала РАН для разработки национальной стратегии развития, основанной на национальных интересах и социальных приоритетах. Последним документом, который он подписал 9 января 1997 г., были предложения СО РАН «О неотложных мерах по сохранению отечественной науки», подготовленные к предстоящему заседанию Правительства России [5, с. 378–382].

Творческое наследие академика Коптюга еще предстоит оценить потомкам. Пока сделаны первые шаги в анализе его деятельности по сохранению научного потенциала России и Сибири в 1990-е гг. Главный вывод, который можно сделать, изучая работы В.А. Коптюга, заключается в следующем. Наука – мощный интеллектуальный ресурс общества, необходимый для успешного развития страны. Развитие фундаментальной науки нуждается в государственной поддержке. Последствия необдуманных и радикальных реформ в сфере науки могут иметь разрушительный характер не только для ученых, но и для всего общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская академия наук. Сибирское отделение. Персональный состав. Новосибирск, 2007.
2. Эпоха Коптюга. Новосибирск, 2001.
3. Новосибирский институт органической химии им. Н.Н. Ворожцова. Сибирское отделение Российской академии наук. Новосибирск, 2003.
4. Добрецов Н.Л. Яркий ученый и патриот: К 70-летию со дня рождения академика В.А. Коптюга // Вестник Российской академии наук. 2001. Т. 71, № 7. С. 615–628.
5. Российская академия наук. Сибирское отделение. Стратегия лидеров. Новосибирск, 2007.
6. Коптюг В.А. Наука спасет человечество. Новосибирск, 1997.

Статья поступила
в редакцию 21.12.2013

⁸ Перестройка академической науки – это не одномоментный процесс: Выдержки из выступлений академика В.А. Коптюга / подг. Н.А. Притвиц // Наука в Сибири. 2006. 8 июня.

УДК 314.6 (476)

Д.Г. ЛИН

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX – НАЧАЛЕ XXI в.**

д-р техн. наук,
Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины,
г. Гомель
e-mail: ssedlyarova@gsu.by

На основе материалов переписей населения анализируются количественные и качественные изменения в составе белорусской сельской семьи под влиянием урбанизации. Для классификации семейных групп и подгрупп предложено использовать типологию, применяемую при классификации домохозяйств. Такой подход расширяет семейную статистику. Всего в семейной структуре выделено три группы семей (простые нуклеарные, расширенные нуклеарные и составные семьи), которые в свою очередь были разбиты на девять подгрупп.

Установлено, что к 2009 г. в общей семейной статистике Беларуси произошло выравнивание сельской и городской семей (3,0 чел.). Однако это выравнивание не было равномерным во всех компонентах семейной структуры. Основные изменения в составе семей в большей мере затронули группу простых нуклеарных семей. Здесь доля семей из одной супружеской пары с детьми или без них непрерывно уменьшается во времени. Противоположной является динамика для неполных нуклеарных семей (дети с одним из родителей) – их доля непрерывно растет, но по доле уровню численность сельских семей стабильно уступает численности городских.

Таким образом, результаты исследований показывают, что кризисные явления в семейной сфере продолжаются, так как растет доля неполных семей, в которых дети воспитываются без одного из родителей. В каждой из выделенных семейных подгрупп были выполнены расчеты средних размеров семей. Показано, что в целом размеры сельских семей в подгруппах не ниже, чем в городе. Отсюда сделан вывод, что совпадение средних размеров семей в городе и селе обусловлено различием в доле составных подгрупп, образующих общую семейную структуру. Если же стандартизировать территориальные структуры семей, то средний размер сельской семьи оказывается более высоким. Главные «потери» в фактическом размере сельской семьи объясняются высокой долей простых нуклеарных семей, не имеющих детей (в селе доля таких семей более чем на 10 % превышает соответствующую долю в городе).

Итак, изменения в структуре сельской семьи Беларуси, базирующиеся на сближении сельской и городской моделей брачного поведения, убедительно свидетельствуют о том, что процессы урбанизации села еще продолжаются.

Ключевые слова: урбанизация, историческая демография, сельская и городская семья, домохозяйство, Республика Беларусь.

Большая крестьянская семья была характерна для периода общинного надельного землепользования, когда распределение земли осуществлялось по «душам» в семье. В силу традиций такая семья некоторое время сохранялась и при колхозной системе землепользования, хотя в послевоенный период началось ее быстрое разрушение. Происходило не только уменьшение численности семьи, менялся и ее качественный состав. Если раньше большинство семей включало в себя три поколения (родители, дети, внуки), то теперь появилось много неполных семей и семей, состоящих только из родителей, чьи дети уехали. В настоящее время большинство семей состоит из двух поколений: родители и дети. В результате распада большой трехпоколенной сельской семьи старшие поколения перестают быть носителями норм и правил воспитания. Эта роль переходит к молодым родителям, жизненные установки которых уже в большей мере соответствуют условиям высококомобильного сельского общества. Таким образом, семья как системообразующий элемент сельского общества попала под влияние урбанизации.

Сельские районы Беларуси, как и сопредельные территории России, в условиях достаточно плотного

городского окружения испытали на себе сильное влияние урбанизационных изменений. Наиболее серьезные качественные изменения в составе сельской семьи в республике наблюдаются начиная с 1970-х гг., когда городское давление стало особенно заметным.

Следует сразу же оговориться, что развернутое исследование динамики преобразований сельской семьи сильно затруднено из-за разрозненности и ограниченности статистического материала. Тем не менее доступные материалы позволяют уже сейчас сформулировать некоторые выводы.

Приступая к обсуждению материалов исследований, заметим, что в демографической статистике разделяют семьи и частные домохозяйства. Так, в соответствии с программой переписи населения Беларуси 2009 г.¹ семья определяется как состоящая из двух или более лиц, связанных отношениями родства или брачными отношениями, проживающих совместно и имеющих общий бюджет. Частные же домохозяйства

¹ Перепись населения 2009. Основные организационные и методологические положения. Минск: Нац. стат. комитет Республики Беларусь, 2010. Т. I. 300 с.

Т а б л и ц а 1

Типологические группы и подгруппы в составе семей

Группа семей	Состав подгрупп	Подгруппа или тип
I – простая нуклеарная	1. Супружеские пары без детей	Ia
	2. Супружеские пары с детьми	Iб
	3. Семьи, состоящие из матери с детьми	Iв
	4. Семьи, состоящие из отца с детьми	Iг
II – расширенная нуклеарная	1. Супружеские пары с детьми и без детей и другими родственниками	IIa
	2. Семьи, состоящие из матери с детьми и с родителями матери (отца)	IIб
	3. Семьи, состоящие из отца с детьми и родителями отца (матери)	IIв
III – составная	1. Две и более супружеские пары с детьми и без детей и с другими родственниками или без них	IIIa
	2. Прочие семьи	IIIб

могут состоять и из одного человека, живущего самостоятельно и обеспечивающего себя всем необходимым для жизни. В отличие от домохозяйств, в состав семьи не включаются неродственники. По этим причинам число домохозяйств на одной территории всегда больше, чем число семей. Так, переписью 2009 г. в сельской местности Беларуси было зафиксировано чуть более 1 млн домохозяйств (точнее, 1 040 842 хозяйства), в то время как число семей, выявленных в селе, было примерно на треть меньше (677 364 семьи). Исходя из желания сблизить данные статистики по семьям и домохозяйствам, мы при определении типологии семей за основу взяли терминологию, применяемую при характеристике домохозяйств. В статистике все домохозяйства разделяют на четыре типа: домохозяйства из одного человека, нуклеарные, расширенные и составные хозяйства. Соответственно, в классификации семей нами были выделены только три группы: простые нуклеарные (тип или группа I), расширенные нуклеарные (II) и составные (III) семьи. Типология и состав семейных групп представлены в табл. 1.

Таким образом, приведенная в табл. 1 классификация семей сохраняет все девять семейных подгрупп, которые применяются в семейной статистике, но объединяет их в три типологические группы с названиями, в целом повторяющими терминологию домохозяйств.

Обратимся теперь к динамике параметров, характеризующих семейную структуру населения. На рис. 1 показано изменение среднего размера сельской семьи в Беларуси в период после 1970 г. (кривая 1). Данные приводятся в сравнении со средней семьей в городе (кривая 2).

Еще в 1970 г. сельская семья в Беларуси по размеру превосходила семью в городе (3,7 чел. против 3,5), но уже к 1989 г. этот показатель снизился до уровня 3,0 чел., который затем не изменялся в течение 20 лет. Снижение среднего размера городской семьи происходило более медленно, и она достигла значения в 3,0 чел. только к 2009 г.

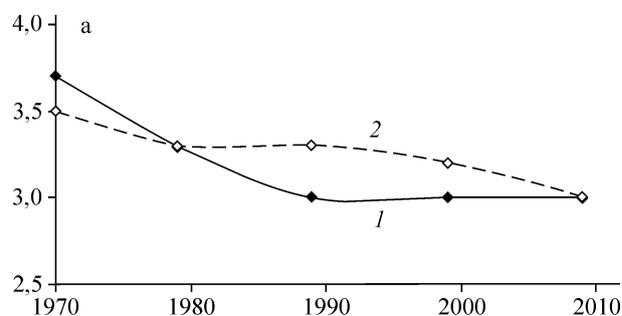

Рис. 1. Динамика среднего размера сельских семей (чел. в семье) в сельской (1) и городской (2) местностях Беларуси

Постепенное выравнивание средних размеров семей в селе и городе не происходило равномерно во всех компонентах структуры семей, т. е. во всех ее подгруппах. Подтверждение этого тезиса можно найти в динамике размеров отдельных семей и их долевого состава (табл. 2, рис. 2).

Зависимости, приведенные на рис. 2, относятся как к некоторым отдельным семейным подгруппам (подгруппы IIa, IIIa и IIIб), так и к комбинациям (точнее, сочетаниям) подгрупп. Так, объединены семейные подгруппы Ia и Ib, т. е. в виде одной зависимости представляются данные для супружеских пар, имеющих или не имеющих детей. Объединены также две подгруппы – Iv и Ig, в которых в качестве родителей выступает только мать или отец. Аналогичное объединение подгрупп сделано в расширенной нуклеарной группе – соединены подгруппы IIб и IIв.

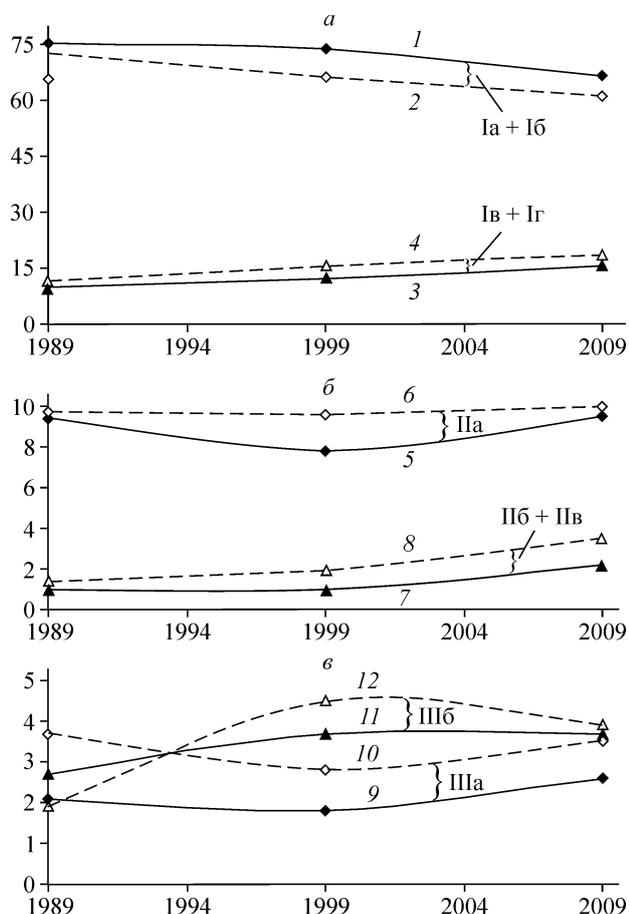
Как видно из представленных данных, основные изменения в составе семей в большей мере затронули группу простых нуклеарных семей. Здесь доля семей из одной супружеской пары с детьми или без них непрерывно уменьшается во времени. Так, если в 1989 г. 75 % сельских семей относились к таким семьям, то в 2009 г. их стало только 66,4 %. В городской местности такая же динамика процесса, только доля нуклеарных семей с супружеской парой стабильно ниже. Противо-

Таблица 2

Некоторые численные и демографические показатели семейных подгрупп, образующих сельское и городское население Беларуси (данные переписи 2009 г.)

Показатель	Местность	Все семьи	Подгруппы семей								
			Ia	Iб	Iв	Iг	IIa	IIб	IIв	IIIa	IIIб
Доля подгруппы в общем составе семей, %	Село	100	31,9	34,6	13,8	1,7	9,5	2,0	0,2	2,6	3,7
	Город	100	21,1	39,7	16,5	1,9	9,9	3,2	0,3	3,5	3,9
Доля семей с детьми до 18 лет в данной подгруппе, %	Село	39,2	0	68,3	29,7	19,8	65,2	79,8	68,9	78,7	31,3
	Город	46,4	0	65,0	39,0	25,9	68,7	76,0	70,3	74,8	41,4
Доля семей с детьми старше 18 лет в данной подгруппе, %	Село	—*	0	31,7	70,3	80,2	—	20,2	31,1	—	—
	Город	—	0	35,0	61,0	74,1	—	24,0	29,7	—	—
Средний размер семьи, чел.	Село	3,0	2,0	3,7	2,3	2,2	4,3	3,7	3,4	5,7	2,7
	Город	3,0	2,0	3,4	2,3	2,2	4,3	3,4	3,3	5,4	2,7
Общий коэффициент детности по отношению к детям до 18 лет (для семей с детьми), детей на одну семью	Село	—	0	1,15	0,45	0,26	—	1,12	0,26	—	—
	Город	—	0	0,91	0,48	0,31	—	0,91	0,79	—	—
Специальный коэффициент детности по отношению к детям до 18 лет (для семей с детьми до 18 лет), детей на одну семью	Село	1,16	0	1,68	1,53	1,33	1,56	1,40	1,25	1,53	1,53
	Город	1,34	0	1,40	1,23	1,18	1,32	1,19	1,12	1,35	1,32

* Прочерк в таблице означает, что статистических данных недостаточно для расчета показателя.

положительной является динамика для неполных нуклеарных семей (подгруппы Iв и Iг) – их доля непрерывно растет, но по уровню показателя село уступает городу (в 2009 г. доля неполных нуклеарных семей в селе составляла 15,3 %, в городе – 18,4 %). Рост числа неполных семей (детей без отца или матери) характерен и для расширенной нуклеарной группы. Например, доля такого рода семей увеличилась с 1,4 % в 1999 г. до 3,5 % в 2009 г. Таким образом, и в селе, и в городе продолжают кризисные явления в семейной сфере – растет доля неполных семей, в которых дети воспитываются без одного из родителей.

Теперь можно обратиться к вопросу о формировании и оценке показателя среднего размера семьи, который, как уже отмечалось, в 2009 г. оказался равным и в сельской, и в городской местности (3,0 чел.). Данные, необходимые для проведения такой оценки, содержатся в табл. 2.

Для каждой из семейных подгрупп приводятся расчетные значения среднего размера семьи. Наиболее высокий уровень показателя оказался для составных семей (тип IIIa) – для семей, проживающих в селе он составил 5,7 чел., в городе – 5,4 чел. Такая семья, по меньшей мере, включает два супружеских ядра.

Рис. 2. Динамика доли семейных подгрупп и их комбинаций в общем составе сельского (1, 3, 5, 7, 9, 11) и городского (2, 4, 6, 8, 10, 12) населения Беларуси.

1, 2 – подгруппы Ia+Iб, 3, 4 – подгруппы Ib+Iг, 5, 6 – подгруппа IIa, 7, 8 – подгруппы IIб+IIв, 9, 10 – подгруппа IIIa, 11, 12 – подгруппа IIIб.

Далее в порядке убывания среднего размера идут семьи в подгруппах Па (по 4,3 чел. в селе и в городе), Иб и Пб (по 3,7 и 3,4 чел.), Пв (3,4 и 3,3 чел.), Пб (по 2,7 чел.), Ив (по 2,3 чел.), Иг (по 2,2 чел.) и Ia (по 2,0 чел.). Как видно, в ряде подгрупп размер сельской семьи совпадает с городской, зато в остальных подгруппах он выше. В целом можно сказать, что размеры сельских семей в подгруппах не ниже, чем в городе. Однако при расчете среднего размера семьи по всему их количеству мы получили совпадение показателей для села и города (по 3,0 чел. в семье). Очевидно, что на формирование этого показателя оказал влияние долевого состав подгрупп в общей семейной структуре населения. Если же стандартизировать структуру городских семей (т. е. взять в качестве стандарта) и допустить, что такую же структуру семей имеет сельское население, то тогда средний размер семьи в селе составил бы 3,2 чел. Естественно, что при этом городская семья осталась без изменений – 3,0 чел. Главные «потери» в фактический размер сельской семьи привносит высокая доля простых нуклеарных семей, не имеющих детей (тип Ia). В селе доля таких семей в 2009 г. составила 31,9 %, а в городе – 21,1 %. Во многом это семьи родителей, воспитавших детей, которые еще в юношеском возрасте покинули деревню и переехали жить в город.

В общей структуре семей в Беларуси статистика выделяет семьи, имеющие детей до 18 лет. Доля таких семей в городе выше, чем в селе (46,4 % против 39,2 %). Это дополнительно подтверждает, что структурно состав городского населения является более молодым. Многие из бывших сельских жителей, переехав в город, делают его более молодым, а деревню – старой.

Семьи с детьми довольно неравномерно распределены по подгруппам семейной структуры населения (табл. 2). Обращает на себя внимание большое различие в долях семей с детьми среди неполных семей, т. е. семей, проживающих с одним из родителей. Так, в простых нуклеарных семьях сельской местности доля таких семей равна 29,7 % (семьи с матерью) и 19,8 % (с отцом). В группе расширенных нуклеарных семей соответствующие показатели для неполных семей (без одного из родителей) достигают 79,8 % (подгруппа Пб) и 68,9 % (Пв). Получается, что если неполная семья является двухпоколенной (подгруппы Ив и Иг), то довольно часто ее представляют отец или мать, проживающие вместе со взрослым сыном или дочерью. Другими словами, отдельный родитель проживает чаще со взрослыми детьми, чем с детьми моложе 18 лет. Трехпоколенная неполная семья (подгруппы Пб и Пв), наоборот, чаще включает детей до 18 лет.

Доля неполных двухпоколенных семей с детьми старше 18 лет в селе значительно выше, чем в городе (табл. 2, подгруппы Ив и Иг). Можно назвать несколько причин, объясняющих такое различие. Во-первых, в сельской местности семьи, как правило, держат личное подсобное хозяйство и дети до вступления в брак проживают вместе с родителями. Заводить отдельное хозяйство до свадьбы не имеет никакого смысла. В

городе же молодые люди более мобильны – они могут переходить в общежитие, снимать квартиру и т. д. Во-вторых, в городе значительной является доля переселенцев из сельской местности, которые снимают временное жилье и никаким образом не входят в семейную структуру.

Ориентируясь на семьи с детьми до 18 лет, можно оценить и сопоставить интенсивность рождаемости в различных семейных подгруппах городской и сельской местностей. Для этого были рассчитаны два вида коэффициентов: общий и специальный коэффициент детности по отношению к детям до 18 лет. Общий коэффициент детности (ОКД) определялся как отношение общего числа детей до 18 лет к числу семей, в составе которых имеются дети разного возраста (в том числе дети старше 18 лет). Схожим образом находили специальный коэффициент детности (СКД). Только здесь рассчитывали отношение числа детей до 18 лет к числу семей, имеющих детей этого возраста. Как видно, в расчетах коэффициентов менялась семейная база, по отношению к которой находили соответствующий показатель. В случае ОКД расчеты вели по отношению ко всем семьям, имеющим детей, при нахождении СКД – по отношению только к тем семьям, которые имеют детей моложе 18 лет. Коэффициенты рассчитывали отдельно для подгрупп городского и сельского населения и выражали числом детей на одну семью. Результаты расчетов содержатся в табл. 2.

По абсолютной величине СКД выше ОКД, и он является более объективным показателем интенсивности рождаемости, поскольку рассчитывается только для тех семей, в которых имеются дети до 18 лет. Как видно, уровень детности, оцениваемый СКД, во всех сельских семейных подгруппах выше, чем в соответствующих подгруппах семейной структуры города. Понятно, что в данном случае речь не может идти о подгруппе Ia, поскольку она объединяет семьи, не имеющие детей.

Уже отмечалось, что люди, проживающие отдельно и ведущие собственное хозяйство, не входят в семейную статистику. Это не отдельная семья. Такие люди учитываются только в данных, относящихся к частным домохозяйствам, поэтому нам следует обратиться к статистике домохозяйств. На рис. 3 показано распределение частных домохозяйств по их четырем видам или типам.

Как видно, в структуре домохозяйств наибольшую долю составляют нуклеарные хозяйства (по типологии семейной структуры они включают в себя простые нуклеарные семьи, см. табл. 1). В селе доля таких хозяйств меньше, чем в городе (например, в 2009 г. соответственно 53,3 и 56,3 %). Среди всех типов домохозяйств одиночные хозяйства в Беларуси по доле численности занимают второе место (для примера, в 2009 г. доля таких хозяйств в селе превысила треть – 34,4 %). Динамика структуры домохозяйств в селе и в городе является схожей: растут доли одиночных, расширенных и составных домохозяйств, при соответствующем уменьшении процента нуклеарных хо-

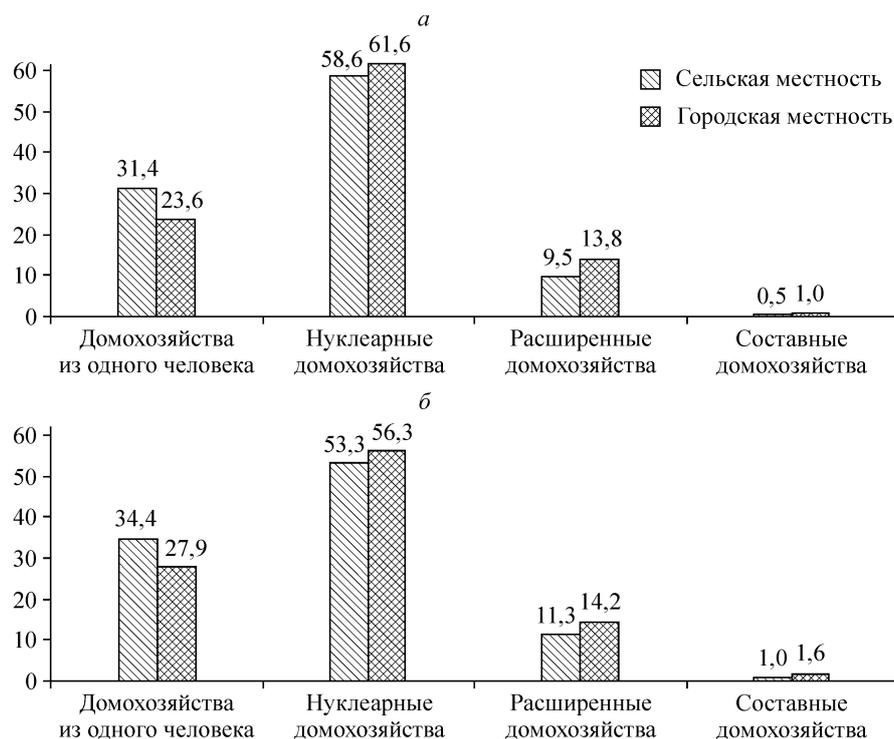

Рис. 3. Диаграмма распределения частных домохозяйств в сельской и городской местности Беларуси по типам: а – 1999 г.; б – 2009 г.

зяйств. Говоря о территориальных (село, город) различиях в структурах домохозяйств, можно отметить, что более высокая доля одиночных хозяйств в селе компенсируется относительно низкой долей других видов хозяйств: нуклеарных, расширенных и составных. И это состояние структуры домохозяйств является устойчивым во времени.

Динамику структурного состава домохозяйств дополняют данные распределения их по размерам – числу человек в хозяйстве. Такое распределение для 1999 и 2009 гг. приводится в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

Группировка домохозяйств Беларуси по размерам, % к общему количеству соответствующих хозяйств

Домохозяйства	Размер домохозяйств, чел.					Все хозяйства, %
	мелкие		средние		крупные	
	1	2	3	4		
1999 г. [3]						
Сельские	31,4	31,0	15,8	14,2	7,6	100
Городские	23,6	23,8	25,4	20,8	6,4	100
2009 г.						
Сельские	34,4	30,1	16,5	11,7	7,3	100
Городские	27,9	27,1	24,1	14,7	6,2	100

Разделяя домохозяйства на мелкие (1–2 чел.), средние (3–4) и крупные (5 чел. и более), видим, что основным результатом во времени стало увеличение доли мелких хозяйств. Особенно интенсивно увеличивался процент домохозяйств из одного человека. Соответственно, доля средних и крупных домохозяйств снижалась. Указанные изменения в структуре хозяйств происходили синхронно и в сельской, и в городской местности, хотя при этом отмечалось сближение показателей, рассчитанных для села и города. К 2009 г. разность между долевыми численностями наиболее мелких домохозяйств в селе и в городе сократилась с 7,8 до 6,5 %, а доля таких домохозяйств в целом выросла. Отсюда можно говорить об активном преобразовании сельской семьи и сближении ее с городской семьей.

Формирование структуры домохозяйств во многом зависит от особенностей брачного поведения населения. Остановимся только на брачной структуре той части сельских жителей Беларуси, которые входят в состав домохозяйств из одного человека. Другими словами, результаты исследований будут относиться к сельскому населению, которое не охвачено семейной статистикой.

Установлено, что брачная структура контингента сельских одиночных домохозяев в сравнении со структурой базового населения (жителей села) характеризуется более высокой долей вдовых, разведенных и людей, которые никогда не состояли в браке. Такое положение не несет в себе ничего неожиданного, т. е.

является естественным. В отличие от горожан, сельчане чаще оказываются одиночками из-за более высокой интенсивности смертности, характерной для сельской местности.

Таким образом, изменения в структуре сельской семьи Беларуси, сближение сельской и городской мо-

делей брачного поведения убедительно свидетельствуют о том, что процессы урбанизации села еще продолжаются.

Статья поступила
в редакцию 02.07.2013

УДК 323.1 (470+571) “19/20”

К.С. РАЗУВАНОВА

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ ДИАСПОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ, ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМАХ И АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ

канд. ист. наук,
Институт истории НАН Беларуси,
г. Минск,
e-mail: razuvanova-ks@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению ряда основных проблем и перспектив изучения положения белорусской диаспоры в Российской Федерации на рубеже XX–XXI вв. Освещены основные особенности и перспективы влияния национального вопроса на международные отношения, показана значимость и острота межнациональных отношений в современном мире. Обозначены особенности положения белорусов в России в условиях современных геополитических процессов, влияние последних на сохранение национальной идентичности белорусов в Российской Федерации. В связи с одновременным употреблением для обозначения белорусов и их национально-культурных организаций в России таких различных понятий, как «диаспора», «землячество», «товарищество», и других указаны особенности использования ключевых понятий и терминов при изучении тех или иных проблем, обозначена их специфика. Особое внимание уделено анализу историографии указанной темы. В частности, обозначены основные вопросы, затрагиваемые в публикациях, рассмотрены наиболее значимые издания, в которых помещены материалы о деятельности национально-культурных обществ белорусов. Особое внимание уделено наиболее значимым периодическим изданиям. В этой связи обозначен вклад журналистов в изучение данной темы. Кроме того, проанализированы основные подходы к рассматриваемым проблемам, охарактеризованы наиболее значимые источники. Автором предложены модель и методологическая база для дальнейшего изучения современного положения белорусской диаспоры в России. Подчеркнута значимость междисциплинарного подхода к исследованию рассматриваемых проблем, важность принципов социальной, этнической и политической психологии.

Ключевые слова: национальные меньшинства, белорусская диаспора, Российская Федерация, национально-культурные общества, национальная идентичность, историография.

Мир последних десятилетий представляет собой явление поистине уникальное. Наряду с ожидаемым и широко пропагандируемым западными СМИ формированием общечеловеческой, общепланетарной культуры, еще в 1960–1970-е гг. наметилось и в настоящее время ярко проявилось стремление многочисленных этнических групп к сохранению и популяризации собственной национальной идентичности в различных формах ее проявления. В научной литературе такой феномен был обозначен как этнический парадокс современности, под которым подразумевается стремление народов сохранить свою самобытность, подчеркнуть уникальность своей культуры и психологического склада. У многих миллионов людей осознание своей принадлежности к определенному этносу находит выражение в самых различных формах [1, с. 7].

Современные исследователи особенностей поведения больших социальных групп (макрогрупп), к которым относятся народы и нации, пытаются рас-

смотреть и интерпретировать указанные изменения и процессы, подчеркивая глубину и сложность таких понятий, как «этничность», «национальное самосознание», «национальный характер», «этнический конфликт».

В этой связи особую остроту проблеме современных межнациональных отношений добавляет активное формирование новых полноценных национальных диаспор. Под понятием «диаспора» (от греч. *diaspora* – рассеивание)¹ в настоящее время понимается проживание значительной части этноса (этнического сообщества) за пределами той страны, где живет основная его часть; диаспоры образуются в результате насиль-

¹ Первоначально под этим термином понималась область за границей Палестины, где жили евреи (особенно во время Вавилонского пленения после изгнания их в начале VI в. до н.э. Навоходносором II, а в I – II вв. н.э. – римлянами); постепенно термин «диаспора» стал использоваться и в отношении других религиозных и этнических групп, проживавших в новых районах расселения.

ственного выселения, угрозы геноцида, экономических и географических факторов и т. п. [2, с. 366].

В свою очередь, под понятием «белорусская диаспора» в различных современных белорусских энциклопедических изданиях подразумевается часть белорусов, проживающих за пределами Белоруссии, либо этнические белорусы, проживающие за пределами Республики Беларусь, категория лиц, для которых Белоруссия является исторической родиной [2, с. 315; 3, с. 315]. Вместе с тем белорусами, проживающими на территории Российской Федерации, для самоидентификации наряду с указанным термином используются понятия «землячество» (мотивируется более «белорусскими» корнями последнего – «зямля», «зямляк» и спецификой первоначального значения термина «диаспора»)², а также «община», «товарищество» и т. п. Наряду с универсальностью последних следует отметить, что понятие «землячество» (1. Принадлежность людей к одной местности в соответствии с рождением или жительством в границах своего национального государства и обусловленные этим связи между ними; 2. Компактная этническая группа в инонациональном окружении, временами организационно оформленная) действительно является по своему происхождению исторически близким для белорусских соотечественников в России (так определяли себя уроженцы Белоруссии – члены объединений ученической молодежи и интеллигенции, во второй половине XIX в. – 1914 г. оказавшиеся в крупных научных и культурных центрах Российской империи в связи с отсутствием возможности получить высшее образование на родине) [4, с. 132]. Тем не менее в связи с распространенным его использованием для указания общности рождения на территории определенных административно-территориальных единиц (например, зельвенцы³), а также двойственностью вышеуказанного определения понятия, более уместным нам представляется употребление термина «диаспора» – для обозначения этнических белорусов, проживающих за пределами Республики Беларусь в целом либо в отдельно взятом государстве, а термина «землячество» (равно как и «товарищество», «община») – для указания на конкретное региональное сообщество белорусов, проживающих за пределами Белорусии (московское белорусское землячество, архангельское белорусское землячество и т. д.).

По данным Уполномоченного по делам религий и национальностей, в настоящее время в результате миграционных процессов за пределами своей исторической родины проживают примерно 3,5–4 млн белорусов, не считая потомков в другом и следующих поколениях⁴.

² Станіслаў Буко: «Беларускае свята ў Маскве атрымалася» // Голас Радзімы. 2003. № 40. 2 окт.; Дорога к храму // Белорусы России. 2004. № 2. Июнь. С. 4; и др.

³ Зельвенцы // Вконтакте [Электронный ресурс]. 2006. URL: <http://vk.com/club51354645> (дата обращения: 12.05.2013).

⁴ Объединения белорусов за рубежом // Центр национальных культур Республики Беларусь [Электронный ресурс]. 2007. URL:

Особое место среди белорусских региональных сообществ в мире занимает собой белорусская диаспора в Российской Федерации. При всей видимой простоте и ясности положения белорусов в России, данный вопрос является весьма сложным и многоплановым. Во-первых, негативно сказывается на сохранении национальной идентичности белорусов массивное «размывающее» воздействие глобализационных процессов. Сказанное подтверждается результатами переписей населения Российской Федерации последних 20 лет, демонстрирующих постепенное сокращение количества белорусов в России (с 1,2 млн чел. в 1989 г., когда белорусская диаспора занимала 2-е место по численности после украинской [5, с. 81] до чуть более 520 тыс. чел. по результатам переписи 2010 г.)⁵.

Во-вторых, явным препятствием на пути консолидации белорусской диаспоры в России является доминирование политического фактора, а именно принятие / непринятие проводимого в Республике Беларусь политического и экономического курса (сложно скрываемым стал очевидный раскол по указанной линии среди разных поколений московских и петербургских белорусов, что в отдаленной перспективе может негативно сказаться на преемственности поколений в деле сохранения национальной идентичности).

Наконец, не менее существенно то, что деятельность ряда национально-культурных сообществ практически «держится» на ярких, харизматических лидерах. Показательным примером может быть отсутствие какого-либо национального объединительного центра во Владимирской области (и это несмотря на то, что по данным секретариата администрации области здесь проживает 3890 белорусов⁶) либо высказываемые опасения о возможном упадке национальной работы в Иркутске в связи уходом О. Рудакова с поста руководителя Иркутского товарищества белорусской культуры им. Яна Черского⁷.

Указанные факты предопределяют специфику самой проблемы освещения деятельности современных белорусских национально-культурных обществ в России. Ведь именно о положении белорусской диаспоры в России известно не так уж и много, а имеющаяся информация носит фрагментарный, преимущественно этнографический характер. С одной стороны, благодаря стараниям современных отечественных и российских исследователей (преимущественно работы

<http://centrkult.iatp.by/?m=3&page=1> (дата обращения: 12.05.2013).

⁵ Национальный состав населения Российской Федерации // Национальный состав населения Российской Федерации. Всероссийская перепись населения 2010 года. [Электронный ресурс]. 2011. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/peritog/tab5.xls (дата обращения: 02.06.2012).

⁶ Данные предоставлены 29.11.2012 электронным письмом отдела международных и региональных связей Совета народных депутатов города Владимира лично по согласованию с мэром г. Владимира С.В. Сахаровым.

⁷ У Сібіры змянілася беларуская ўлада // Kamunikat. [Электронный ресурс]. 2000. URL: <http://kamusunikat.org/naviny.html?artid=1387> (дата обращения: 12.05.2013).

ученых Института искусствоведения, этнографии и фольклористики, Института истории НАН Беларуси, Сибирского отделения и Института антропологии и этнографии РАН, выполняющих совместные плановые научно-исследовательские проекты) на протяжении последних двадцати лет появились многочисленные публикации по вопросам сохранения национальной идентичности и приумножения культурного наследия белорусской диаспорой в России [6–14].

С другой стороны, приходится утверждать, что процесс информирования читателей о жизни современных белорусских национально-культурных обществ только набирает обороты. Особую динамику данный процесс приобрел на рубеже тысячелетий, что связано с появлением в 1999 г. такого значительного координирующего центра, как Федеральная национально-культурная автономия «Белорусы России», с выходом периодического издания посольства Республики Беларусь в России «Белорусы России», а также периодических изданий диаспоры, активизацией работы ряда электронных ресурсов (сайты «Белорусы России» – <http://www.belros.ru>, «Белорусы Москвы» – <http://www.belmos.ru/>, «Белорусы Югры» – <http://www.belorussian.ru/index/> и др.), с проведением Дней белорусской культуры в России.

Необходимо отметить, что «особое положение» белорусской диаспоры в Российской Федерации вызывает живой интерес не только среди профессиональных исследователей. Так, деятельность национально-культурных обществ на рубеже XX–XXI вв. приобретает явный политологический оттенок. Причем исследователи сами являются участниками происходящих событий. При этом не очевидны отдаленные последствия происходящих трансформационных процессов как в самой Республике Беларусь, так и в России. Кроме того, изучение деятельности отдельных организаций и учреждений существенно осложняется тем фактом, что большинство материалов (протоколы заседаний, отчеты об исполнении тех или иных показателей либо проведении мероприятий и т. п.) еще не поступили (либо вообще не поступят) в традиционные «хранилища информации». В связи с этим закономерно возрастает роль журналистов в освещении разных аспектов деятельности современной белорусской диаспоры в России, вследствие чего роль основного источника текущих сведений начинают играть сегодня периодические издания.

Переходя к характеристике наиболее значимых исследований, которые так или иначе затрагивают вопросы истории современной белорусской диаспоры в России, необходимо заметить, что основную массу таких работ составляют коллективные издания по истории белорусского зарубежья в целом, сборники научных статей и материалов конференций, посвященных как непосредственно положению белорусов в мире, так и современным проблемам национально-культурного сотрудничества в Беларуси.

Одним из первых обзоров, в котором довольно подробно освещается история формирования, разме-

щения и положения белорусов в мире, является статья известной исследовательницы истории белорусской диаспоры Г. Сергеевой в коллективном фундаментальном издании «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» («Энциклопедия истории Беларуси») [15, с. 328–336]. В последующие годы появились еще три значимых издания: «Хто ёсць хто сярод беларусаў свету» («Кто есть кто среди белорусов мира»), «Беларуская дыяспара: нарысы гісторыі і сучаны стан» («Белорусская диаспора: очерки истории и современное состояние») и «Беларускае замежжа» («Белорусское зарубежье»), которые существенно обогатили исследователей сведениями по истории белорусских организаций за рубежом (в том числе материалами из белорусских и зарубежных архивных фондов), иллюстративным рядом. Эти работы вызвали серьезный резонанс среди научной общественности и стимулировали интерес к изучению проблемы деятельности белорусской диаспоры не только в России, но и в мире в целом [16–18; 19, с. 357–377].

Среди сборников научных статей, в которых содержатся разнообразные интересные материалы по истории формирования и современному состоянию белорусской диаспоры в России, следует отметить «Новые славянские диаспоры» (статья Г.А. Григорьевой «Белорусская диаспора в России»), «Культура белорусского зарубежья» и материалы научно-практической конференции «Культура и образование национальное меньшинств Сибири» (в тезисах приводятся сведения по актуальным вопросам истории белорусской диаспоры в Сибири) [20–22].

Материалы конференций в основном посвящены вопросам сохранения и развития белорусской культуры и языка («Беларуская дыяспара як пасрэдніца ў дыялогу цывілізацый») («Белорусская диаспора как посредница в диалоге цивилизаций»), «Роля беларускай дыяспары ў захаванні і развіцці беларускай культуры» («Роль белорусского диаспоры в сохранении и развитии белорусского культуры»), «Беларусь в современном мире» и ряд других). Освещаются также вопросы формирования белорусских национальных организаций в России, появления и работы региональных сообществ белорусов Брянской, Иркутской, Новосибирской, Тюменской и Ярославской областей Российской Федерации [23–29].

Среди периодических изданий, касающихся указанных проблем, наиболее информативными являются журнал посольства Республики Беларусь в Российской Федерации «Белорусы России», газета «Голас Радзімы» («Голос Родины»), журнал «Кантакты і дыялогі» («Контакты и диалоги»). Значительное количество публикаций о деятельности ряда белорусских сообществ России представлено в журналах и газетах литературной и в целом культурной направленности (журнал «Неман», газеты «Культура», «Літаратура і мастацтва») («Литература и искусство») и др.), научных (журналы «Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. Серыя 2» («Вести Белорусского государственного педагогического университета. Серия

2»), «Весці Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук» («Вести Академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук»), «Пытані мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі» («Вопросы искусствоведения, этнологии и фольклористики») и др.), научно-популярных (журналы «Беларускі гістарычны часопіс» («Белорусский исторический журнал»), «Arche» и др.) и общественно-политических (журналы «Беларуская думка» («Белорусская мысль»), «Могилев Style», газеты «Звязда» («Звезда»), «Пагоня» («Погоня») и др.) изданиях.

Различные национальные организации наших соотечественников представлены в белорусской периодической печати неравномерно, что связано с масштабом их деятельности (идет ли речь о белорусском землячестве на Камчатке либо о РНКА «Белорусы Москвы», не говоря уже об организации федерального уровня ФНКА «Белорусы России»), финансовыми возможностями, а также интенсивностью их контактов с руководством товарищества «Родина» и редакцией газеты «Голас Родины». Так, достаточно четкое представление у читателей имеется о деятельности Иркутского товарищества белорусской культуры им. Я. Черского, НКА «Автономия Беларусь» Тюмени, НКА «Беларусь» Республики Коми, НКА «Белорусы Сибири» и Белорусского культурно-просветительского центра им. Е. Полоцкой в Новосибирске, ФНКА «Белорусы России», РНКА «Белорусы Москвы» и НКА «Белорусы Югры» (Сургут), НКА «Нёман» в Тольяты, товарищества русско-белорусской дружбы «Сяброўства» («Товарищество») и Музея им. М. Богдановича в Ярославле, Ростовской региональной общественной организации «Союз белорусов Дона», НКА «Калининградское землячество белорусов», НКА и Фонда «Белые Росы» в Санкт-Петербурге, белорусского товарищества «Спадчына» («Наследие») в Казани, областной общественной организации «Кузбасская община «Беларусь»», Томской региональной общественной организации белорусской культуры «Белые росы» и др.

Основная масса публикаций носит преимущественно «событийный» характер. Среди наиболее многочисленных и информативных поводов можно выделить участие представителей организаций в праздновании традиционных народных праздников⁸, в торжественных мероприятиях по случаю Дня Независимости Республики Беларусь и Дня Победы⁹, сотрудничество в рамках реализации мероприятий Дней белорусской

культуры¹⁰, участие в Фестивале «Славянский базар в Витебске»¹¹, выставке-форуме «СМИ в Беларуси»¹², а также непосредственной работе по активизации контактов с соотечественниками¹³.

Говоря об изданиях самих белорусских обществ в России, необходимо констатировать, что ряд из них либо не имеют своего печатного периодического издания, либо издаются нерегулярно или не распространяются на территории Республики Беларусь. Согласно информации, размещенной на официальном сайте Аппарата Уполномоченного по делам религий и национальностей Республики Беларусь, собственные периодические издания имеются либо имелись на момент подготовки размещенного на сайте материала у Федеральной национально-культурной автономии «Белорусы России» (газета «Белорусы России»), Архангельской общественной организации «Землячество «Беларусь» (газета «Единый мир»), Иркутского товарищества белорусской культуры имени Яна Черского (газета «Маланка»), Краевой национально-культурной автономии Красноярск «Беларусь» (издавалась газета «Калі ласка»), Общественной организации «Московский клуб белорусов» (газета «Сябры»), Общественной организации «Союз белорусов Дона» (ежегодный литературно-художественный и историко-этнографический альманах «Мы – славяне»), Межрегионального общественного объединения Санкт-Петербурга «Белорусско-российское братство» (газета «Русская земля») ¹⁴.

Относительно непериодических печатных изданий необходимо также отметить, что особую группу новейших исследований по истории белорусской диаспоры в России составляют издания так называ-

⁸ Беларускія калядкі ў Сібіры // Голас Радзімы. 2005. № 7–8; Роздум пра традыцыі // Там же. 2007. № 48; І ў Іркуцку гукалі вясну... // Там же. 2009. № 12; Купале – светлая пара // Там же. 2010. № 23; Купалле, Купала і Дон // Там же. 2011. № 22; Шчасце ў дом прыносіць бусел // Там же. 2012. № 3; и др.

⁹ Беларусы замежа прынялі ўдзел у святкаванні Дні Незалежнасці // Голас Радзімы. 2006. № 27–28; Плённы май для суайчыннікаў // Там же. 2008. № 22; Ад Волгі – да Буга // Там же. 2009. № 18; Незабыўны водгук былых гадоў // Там же. 2011. № 26; Яны таксама набліжались Перамогу // Там же. 2011. № 34; Помні пра Хатынь, Адэліна // Там же. 2012. № 19; и др.

¹⁰ Дні беларускай культуры ў Новасібірску // Голас Радзімы. 2004. № 26–29; «Карагод сяброў» склікалі беларусы // Там же. 2005. № 26–27; Дні Беларусі ў Падмаскоўі // Там же. 2006. № 38–39; Культурны ўзаемаабмен // Там же. 2008. № 22; Творчасць не мае межаў // Там же. 2009. № 8; 3 Году – у Год // Там же. 2009. № 43; Гастролі – па ўсім свеце // Там же. 2010. № 5; Светлыя згадкі і добры настрой // Там же. 2011. № 22; Замова на шчасце // Там же. 2010. № 47; и др.

¹¹ У Віцебск з усяго свету // Голас Радзімы. 2011. № 12; Хуткая сустрэча // Там же. 2011. № 24; Сустрэчы, якія натхняюць // Там же. 2011. № 26; и др.

¹² Кнігі з Беларусі // Голас Радзімы. 2006. № 38–39; Перыядычныя выданні беларускай дыяспары // Там же. 2004. № 38–41; На друкарскім варштаце – «Беларускі Пецярбург» // Там же. 2008. № 34; Друкаваная трыяда // Там же. 2009. № 1; 3 краёў далёкіх і блізкіх // Там же. 2009. № 31; и др.

¹³ Беларусь і Расія дамовіліся аб садзейнічанні суайчынніка // Голас Радзімы. 2006. № 49–50; Стымул для сяброўства // Там же. 2008. № 48; Веча дыяспары // Там же. 2009. № 44; Размова пра надзённае // Там же. 2010. № 14; Валерыі Казакоў: «Мы разам зрушым гэтую справу» // Там же. 2010. № 46; У заўтра крочым разам // Там же. 2010. № 47; На добры і доўгі ўспамін // Там же. 2011. № 27; Жыгнёвы сноп ад роднай нівы // Там же. 2011. № 30; Атрымалі газету? Напішыце! // Там же. 2011. № 39; 3 чаго пачынаецца «Радзіма» // Там же. 2011. № 42; Трымай мяне, саломінка, трымай // Там же. 2012. № 5; и др.

¹⁴ Структуры соотечественников «Россия» // Беларусь XXI век. [Электронный ресурс]. 2007. URL: http://www.belarus21.by/files/000159_28741_ROSSIA.doc (дата обращения: 12.05.2013).

емой персональной истории, которые рассматривают положение белорусской диаспоры в России через призму жизненного пути отдельных ее представителей [30–32].

Наконец, особую группу изданий составляют работы, посвященные характеристике истории становления и развития белорусской диаспоры в отдельных регионах России (прежде всего в Сибири, Коми, Санкт-Петербурге и др.) [33–35].

Подводя итоги, необходимо отметить, что современная историография истории белорусской диаспоры в России очень богата и разнообразна. Сегодня большинство публикаций носят персональный либо проблемно-региональный характер, различные организации белорусской диаспоры представлены в неравной степени, отсутствуют работы, посвященные комплексному отражению особенностей их положения на современном этапе и их деятельности по сохранению национальной идентичности.

Назрела необходимость в проведении комплексного изучения деятельности современных белорусских национально-культурных обществ по сохранению национальной идентичности белорусов, проживающих на территории Российской Федерации. Требуется анализа вопросы правового регулирования положения белорусского национального меньшинства в России на рубеже XX–XXI вв.; освещения динамики численности, территориального размещения и организационной структуры белорусской диаспоры в России; изучения форм и методов развития национального самосознания, сохранения национальной идентичности и популяризации национальной культуры среди белорусов Российской Федерации; выявления особенностей взаимных контактов белорусов России с представителями иных национальных групп в процессе сохранения своей национальной идентичности; взаимоотношений белорусских национально-культурных сообществ России с представителями органов государственной власти Республики Беларусь и белорусского общества. Сложность и многоплановость поставленных проблем требуют применения ключевых принципов исторического исследования (объективности, историзма и ценностного подхода) и конкретно-исторических методов – историко-генетического, историко-системного, историко-сравнительного с использованием принципов и методов социальной (метод традиционного анализа документов, социометрия, опрос, беседа), этнической (метод изучения этнических стереотипов, опрос, беседа) и политической (анализ статистических данных, моделирование) психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уткин А.И. Новая идентичность против глобализации // Диалог культур в условиях глобализации / Материалы Бакинского форума, посв. памяти Гейдара Алиева. М., 2012. С. 225–233.
2. Сяргеева Г.Г. Дыяспара беларуская // Республика Беларусь: Энциклопедия: В 6 т. Минск, 2005–2008. Т. 3. Минск, 2006. С. 328–336.
3. Голубева Н.А. Диаспора белорусская // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Мінск, 1996–2004. Т. 6. Мінск, 1998. С. 315–317.
4. Нікіцін М.Г. Зямляцтва // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Мінск, 1996–2004. Т. 7. Мінск, 1998. С. 132.
5. Калинина К.В. Национальные меньшинства в России. М., 1993. 89 с.
6. Белорусы в Сибири: сб. ст. Новосибирск, 2000. Т. 1. 146 с.
7. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001. 237 с.
8. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск, 2011. 422 с.
9. Сяргеева Г.Г. Беларуская дыяспара ў новых незалежных дзяржавах: нацыянальна-культурны аспект // Весці Акадэміі навук Беларусі. Сeryя гуманітарных навук. 1997. № 3. С. 52–61.
10. Григорьева Р.А. Белорусы в Калининградской области (переселение, демография, идентичность) // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. 2011. Вып. 10. С. 322–331.
11. Курпиченко В. Белорусы Сибири // Неман. 2011. № 12. С. 214–224.
12. Таварыства беларускай культуры ў Іркуцку // Беларускі гістарычны часопіс. 2003. № 4. С. 56–59.
13. Лыч Л. Белорусы Сибири // Неман. 2000. № 4. С. 160–173.
14. Лыч Л. Испытание Сибирью // Неман. 2003. № 3. С. 133–142.
15. Сяргеева Г. Дыяспара беларуская // Энциклопедия гісторыі Беларусі: у 6 т. Мінск, 1993–2003. Т. 3. 1996. 527 с.
16. Хто ёсць хто сярод беларусаў свету (энцыклапедычны даведнік). Мінск, 2000. Ч. 1: Беларусы і ўражэнцы Беларусі ў памежных краінах. 313 с.
17. Беларускаяе замежжа = Белорусское зарубежье / склад. Н.А. Голубева. Мінск, 2010. 480 с.
18. Беларуская дыяспара: нарысы гісторыі і сучаны стан. Мінск, 2006. 160 с.
19. Гардзюк Н. Плагіят і прафанацыя гісторыі беларускай дыяспары // Беларускі гістарычны агляд. 2007. Т. 14. Сп. 1–2.
20. Культура беларускага замежжа. Мінск, 1998. Кн. 3. 192 с.
21. Новые славянские диспоры / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М., 1996. 292 с.
22. Тезисы научно-практической конференции «Культура и образование национальных меньшинств Сибири» (Новосибирск, 12–13 апреля 1997 г.). Новосибирск, 1997. 51 с.
23. Роля беларускай дыяспары ў захаванні і развіцці беларускай культуры = The Role of the Belarusian Diaspora in Preserving and Developing Belarusian Culture: матэрыялы міжнароднай канферэнцыі (Лондан, 29–30 верасня 2001 г.) / Беларуская бібліятэка і музей імя Ф. Скарыны; уклад. І. Іваню, І. Лабацэвіч. Мінск, 2004. 109 с.
24. Беларуская дыяспара як пасрэдніца ў дыялогу цывілізацый: матэрыялы III міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый» (Мінск, 21–25 мая, 4–7 снежня 2000 г.). Мінск, 2001. 312 с.
25. Вертинский О.П. Белорусская диаспора в Российской Федерации. История возникновения // Беларусь в современном мире: материалы V Междунар. науч. конф., посв. 85-летию Белорусского гос. ун-та (Минск, 3 ноября 2006 г.). Минск, 2007. С. 31–32.
26. Вярцінскі А.П. Беларуская дыяспара ў Сібіры: гісторыя і сучасны стан // Беларусь в современном мире: материалы VII Междунар. науч. конф., посвящ. 87-летию Белорусского гос. ун-та (Минск, 30 октября 2008 г.). Минск, 2008. С. 23–25.
27. Вертинский О.П. Федеральная национально-культурная автономия «Белорусы России» – десять лет деятельности // Беларусь в современном мире: материалы VIII Междунар. науч. конф., посв. 88-летию Белорусского гос. ун-та (Минск, 30 октября 2009 г.). Минск, 2009. С. 258–260.
28. Вертинский О.П. Белорусская диаспора в России в современном информационном пространстве // Беларусь в современ-

ном мире: материалы IX Междунар. науч. конф., посв. 89-летию Белорусского гос. ун-та (Минск, 29 октября 2010 г.). Минск, 2010. С. 227–229.

29. *Вертинский О.П.* Модели отношения диаспор с российским государством (на примере белорусской и украинской общин) // Беларусь в современном мире: материалы X Междунар. науч. конф., посв. 85-летию Белорусского гос. ун-та (Минск, 29 октября 2011 г.). Минск, 2011. С. 257–258.

30. *Аникеев Л.* Белорусская Сибирь. Очерки. М., 2000. 464 с.

31. *Андреевец Г.Н.* Белорусы в России. М., 2002. 400 с.

32. *Андреевец Г.* В краю белых птиц // Неман. 2009. № 2. С. 130–138.

33. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001. 237 с.

34. След на Северной земле (о вкладе белорусов в развитие экономики, культуры и образования Республики Коми) / сост. А.С. Крупенько, М.И. Курочкин. Сыктывкар, 2006. 438 с.

35. *Нікалаеў М.* Беларускі Пецярубур. СПб., 2009. 536 с.

Статья поступила
в редакцию 21.11.2013.

УДК 930:94(=161.3)(571)

Е.В. КОМЛЕВА

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА БЕЛОРУСОВ СИБИРИ В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск,
e-mail: feodal@history.nsc.ru

Представлен анализ современной российской историографии, посвященной истории и культуре белорусов Сибири. Отмечено, что в течение последних двадцати лет история и культура белорусов Сибири изучается в рамках нескольких направлений: фольклористики, этнографии, исторической демографии, истории заселения и освоения Сибири, биографических и краеведческих исследований. Рассмотрены ключевые публикации последних лет, в которых освещаются различные аспекты роли белорусов в заселении и социально-экономическом развитии региона. Проанализированы новые проблемы и методологические подходы, встречающиеся в современной российской историографии по истории белорусского этноса в Сибири. Указаны такие трудности, с которыми приходится сталкиваться исследователям, как сложность идентификации белорусов в составе сибирского населения в XVI–XIX вв., отсутствие способов выявления белорусских фольклорных источников, относящихся к раннему периоду. Акцентировано внимание на интеграции усилий специалистов из разных областей научного знания, а также ученых России и Республики Беларусь в деле изучения эволюции белорусов на территории Сибири, межэтнического взаимодействия и межкультурного обмена между проживавшими здесь народами. Намечены возможные перспективы для дальнейшей работы: изучение миграционных связей населения Белоруссии и Сибири, хозяйственных практик белорусов в Сибири, межкультурного взаимодействия и преемственности традиций, а также развитие краеведческих исследований по изучению роли белорусов в истории отдельных сибирских городов и деревень.

Ключевые слова: Сибирь, белорусы, историография, межкультурное взаимодействие, миграционные процессы.

Получившие широкий размах со второй половины 1980-х гг. процессы национальной и религиозной самоидентификации населения нашей страны стимулировали рост интереса к изучению истории и культуры проживающих в ней народов – повсеместно стали учреждаться национальные культурные общества, регулярно проводятся научные конференции и издаваться работы, посвященные проблемам этнического развития [1–4]. На рубеже XX–XXI вв. новый импульс получило и исследование прошлого и настоящего белорусов, составляющих заметную часть жителей как в городах, так и в сельской местности современной России. В центре внимания исследователей оказались, в частности, такие проблемы, как взаимодействие населения в районе русско-белорусского пограничья, культурные границы расселения русских и белорусов [5–8], жизнь белорусов в разных регионах России, в том

числе и на огромной территории ее азиатской части – в сибирском «плавильном котле», в котором сталкивались, взаимодействовали и «переплавлялись» в новую общность люди с разным социальным, региональным и национальным происхождением.

В последние двадцать лет история и культура белорусов Сибири активно изучается фольклористикой, этнографией, исторической демографией, историей заселения и освоения Сибири, историческим краеведением, широкое развитие получили биографические исследования. Благодаря усилиям многих научных коллективов, объединяющих специалистов из разных областей, и плодотворному сотрудничеству с исследователями Республики Беларусь удалось достичь впечатляющих результатов: собрать, проанализировать и представить в виде монографий, научно-справочных изданий и сборников статей огромный фактический материал по исто-

рии и этнографии проживающих в Сибири белорусов. При этом основной интерес современных исследователей сосредоточивается на изучении, прежде всего, культурных традиций белорусского народа.

Белорусский фольклор самых разных жанров, сохранившийся у потомков переселенцев конца XIX – начала XX в., нашел отражение в работах Л.Е. Фетисовой [9; 10], Т.Г. Леоновой [11], Ю.В. Аргудяевой [12], Н.В. Леоновой [13–15] и многих других авторов. В 1997 г. было опубликовано первое обзорное описание жанрового состава и музыкально-стилевого облика белорусского фольклора Сибири и Дальнего Востока [16], а в 2011 г. вышло первое в отечественной фольклористике сводное издание около 500 текстов белорусских свадебных, крестинных песен и похоронных причитаний, записанных с 1929 по 2009 г. во всех регионах азиатской части России [17]. Во вступительной статье Н.В. Леоновой к этому изданию приведен подробный очерк о состоянии современной белорусской фольклористики в Сибири [17, с. 12–34].

Новые полевые этнографические данные о культурных традициях восточнославянского населения Сибири, складывавшихся в том числе и под влиянием выходцев из Белоруссии, представлены в работах новосибирских ученых А.Ю. Майничевой [18–20], Ф.Ф. Болонева [21], Е.Ф. Фурсовой [22; 23, с. 494–495; 24–27]. Интерес исследователей вызывают такие непростые сюжеты, как соотношение этнического и природного факторов в системе жизнеобеспечения белорусов Сибири, взаимовлияние культур близкородственных восточнославянских народов. Е.Ф. Фурсова рассматривает праздники и обряды, завезенные в Западную Сибирь выходцами из Европейской России, изучает трансформации народной праздничной культуры, происходившие на протяжении десятилетий, выделяет среди переселенцев и их потомков группы в зависимости от этнической самоидентификации, отмечает, что «сохранность многих народных обрядов, характерная для белорусов, свидетельствует... об их этнической “чистоте”, приверженности к хранению славянских традиций» [27, с. 207].

В ходе реализации крупного проекта, выполнявшегося новосибирскими (Институт археологии и этнографии СО РАН) и минскими (Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси) учеными, была подготовлена и издана монография, посвященная истории и культуре белорусов Сибири [28]. В работе представлен исторический очерк о путях попадания белорусов в Сибирь в XVII – начале XX в., выявлены модели расселения панцирных бояр в Западной Сибири. В центре внимания авторов – фольклорно-этнографические традиции сибирских белорусов, процессы межэтнического и межкультурного взаимодействия и культурной трансформации. На основе этнографических и архивных материалов удалось смоделировать несколько ситуаций, характеризующих адаптацию белорусских переселенцев в Сибири: вытеснение, перманентность, стабильность/однородность [28, с. 350–352].

Наряду с культурологическими исследованиями изучению белорусов Сибири уделялось внимание и в рамках исторической демографии. В 2003 г., работая по программе фундаментальных исследований СО РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», небольшой коллектив исследователей под руководством В.А. Исупова подготовил и издал сборник статистических документов, отражающих изменения национального состава населения Сибири в течение XX в. [29]. В книге приведены сведения о численности различных национальных образований в составе населения Сибири по всероссийским и всесоюзным переписям, данные об этнодемографическом аспекте миграции населения (т. е. откуда прибывали мигранты) и самовоспроизводстве этнических групп в конце XX в. Приведенные цифры позволяют сопоставить численность белорусов и выявить ее динамику в разных областях Сибири. Так, на территории Алтайского края в 1960 г. родилось 452 ребенка белорусской национальности, в 1980 г. – 163, а в 2000 г. – лишь 47 [29, с. 127–129].

Вклад белорусов в историю заселения и освоения Сибири изучается целым рядом ученых. Серия статей, в которых рассматривается сложный процесс формирования сибирского населения в XVII–XIX вв., включающий как «интеграцию носителей разнообразных этнических традиций в состав «русского старожильческого» населения Сибири», так и «складывание аграрного социально-экономического уклада и соответствующей социальной структуры», принадлежит Т.С. Мамсик [30–34]. Реконструкция родословных крестьянских семей на протяжении нескольких поколений позволила автору раскрыть их этническое и социальное происхождение и сделать вывод, что вплоть до начала массовой колонизации население Западной Сибири было многонациональным по составу, лишь постепенно консолидируясь на почве великорусских культурных традиций и русского языка, а исходное этническое происхождение в значительной степени долгое время определяло тип ведения хозяйства и семейный быт.

Сложные процессы взаимодействия русских, украинцев, белорусов и поляков в Сибири в 1890–1920-х гг., влияние на этнокультурную обстановку политики советских властей на материалах Тарского округа освещены в работах А.А. Крих [35–37].

Важнейшей вехой в деле изучения истории белорусов Сибири стал крупный научно-исследовательский проект, разрабатывавшийся в конце 1990-х – начале 2000-х гг. сибирскими учеными совместно с белорусскими коллегами. В рамках этого проекта были подготовлены и изданы несколько сборников статей [38; 39], в которых освещаются территориальные истоки, общественно-политические и социально-экономические факторы белорусской миграции в Сибирь начиная с конца XVI до середины XX в., а также крупная коллективная монография. С российской стороны в проекте участвовали историки В.А. Ламин, Д.Я. Резун, Т.С. Мамсик, Г.А. Бочанова, М.В. Шиловский, Н.А. Куперштох, И.Р. Соколовский, этнографы

Е.Ф. Фурсова, Ф.Ф. Болонев и фольклористы О. и А. Выхристюки. Впервые в отечественной историографии в качестве отправной точки исследования были выдвинуты новые методологические подходы: во-первых, под сибирским населением было предложено понимать «не просто русский этнос, а определенную качественную историческую субстанцию развития различных этносов и народов в новое целое»; во-вторых, постулировалось, что «процесс взаимодействия национальных массивов в Сибири намного сложнее и многообразнее», чем «некая простая ассимиляция одного малого этноса другим более крупным» – в результате встречи разных этносов при колонизации малообжитых территорий появляется «уже не копия одной господствующей нации [...], а совершенно новая национальная ментальность» [38, с. 8]. Исходя из этих посылок, в статьях исторической части проекта были рассмотрены такие вопросы, как белорусы на службе в Сибири в XVII в., движение на восток панцирных бояр (особой категории служилых людей, сложившейся в XVI в. на территории современной Белоруссии), вклад белорусов в становление льноводства в регионе, миграция и расселение белорусов в Сибири во второй половине XIX – начале XX в., роль белорусов в развитии сибирской науки. Д.Я. Резун и И.Р. Соколовский постарались выявить белорусов, мигрировавших в Сибирь в конце XVI–XVII в., а поскольку говорить о национальной принадлежности сибирских первопроходцев можно лишь с большой долей условности, исследователи использовали собирательный термин «литва», введенный еще Г.Ф. Миллером.

Главным итогом этого российско-белорусского проекта стала основательная коллективная работа «Очерки истории белорусов с Сибири в XIX–XX вв.» [40], авторы которой в 2005 г. были удостоены премии имени академика РАН В.А. Коптюга. И хотя эта книга носит очерковый характер и «не претендует на детальную реконструкцию истории белорусов в Сибири» [40, с. 4], она стала первой попыткой осмысления участия белорусов «в процессе регионального экономического и социального развития и формирования... сибирской ветви русского населения в Северной Азии» [40, с. 30]. В монографии представлен подробный историографический обзор, в том числе и работ белорусских историков, посвященных истории белорусов в Сибири. Показаны глубокие миграционные связи между Белоруссией и Сибирью, уходящие корнями в XVII в. и позволяющие утверждать, что движение белорусского населения на восток было не менее значительным, чем его эмиграция в западном направлении [40, с. 6]. Среди различных сюжетов, рассмотренных в работе, отдельное внимание отводится адаптации белорусских переселенцев к новым условиям, присущей им культуре хозяйствования, в том числе их вкладу в развитие местного предпринимательства и сельского хозяйства. Представлена также характеристика современной белорусской диаспоры в Сибири, основу которой составляют переселенцы уже советского периода, проживающие преимущественно в городах, и рассмотрена

деятельность белорусских культурно-просветительских организаций. На сегодняшний день это издание остается крупнейшей исторической работой, в которой показан процесс расселения белорусов на территории Сибири, их вклад в развитие экономики и культуры региона в разные периоды, рассказано о жизни белорусов, отдававших свои силы процветанию Сибири, ставшей им второй родиной.

Достигнутые за последние годы результаты в изучении истории сибирских белорусов нашли отражение в крупном научно-справочном издании, опубликованном в 2009 г., – «Исторической энциклопедии Сибири». В статье, посвященной белорусам, отмечены волны массовых миграций белорусов в Сибирь, пришедшиеся на XVII в., вторую половину XVIII в., 1840–1850-е гг., рубеж XIX–XX вв., 1930–1980-е гг., отражено участие представителей белорусского этноса в складывании населения региона, их вклад в развитие хозяйства и культуры сибиряков [41].

Отдельное направление в историографии, посвященной белорусам Сибири, представлено публикациями о белорусах – выдающихся ученых и организаторах сибирской науки. Прежде всего, речь идет о таких лидерах научного мира, как академики В.А. Коптюг, А.А. Трофимук, В.Н. Пармон. Целый ряд работ посвящен блестящему химику В.А. Коптюгу, занимавшему в течение 17 лет в очень сложных для российской науки условиях пост председателя Сибирского отделения РАН. Воспоминания об этом удивительном человеке, его статьи, письма, стихи представлены в изданном в 2001 г. сборнике «Эпоха Коптюга» [42]. Публицистические статьи, доклады и выступления В.А. Коптюга за 1982–1996 гг., посвященные самым болезненным вопросам современности, не разрешенным до сих пор, собраны в книге «Наука спасет человечество» [43]. В 2011 г. вышел юбилейный номер журнала «Наука из первых рук» с материалами о жизни и научной деятельности Валентина Афанасьевича [44]. Биографии первооткрывателя западносибирской нефти А.А. Трофимука посвящена публикация Н.А. Куперштох, специализирующейся на изучении истории сибирской науки [45, с. 140–150]. Ею же написан очерк о директоре Института катализа В.Н. Пармоне [46]. Биографические статьи об этих ученых вошли также в «Историческую энциклопедию Сибири» и юбилейное издание, посвященное 50-летию Сибирского отделения РАН [47, с. 118–119, 202–203, 260–261].

Говоря о современной литературе, посвященной белорусам Сибири, нельзя обойти вниманием и многочисленные краеведческие издания, посвященные отдельным районам и населенным пунктам. Усилиями краеведов и энтузиастов постепенно проясняются ранее малоизвестные страницы истории их малой родины, в благоустройстве которой принимали участие представители разных народов. Примером краеведческих исследований, в которых достаточно подробно освещается и вклад этнических белорусов в развитие разных сибирских поселений, может служить серия крупных публикаций по истории Красноярского края – в них

рассмотрены возникновение многих деревень и сел, в том числе основанных переселенцами из Белоруссии, собраны воспоминания старожилов, биографии прославленных тружеников [48]. Благодаря проведенной исследовательской работе коллективу авторов из Дивногорска удалось собрать сведения о 2825 земляках, принимавших участие в Великой Отечественной войне; более 100 из них – уроженцы Брестской, Гомельской, Гродненской, Минской и Могилевской областей [49]. Свыше 300 белорусов принимали участие в строительстве Красноярской ГЭС, в том числе М.М. Жданович, под чьим руководством был смонтирован первый агрегат гидроэлектростанции [50].

Таким образом, основными чертами современной российской историографии, посвященной истории и культуре белорусов Сибири, можно считать многочисленность публикаций, затрагивающих самые разные аспекты прошлого и настоящего белорусского этноса на территории Сибири; постановку новых проблем и разработку новых методологических подходов к изучению истории белорусов в Сибири; интеграцию усилий сибирских и белорусских специалистов из разных областей в рамках крупных научных проектов. Благодаря совместной работе ученым удалось ввести в научный оборот ранее неизвестный богатейший материал по истории и этнографии белорусов Сибири, подготовить обобщающие труды по их участию в присоединении и хозяйственно-культурном освоении региона. При этом одну из главных проблем составляет трудность идентификации белорусов в составе сибирского населения в XVI–XIX вв.; не разработаны пока и способы выявления белорусских фольклорных источников, относящихся к раннему периоду. В целом историки, этнографы и филологи-фольклористы сходятся в том, что подавляющая часть белорусских переселенцев в Сибирь происходила из восточной Белоруссии – Могилевской, Витебской и, в меньшей степени, Гомельской губерний, значительно реже встречаются потомки выходцев из Минской и Гродненской губерний [17, с. 13]. Конечно, изучение белорусской компоненты в прошлом и настоящем Сибири нельзя назвать полностью исчерпывающим – многие из намеченных направлений еще лишь предстоит развивать. Среди возможных перспектив – дальнейшее изучение миграционных связей населения Белоруссии и Сибири, исследование хозяйственных практик белорусов в Сибири, межкультурного взаимодействия и преемственности традиций. Большой интерес может представлять также развитие краеведческих исследований по изучению роли белорусов в истории отдельных сибирских городов и деревень.

Как показал предшествующий опыт, наибольший успех можно достичь только при интеграции усилий российских и белорусских ученых – будем надеяться, что заключенное в 2012 г. соглашение о сотрудничестве между Институтом истории СО РАН и Институтом истории Национальной академии наук Беларуси придаст новый импульс изучению белорусов Сибири и тех сложных демографических и социокультурных процессов, которые здесь протекали на протяжении столетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. Иркутск, 2003. Вып. 2.
2. Историческая этнография: межвуз. сб. СПб., 2004. Вып. 1: Вопросы этнической истории народов России.
3. Историческая этнография: сб. статей памяти проф. А.В. Галло. СПб., 2004. Вып. 2: Динамика этнической культуры народов России.
4. V Конгресс этнографов и антропологов России. Омск. 9–12 июня 2003 г. Тез. докл. М., 2003.
5. *Борисенок Ю.А.* Белорусско-русское пограничье в условиях Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 116–122.
6. *Борисенок Ю.А.* Белорусско-русское пограничье в 1918–1944 годах // Вопросы истории. 2004. № 12. С. 105–112.
7. *Киселев С.Б.* К вопросу об особенностях жилищно-усадебного комплекса населения восточной части русско-белорусского пограничья в XIX – первой половине XX в. // Историческая этнография. СПб., 2004. Вып. 2. С. 248–253.
8. Белорусско-русское пограничье: этнологические исследования. М., 2005.
9. *Фетисова Л.Е.* Восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России: Сложение и развитие традиций. Владивосток, 1994.
10. *Фетисова Л.Е.* Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002.
11. Белорусский фольклор на Омской земле / сост. и предисл. Т.Г. Леоновой. Омск, 2001.
12. *Аргудяева Ю.В.* Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX – начало XX в.). М., 1997.
13. *Леонова Н.В.* Белорусский фольклор // музыкальная культура Сибири. Новосибирск, 1997. Т. 1, кн. 2: Традиционная культура сибирских переселенцев. С. 34–51.
14. *Леонова Н.В.* Сибирская география белорусских народных песен // Народная культура Сибири: Материалы XIII науч. семинара Сибирского регион. вузовского центра по фольклору. Омск, 2004. С. 46–49.
15. *Леонова Н.В.* Белорусские песни сибирского бытования в региональном фольклорном контексте // Народная культура Сибири: Материалы XIV науч. семинара Сибирского регион. вузовского центра по фольклору. Омск, 2005. С. 21–23.
16. Музыкальная культура народов Сибири: в 3 т. Новосибирск, 1997.
17. Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Ч. 1.: Семейно-обрядовые песни и причитания / сост. Н.В. Леонова, Т.Г. Леонова, Л.М. Свиридова и др. Новосибирск, 2011. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 31).
18. *Майничева А.Ю.* Переселенцы из Белоруссии в Приобье (середина XIX – начало XX вв.) // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области. Новосибирск, 1997. С. 170–174.
19. *Майничева А.Ю.* Питание белорусов, греков и эстонцев Верхнего Приобья в первой половине XX в. // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М., 2001. С. 99–111.
20. *Майничева А.Ю.* Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов. Середина XIX – начало XX вв. Новосибирск, 2002.
21. *Болонев Ф.Ф.* Белорусско-украинские элементы в духовной культуре семейских // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 139–146.
22. *Фурсова Е.Ф.* Традиционно-бытовые особенности культуры белорусов-переселенцев конца XIX – начала XX в. (по материалам этнографических экспедиций) // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 102–124.
23. *Фурсова Е.Ф.* Белорусские «москалы» или сибирские «кержаки»: кто они? // Сибирь в панораме тысячелетий. Материалы международного симпозиума. Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 496–501.

24. Фурсова Е.Ф. Белорусские переселенцы Приобья: проблемы культурной интерференции // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т. VI. С. 536–542.
25. Фурсова Е.Ф., Голомянов А.И., Фурсова М.В. Старообрядцы Васюганья: опыт исследования межкультурных взаимодействий конфессионально-этнографической группы. Новосибирск, 2003.
26. Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – XX в.). Новосибирск, 2002. Ч. 1: Обычаи и обряды зимне-весеннего периода.
27. Фурсова Е.Ф. Календарные праздники восточнославянского населения Западной Сибири как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – первая треть XX в.). Новосибирск, 2003. Ч. 2: Обычаи и обряды летне-осеннего периода.
28. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры / Е.Ф. Фурсова, А.В. Титовец, А.А. Люцидарская и др. Новосибирск, 2011.
29. Этнодемографические взаимодействия народов Сибири в XX в. (Историко-статистические документы) / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск, 2003.
30. Мамсик Т.С. У истоков сибирского евразийства // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: сб. материалов конф. Новосибирск, 2003. С. 26–34.
31. Мамсик Т.С. Этносоциальный состав старожилов Среднего Приобья (по материалам сравнительного анализа массовой статистики XVII–XIX вв.) // Сибирская деревня: проблемы истории: сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. С. 34–41.
32. Мамсик Т.С. Из истории адаптивных этнокультурных трансформаций на раннем этапе освоения Сибири // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и формирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2008. С. 51–54.
33. Мамсик Т.С. Роль государства в формировании сельского населения Сибири, его хозяйственной деятельности и социокультурной консолидации (конец XVI – первая половина XIX вв.) // Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. Новосибирск, 2009. С. 40–84.
34. Мамсик Т.С. Из воспоминаний потомка панцирных бояр // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения. Новосибирск, 2011. С. 198–205.
35. Крих А.А. Белорусы, русские и или поляки? К вопросу об этнической идентификации населения в Сибири // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы III Всерос. науч.-практ. интернет-конф. Красноярск, 2007. С. 142–157.
36. Крих А.А. Судьба минских дворян в Сибири: смена этнической идентичности // Омский научный вестник. 2006. № 6. С. 10–13.
37. Крих А.А. Почему не возникают диаспоры. Польско-белорусский случай в Омском Прииртышье конца XIX – 20-х гг. XX в. // Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, 2011. С. 367–377.
38. Белорусы в Сибири: сб. науч. стат. Новосибирск, 2000. Вып. 1.
39. Белорусы в Сибири: сб. науч. стат. Новосибирск, 2000. Вып. 2.
40. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001.
41. Мамсик Т.С., Майничева А.Ю., Шишикин В.Г. Белорусы // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. I. С. 186–189.
42. Эпоха Коптюга. Новосибирск, 2001.
43. Коптюг В.А. Наука спасет человечество. Новосибирск, 1997.
44. Наука из первых рук. Новосибирск, 2011. № 2.
45. Кунеритох Н.А. Очерки о лидерах академической науки Сибири. Новосибирск, 2011. Вып. 1.
46. Кунеритох Н.А. Академик Валентин Николаевич Пармон: биографический очерк // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 2. С. 115–123.
47. Российская академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав / сост. Е.Г. Водичев, Г.М. Запорожченко, О.Н. Калинина и др. Новосибирск, 2007.
48. Житница Красноярья. Назаровский район. 80 лет. Красноярск, 2004.
49. Вспомним всех поименно...: Воины-дивногогорцы в Великой Отечественной войне / сост. И. Федоров. Красноярск, 2005.
50. Созидатели: Участники строительства Красноярской ГЭС и города Дивногорска 1955–1972 гг. / сост. И.Г. Федоров, А.В. Гуляев. Красноярск, 2011.

Статья поступила
в редакцию 21.11.2013

УДК 001: 069.02

О.Н. ШЕЛЕГИНА

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БЕЛОРУСОВ В МУЗЕЯХ СИБИРИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ АКТУАЛИЗАЦИИ

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск,
e-mail: oshelegina@yandex.ru

Изучение этнокультурного наследия белорусов в Сибири имеет важное значение для решения проблем его консолидации, введения в научно-информационный оборот, целесообразного использования в коммуникативной деятельности музеев Сибирского региона и Республики Беларусь, проведения сравнительно-исторических и музеелогических исследований. В работе на основе анализа музейных коллекций, научных и музеографических публикаций выявлены современные формы актуализации этнокультурного наследия белорусов в Сибири. К ним отнесены: издания обобщающих трудов по истории и этнографии белорусов («Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв.»),

«Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры»); формирование и экспонирование музейных собраний, отражающих культуру белорусов на вторичной территории их расселения (Алтайский, Красноярский, Новосибирский Томский, Кемеровский, Иркутский краевые и областные краеведческие музеи, музеи Новосибирской области); каталогизация коллекций (научная серия «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев», том «Культура восточных славян в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета»), музеефикация объектов наследия (проект реконструкции и музеефикации белорусской усадьбы в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы»), публикация воспоминаний потомков «панцирных бояр» – белорусов, осваивавших сибирские территории). В сибирских музеях бережно хранятся предметы, относящиеся к культуре жизнеобеспечения конца XIX – начала XX в. выходцев из Могилевской, Гомельской, Виленской губерний; фотографии, отражающие сельский быт в БССР (1940–1950 гг.); культурно-бытовые традиции белорусов на территории Сибири (1960 г.).

Перспективными направлениями актуализации наследия в условиях глобализации могут стать создание информационной системы «Этнокультурное наследие белорусов в Сибири», объединенного интернет-каталога белорусских коллекции музеев Сибири, межгосударственные научные и музейные проекты.

Ключевые слова: этнокультурное наследие белорусов, музеи Сибири, музейные коллекции, музеефикация объектов наследия, межгосударственные научные и музейные проекты, актуализация наследия в эпоху глобализации.

2014-й год в соответствии с Указом Президента РФ от 22 апреля 2013 г. объявлен в Российской Федерации «Годом культуры». Его проведение направлено на решение ряда актуальных задач, связанных с изучением, введением в научно-информационный оборот и сбережением культурно-исторического наследия всех народов, проживающих на территории России. В политическом Сибирском федеральном округе, по данным переписи 2010 г., зарегистрировано 82 437 белорусов¹. В формировании современного белорусского населения Сибири и его наследия приняли участие выходцы из Витебской, Минской, Могилевской, Гродненской и Гомельской губерний, вольные крестьяне-переселенцы, «панцирные бояре», окрестянившиеся потомки мелкой служилой шляхты, ссыльные, эвакуированные и беженцы Первой и Второй мировой войн, строители Западно-Сибирской железной дороги, специалисты различного профиля, целинники и поздние мигранты [1, с. 186–189].

В современную эпоху социокультурных трансформаций наследие как основа национальной исторической памяти позволяет этносам, к которым относятся и белорусы, сохранять свои культурные особенности на вторичной территории расселения, в частности сибирской. Этнокультурное наследие является органичной частью историко-культурного наследия, своеобразным инструментом, связующим прошлое, настоящее и будущее, поддерживающим культурное многообразие, обеспечивающим посредством реализации интеграционной, мировоззренческой, идентификационной, познавательной, воспитательной, сохраняюще-трансляционной функций устойчивое развитие общества (см., напр.: [2; 3, с. 296–298]).

Выявление этнокультурного наследия белорусов в музеях Сибири, форм его актуализации имеет важное значение с точки зрения решения проблем консолидации *распределенного этнокультурного наследия*, введения его в научно-информационный оборот, целесообразного использования в коммуникативной деятельности музеев Сибирского региона и Республики Беларусь (см., напр.: [4, с. 115–119]), проведе-

ния сравнительно-исторических и музеологических исследований.

В первое десятилетие XXI в. в результате успешной реализации совместного проекта Института истории СО РАН и Института истории НАН Беларуси достигнуты существенные результаты в изучении истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. [5]. Сотрудничество сибирских и белорусских этнографов позволило на новом уровне рассмотреть ареально-локальную сущность фольклорно-этнографических традиций, трансформации этнической культуры белорусов в Сибири, выявить модели и механизмы адаптации традиционной народной культуры в современном социокультурном пространстве Беларуси и Сибири [6]. В настоящее время в стадии дальнейшей научной апробации находится предложенная А.В. Смеляковой концепция распределенного этнокультурного наследия, способствующая интеграционному изучению коллекций отдельных этносов, распыленных по собраниям различных музеев, и расширяющая проблемное поле междисциплинарного взаимодействия истории, этнографии, музеологии, краеведения [7].

Значительная часть этнокультурного наследия белорусов сосредоточена в музеях и становится все более востребованной в исследовательской и образовательной практике. Вместе с тем до настоящего времени отсутствуют работы, которые давали бы обобщенное представление о наличии и формах актуализации этнокультурного наследия белорусов в музеях Сибири, перспективах этого процесса в условиях глобализации. В настоящей статье на основе изучения музейных коллекций, научно-исследовательских и музеографических публикаций осуществлены анализ и систематизация результатов введения в научно-информационный оборот этнокультурного наследия белорусов в Сибири как специфической формы культурной преемственности.

Коллекции или отдельные предметы, характеризующие культуру жизнеобеспечения белорусов в Сибири, имеются в ряде музеев региона. В фондах и экспозициях Красноярского краевого краеведческого музея, Томского, Кемеровского, Иркутского областных краеведческих музеев, музеев Новосибирской области (в городах Искитим, Тогуцин, Болотное, районных поселках Маслянино, Кыштовка) Е.Ф. Фурсовой изуча-

¹ Сибирский федеральный округ // <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 02.11.2013).

лись с позиций комплексного подхода трансформации традиционной культуры белорусов на сибирском территории, ею опубликовано (цветные и черно-белые фотографии, рисунки, схемы) около 50 значимых составляющих этнокультурного наследия белорусов (полный комплект одежды переселенки из Могилевской губернии конца XIX – начала XX в., женские рубахи, принадлежащие выходцам из Могилевской, Гомельской, Виленской губерний, полотенца, выполненные в технике браного и закладного ткачества – конца XIX – начала XX в.) [8; 9].

Новосибирский государственный краеведческий музей располагает белорусской коллекцией (49 ед.), собранной в районах Новосибирской области (в том числе во время экспедиции в Мошковский район, 1988 г.) и пополненной жителями области и г. Новосибирска. Согласно данным путеводителя по фондам она включает 23 единицы хранения: образцы женского рукоделия (полотенца – 15, скатерти – 2, часть скатерти домотканой, конец полотенца, салфетка, одеяло домотканое, подстилка домотканая, накомодник, образец домотканого полотна по одному экземпляру); 15 элементов костюма (женская одежда: рубахи – 2, кофта, юбки – 5, фартуки – 2, кафтан, понева, андарак; мужская одежда: рубахи – 2, штаны, кушак); а также воротник из хлопчатобумажных ниток (группа украшений и аксессуаров); 8 предметов утвари (бочонок для теста, маслобойка деревянная, тусок деревянный, образец кожи самодельной выделки, самопрядка, скально, сельница холщовая, колодка деревянная для шитья чирков)². В силу специфики издания в нем приводится только перечисление предметов без их описания, что актуализирует перспективу каталогизации этих материалов.

В научной серии «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев» (главный редактор – профессор Н.А. Томилов) в томе «Культура восточных славян в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского» выделен раздел «Белорусы» [10, с. 196–209]. В нем дана вводная статья о формировании и традициях белорусов в Омской области, представлена коллекция из 21 предмета – 8 полотенец, 4 образца холста, 3 пестряди, 2 скатерти, подзор-околоток, покрывало, прошва, фартук. Она была сформирована в 1999–2008 гг. в результате экспедиционных сборов, включения предметов из семейных собраний и описана М.А. Жигуновой. Основу коллекции составили образцы, изготовленные в 1930–1950-е гг. в Седельниковском районе Омской области белорусскими переселенцами из Витебской губернии.

Следует отметить, что в данной работе использован комплексный подход к введению в научный оборот музейных предметов, разработанный коллективом кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета и не имеющий аналогов в

России и странах ближнего зарубежья. Описание каждого экспоната включает его название, сведения о материалах и способах изготовления, форме и конструкции декора, размерах, оценку сохранности предмета, информацию о его применении и датировке, данные о месте, дате сбора или поступления в музей, собирателе и дарителе, инвентарный номер, а также рисунок или фотографию.

После предварительного изучения истории достаточно малочисленной группы белорусов на Алтае [11, с. 559–569] в Алтайском государственном краеведческом музее под руководством И.В. Поповой было начато формирование соответствующей коллекции. В настоящее время она состоит из 16 единиц хранения, в том числе 7 фотографий, 6 предметов, относящихся к обстановке и украшению интерьера жилища (3 полотенца-рушника, 1 фрагмент полотенца, 2 покрывала), 2 аксессуаров и женского головного убора³. Черно-белые фотографии (преимущественно групповые) отражают места выхода переселенцев: белорусы-жители дер. Каменка Могилевской области Белорусской ССР (конец 1940-х – начало 1950-х гг.); культурно-бытовые традиции на территории Сибири: жители с. Зайцево Тальменского района белорусы на проводах в армию, на свадьбе (начало 1960-х гг.); заключение смешанных браков: парные портреты в полный рост в свадебных костюмах жителей Тальменского района Алтайского края Столяровых Анатолия (русский) и Александры (белоруска) (с. Тальменка, 1960 г.); Тумашовых Леонида (русский) и Татьяны (белоруска) (с. Зайцево, примерно 1958–1959 гг.). Дополнением к свадебным фотографиям являются: головной убор невесты в виде венка, украшения нагрудные (белорусские) для жениха и дружки в виде букетика. Свидетельством этнокультурных контактов может быть изготовление этих элементов костюма по заказу белорусов их односельчанами немцами.

Среди предметов интерьера выделяются образцы женских рукоделий, входящие в приданое переселенок из деревень Новая Нива и Каменка Могилевской области Белорусской ССР: домотканое покрывало с серо-желтым геометрическим орнаментом (время изготовления – 1928 г.), полотенце – «рушник» льняной с красно-белыми полосами на конце (1940 – начало 1950-х гг.). Интерес с точки зрения сохранения и передачи традиций представляет тканое из льна и шелка покрывало с геометрическим черно-желтым орнаментом – «плашки» – палочки различной длины, соединенные мелкими клеточками (1940-е гг.). Оно поступило в музей от Степанковой Нины Тереховны – уроженки с. Семукаши Могилевской области, а изготовлено было ее свекровью, приезжавшей на Алтай в 1976 г. Таким образом, материалы, относящиеся к этнокультурному наследию белорусов, в Алтайском государственном краеведческом музее дают возмож-

² Путеводитель по фондам Новосибирского государственного краеведческого музея / отв. ред. А.В. Шаповалов. Новосибирск, 2011. С. 376.

³ Краевое государственное бюджетное учреждение «Алтайский государственный краеведческий музей». Оф. 19273/1. Ф. 12995-13001; В-11360-11368.

ность для реконструкции их образа жизни в Сибири, а также дополняют материалы по истории населенных пунктов Республики Беларусь.

Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН хранит материалы экспедиции в Солонешенский район Алтайского края Л.М. Русаковой (1980-е гг.). В их составе уже выявлен комплект белорусской женской одежды, состоящий из юбки, кофты и фартука (КП № 723/1,2,3. с. Сибирячиха), предстоит дальнейшая работа по атрибутированию музейных предметов из этого собрания.

В Иркутской области местные органы власти стремятся актуализировать историческое и природное наследие как ресурс для развития территории, формирования ее культурного пространства. Региональный туристический проект «Этнографическое кольцо Московского тракта периода столыпинской реформы» был разработан для погружения туристов из Российской Федерации, зарубежных стран, Иркутской области в традиционную культуру и быт притрактовых жителей (старожильческого русского населения, украинцев, белорусов, татар и др.) начала XX в. [12].

В ходе экспедиций, проведенных Архитектурно-этнографическим музеем «Тальцы» (г. Иркутск) в белорусских деревнях были выявлены характерные черты домостроения, планировки усадеб, интерьера жилищ. Из дер. Тургеневка в музей был перевезен дом (1909 г. постройки), принадлежавший переселенцу Пружанского уезда Гродненской губернии Артасюку Павлу Ивановичу. Перед белорусской усадьбой, которая будет открывать переселенческую зону в «Тальцах», планируется воссоздать небольшой земельный участок, построить шалаш как форму первых жилищ белорусских переселенцев. Названный выше дом будет реконструирован в соответствии со всеми особенностями белорусского переселенческого жилища и его интерьера. В комплексе с соответствующими элементами усадьбы этот музеефицированный объект наследия позволит сохранить и транслировать будущим поколениям представления о материальной культуре белорусских переселенцев Предбайкалья, как составной части мирового культурного наследия. Для усиления восприятия посетителями этнокультурного наследия в белорусской усадьбе предполагается выделить интерактивные зоны, где все желающие получат реальную возможность пройти за плугом или сохой, в контакте с работником музея в белорусской национальной одежде познакомиться с циклом производства льняной ткани «Рождение одежды от семечка до полотна». Музей также станет площадкой для проведения традиционных белорусских праздников с угощением посетителей блюдами национальной кухни, для погружения в атмосферу быта и культуры белорусских переселенцев начала XX в. [13, с. 151–154]. Перспективы развития музея «Тальцы» свидетельствуют о том, что наиболее эффективной формой актуализация этнокультурного наследия белорусов является его музеефикация.

На Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» отмечалась целесообразность использования в музейной практике, связанной с сохранением и презентацией историко-культурного наследия, личных фондов и семейных архивов. Весьма показательными в этом отношении являются воспоминания потомка «панцирных бояр» – Дмитрия Николаевича Дроздецкого (1928 г.р.), введенные в научный оборот Т.С. Мамсик. Они, по оценке ученого, – «вербализованная форма исторического опыта непосредственного субъекта жизнедеятельности, одного из лидеров, принадлежащих к неформальной элите». В его сознании в сублимированном виде отразился коллективный опыт многих поколений служилых людей, добровольно переселившихся в Сибирь в 1858 г. из Витебской губернии Себежского уезда. В обобщенном виде переданы картины двух систем жизнедеятельности: традиционной (включая колхозную) и модернизирующейся (послевоенной). Текст содержит позитивно окрашенную информацию о родовом «гнезде» Дроздецких, первопоселенцев дер. Малая Скирла (Кыштовский р-н, Новосибирская обл.), сведения, относящиеся к этнокультурному наследию белорусов: данные об отделке внутренних поверхностей жилых помещений, общественном быте скирлинцев, культуре поведения детей и взрослых, сценарии проведения престольных, «съезжих» праздников в деревне (Никола Зимнего и Масленицы) [14, с. 198–205]. На восьми фотографиях, иллюстрирующих текст, представлены групповые и парные снимки представителей рода Дроздецких, дом в дер. Малая Скирла, построенный Силантем Наумовичем Дроздецким в 1860–1865 гг., а затем перестроенный его внуком Никитой Павловичем в 1960 г. и существующий до настоящего времени. Дальнейшее выявление и публикация такого рода материалов (в том числе в электронной форме) является значительным аксиологическим и коммуникационным ресурсом для представления этнокультурного наследия белорусов как феномена исторической памяти в краеведческих музеях Сибири, а также виртуальных российско-белорусских выставках.

В целом в музеях Сибири и институтах СО РАН к настоящему времени проведена многоплановая и значимая научная и социокультурная работа (создание российско-белорусских обобщающих трудов по истории и этнографии, включение информации в музейные путеводитель, каталог, формирование коллекций, проект реконструкции и музеефикации белорусской усадьбы в АЭМ «Тальцы», публикация воспоминаний потомков белорусов, осваивавших сибирские территории) по актуализации этнокультурного наследия белорусов в Сибирском регионе. На современном этапе представляется перспективным создание единой информационной системы «Этнокультурное наследие белорусов в Сибири» с учетом разработки сотрудников Института истории СО РАН О.Н. Шелегиной, И.Р. Соколовского, В.В. Журавлева [15, с. 345–349], а также объединенного интернет-каталога белорусских коллекции музеев Сибири как эффективных каналов

культурно-исторической коммуникации, межпоколенной трансляции национальных культурных традиций, которые раскрывают новые возможности для межкультурных и научных обменов, обобщения опыта актуализации этнокультурного наследия в условиях глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамсик Т.С., Майничева А.Ю., Шишкин В.Г. Белорусы // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 1. С. 186–189.
2. Наследие в эпоху социокультурных трансформаций: Материалы Междунар. конф. М., 2010. 620 с.
3. Мартынов А.И. Наследие – ресурс современного общества: К определению понятия // Музеи, исчезающие и воспроизведенное наследие, туризм: опыт и современные практики взаимодействия: Междунар. молодеж. музеологическая школа. Улан-Удэ, 2013. С. 296–298.
4. Колымаго Н.В. Создание новой экспозиции Национального исторического музея Республики Беларусь: вопросы и решения // Роль музеев в формировании исторического сознания: Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 25–28 апр. 2011 г.). М., 2011. С. 115–119.
5. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001. 240 с.
6. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск, 2011. 424 с.
7. Смелякова А.В. Казахские этнографические коллекции в музейных собраниях Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2009. 22 с.
8. Фурсова Е.Ф. Трансформация традиционной одежды белорусов в Сибири // Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск, 2011. С. 294–321.
9. Фурсова Е.Ф. Орнаментация рукоделий белорусских крестьянок в Сибири // Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск, 2011. С. 321–339.
10. Жигунова М.А., Захарова И.В. Культура восточных славян в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского. Омск, 2009. 266 с.
11. Кунгурова Е., Попова И. Белорусы на Алтае // Białorus w kregu kultury i polityki. Pod redakcyą Doroty Michaink. Torun, 2007. С. 559–569.
12. Тихонов В.В., Нефедьева А.К., Усенко Е.А. Региональный туристический проект «Этнографическое кольцо Московского тракта периода столыпинской реформы». Иркутск, 2007. 68 с.
13. Колганова Е.Ю. Экспозиция «Белорусская усадьба» в архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» // Роль музеев в формировании и трансляции региональной идентичности: сб. науч. стат. Новосибирск, 2012. С. 151–154.
14. Мамсик Т.С. Из воспоминаний потомка панцирных бояр // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 3–5 октября 2011 г.). Новосибирск, 2011. С. 198–205.
15. Шелегина О.Н., Соколовский И.Р., Журавлев В.В. Информационная система «Культура жизнеобеспечения русского населения Сибири» возможности использования в музейной практике // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 3–5 октября 2011 г.). Новосибирск, 2011. С. 345–349.

Статья поступила
в редакцию 05.11.2013

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

УДК 339.166:675(571.1./5.)

А.И. РАЗДОРСКИЙ

ПУШНАЯ ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫСЛЫ В ТРУДАХ П.Н. ПАВЛОВА

канд. ист. наук,
Российская национальная библиотека (РНБ),
г. Санкт-Петербург,
e-mail: razdor@nlr.ru

В статье подробно проанализированы монографии историка П.Н. Павлова (1921–1974) «Пушной промысел в Сибири XVII в.» и «Промысловая колонизация Сибири в XVII в.», изданные в Красноярске соответственно в 1972 и 1974 гг. Отмечен его вклад в изучение развития пушного промысла и пушной торговли в Сибири. Большое внимание уделено источниковой базе исследований, прежде всего сибирским таможенными книгам, которые являются основным источником для изучения указанной темы. Описана методика обработки этих документов, применявшаяся Павловым, приведены суждения ученого по поводу полноты и достоверности информации, содержащейся в таможенных книгах. Перечислены статистические показатели, полученные Павловым в процессе изучения таможенных книг и других источников (цены на сибирскую пушнину, объемы торговли мехами пушных зверей и изделий из них, размеры добычи мехов, объем вывоза меховых изделий из Сибири). Изложены взгляды Павлова относительно степени развития сибирского пушного промысла до присоединения Сибири к России, времени расцвета внутренней и внешней торговли пушшиной. Акцентировано внимание на сопоставлении Павловым contemporaneous показателей, характеризующих место пушнины в экономической жизни России в XVII в. и в последующий период (объемы добычи пушнины, соотношение мехов разных пушных зверей в структуре добычи, доля пушнины в государственном бюджете). Рассмотрен вклад Павлова в исследование производственно-технической и экономической стороны организации пушного промысла.

Приведены его наблюдения, касающиеся процесса народной промысловой колонизации Сибири, ясачной политики, отношения государства к частному пушному промыслу, взаимоотношений, складывавшихся между русскими промышленниками и местным населением, практики использования охотничьих угодий. Представлены взгляды Павлова о территориальном происхождении промышленников, эволюции мелкотоварного уклада и крупного предпринимательства, а также о сущности «покрытия» в сибирском пушном промысле.

Ключевые слова: пушная торговля, пушной промысел, промысловая колонизация, Сибирь, П.Н. Павлов, таможенные книги, экономическая история.

Имя советского историка Павла Николаевича Павлова (1921–1974) хорошо известно всем исследователям, занимающимся социально-экономической историей России XVII в. Перу этого ученого принадлежат две монографии, в которых на основе тщательного и всестороннего изучения широкого массива разнообразных источников детально реконструирована картина развития пушной торговли и промыслов в Сибири указанного периода.

Первая монография – «Пушной промысел в Сибири XVII в.» – вышла в свет в Красноярске в 1972 г. Значение пушного промысла в Сибири в период ее начального освоения русскими людьми общеизвестно. Торговля сибирской пушшиной, находившей спрос на русских и зарубежных рынках, содействовала развитию экономических связей Сибири с Европейской Россией, способствовала накоплению крупных купе-

ческих капиталов. Сибирские меха являлись важным источником пополнения государственного бюджета. Поэтому отдельные аспекты истории пушного промысла и торговли мехами издавна находили отражение в отечественной исторической и краеведческой литературе. Тем не менее до выхода в свет книги Павлова эта тема в масштабах всей Сибири не была обобщена. В публикациях историков и краеведов преобладали лишь попутные упоминания о добыче и продаже сибирской пушнины, которые, порождая ошибочное представление об изученности данного вопроса, нередко создавали ложное впечатление о пушном промысле как о попутном, побочном занятии сибиряков.

В связи с тем, что многие вопросы эволюции сибирского пушного промысла в XVII в. были слабо изучены и вызывали споры среди историков, первостепенное значение приобрели конкретные количественные

показатели, сопоставимые между собой в хронологическом и территориальном отношениях. Этими сообщениями и был предопределен выбор Павловым основного источника своего исследования – таможенных книг. Основной массив этих документов по Сибири сосредоточен в фонде Сибирского приказа РГАДА. Среди источников данного типа наибольшую ценность для изучения заявленной темы, по мнению ученого, представляют приходные книги натурального сбора десятинной пошлины с промышленной и перекупной пушнины – так называемые «соболиные книги».

Павлов подчеркивал, что таможенные книги, имевшие значение отчетных документов, велись с особой тщательностью, в них крайне редко встречаются описки и неточности. «Таможенные книги, – отмечал ученый, – не отражают полностью состояние русского пушного промысла, потому что промышленники стремились, и это им иногда удавалось, обойти таможи или скрыть от таможенной администрации часть добычи. Однако эта часть не могла быть особенно большой: промысел производился артелями с уравнительным разделом добычи, промышленники были “на виду”. Едва ли рядовые охотники, добывавшие большую часть пушнины, вступали в незаконные сделки с таможенниками. В широких масштабах, по-видимому, это не делали и крупные промышленники. Добыча их покрученников также хорошо была известна. Во всяком случае, должность таможенного головы не была “доходной”. Известно, что торговые люди от нее всячески отказывались. В целом учет пушнины частного промысла в XVII в. можно считать удовлетворительным» [1, с. 36]. Оценка, данная Павловым таможенным книгам, а он был знатоком этих источников, особенно важна сегодня, когда некоторые историки (как правило, большинство из них никогда не занимались сколько-нибудь систематическим прикладным исследованием этих документов) высказывают радикально негативные взгляды по вопросу их полноты и достоверности.

Заслуживают внимания рассуждения Павлова и относительно методики обработки таможенных книг. Он отмечал, что для получения обработанных данных необходимо проводить сплошной подсчет по всему документу, так как общие итоговые показатели в нем отсутствуют. Поэтому при использовании таможенных книг «целесообразно было их переписывать по форме ведомостей, занося в особые графы дату платежа пошлины, имя плательщика, его социальное положение, территориальное происхождение, состав и количество пушнины и размер пошлины. Такие “ведомости” компактнее, нагляднее, пользоваться ими удобнее, чем книгами со сплошным текстом, занимающими иногда свыше 500 страниц» [1, с. 36]. Перед нами не что иное, как описание методики систематизации и обработки данных таможенных книг посредством составления регестов, которая применяется и в наши дни. Разница состоит только в том, что сегодня составление регестов производится с помощью компьютерных технологий, тогда как в распоряжении Павлова имелись только авторучка, лист бумаги и бухгалтерские счета. Именно с помощью последнего

инструмента им и были выполнены многочисленные и чрезвычайно трудоемкие вычисления статистических показателей, извлеченных из таможенных книг и тщательно проанализированных в монографии.

Павловым были изучены таможенные книги по Мангазейскому, Якутскому, Енисейскому и частично Илимскому уездам (погодного списка использованных книг в работе, к сожалению, не приведено). На основании показаний этих источников, а также данных, содержащихся в опубликованных таможенных книгах городов Северного речного пути (Устюга Великого, Сольвычегодска, Тотьмы), ученый рассмотрел положение, занимаемое пушниной во внутренней и внешней торговле России этого времени. Большую самостоятельную ценность представляют многоаспектные данные о ценах на сибирскую пушнину: об изменениях в динамике цен на нее в течение XVII в., о соотношении местных, сибирских, цен на меха и цен в европейской части страны, в частности в Москве, о сравнительной стоимости мехов различных пушных зверей по отношению друг к другу, о ценах на меховые изделия (шубы, одеяла и др.). В книге Павлова помещены также сведения (приведенные только в качестве примеров, а потому не систематизированные) об объемах торговли мехами пушных зверей и изделий из них в разных сибирских городах в отдельные годы. Наблюдения, касающиеся непосредственно сферы пушной торговли, сопоставлены с детально разработанными количественными и стоимостными погодными показателями добычи мехов в различных сибирских уездах. В исследовании Павлова содержится немало развернутых статистических таблиц, отражающих объем вывоза меховых изделий из Сибири в середине XVII в. (по Березовскому, Мангазейскому, Илимскому уездам и Центральной Якутии), удельный вес различных социальных категорий населения в скупке пушнины в Якутске в это же время, погодные средние цены ясачного соболя в Мангазейском, Енисейском и Якутском уездах в XVII в. и т. п.

Помимо «соболиных» книг Павловым проанализированы таможенные книги других разновидностей: отпускные, явчие, поголовного сбора, приходные денежные, записной пошлины, показаны отличительные особенности этих документов. Ученый привлек к исследованию также ценовые росписи пушнины, отписки и челобитные воевод и таможенных голов, ясачные книги. Работа Павлова, хотя и не ставила перед собой специальных источниковедческих задач, стала тем не менее значительным вкладом в источниковедение социально-экономической истории Сибири.

В его монографии дана широкая ретроспектива развития пушного промысла в Сибири начиная с первобытных времен. Ученый показал, что до присоединения края к России этот промысел был развит здесь гораздо слабее, чем в последующий период. В свою очередь, вплоть до конца XVI в. ценная сибирская пушнина поступала в государственную казну в довольно скромных объемах. Ее приток в казну, на внутренние и внешние рынки резко возрос после присоединения Сибири к России. Начало расцвета внутренней торговли пуш-

ниной относится ко второй четверти XVII в., что было вызвано «как общими изменениями социально-экономической жизни страны, углублением общественного разделения труда, специализацией районов, так и увеличением спроса на пушнину и особенно нарастанием притока ценных сибирских мехов в связи с успехами русской колонизации Сибири» [1, с. 73]. В XVII в. начинается расцвет и внешней торговли пушниной. Как в европейских, так и в азиатских странах запасы ценных пушных зверей были сравнительно невелики, поэтому Россия, которая выдвинулась в роль главного мирового поставщика этого товара в предшествующую эпоху, еще больше упрочила свои позиции.

Павлов подчеркивал, что «громадное при ограниченной ее массе значение пушнины в экономике России XVII в. заключалось в исключительно высокой ее товарности и широкой распространенности на рынках. Пушниной торговали во всех сколько-нибудь значительных центрах страны. Она была в составе экспорта во все зарубежные страны, поддерживавшие экономические связи с Россией, и способствовала расширению этих связей, распространяясь в отдаленные государства Европы и Азии и составляя во многих случаях главный предмет вывоза. Пушные товары, легкие, не скоропортящиеся, разнообразные по сортности и качеству, удобные для оптовой и розничной торговли, без труда перемещались на большие расстояния, пересекая страну из конца в конец, концентрировались на крупных ярмарках, внутренних и международных, и оттуда снова расходились в разных направлениях» [1, с. 120].

Для того чтобы лучше показать место пушнины в экономической жизни России XVII в., Павлов решил сравнить поступления сибирских мехов в это время и в последующий период – «до конца феодальной эпохи». Следует отметить, что для очень многих историков, занимающихся XVII в., 1700-й год является непреодолимой историографической преградой, за которую они ни в коем случае не позволяют себе выйти. Для Павлова такой преграды не существовало. Он полагал вполне возможным и, более того, необходимым, сравнивать данные XVII в. не только с последующим XVIII в., но и с XIX в. И такое сравнение получилось весьма продуктивным. Большую ценность имеют наблюдения автора, касающиеся объемов добываемой пушнины, соотношения мехов разных пушных зверей в структуре добычи в разное время, доли пушнины в государственном бюджете и др. Так, отмечено, что в государственном бюджете после XVII в. пушнина постепенно утратила существенное значение. Уже в конце 1750-х гг. сибирская меховая казна давала всего около 1 % государственного дохода.

Главный герой книги Павлова – соболь, который как объект охоты занимал бесспорное первое место среди пушных зверей Сибири. Из-за красивого, прочного и дорогого меха соболь считался «царем дикой пушнины» – «мягким золотом». Ученый отмечал, что «распространение соболей почти исключительно в Сибири, прекрасные меховые качества обеспечивали собольим мехам даже при перепромысле неограниченный сбыт на внутренних и внешних рынках» [1, с. 159].

Большой интерес представляют приведенные в монографии Павлова расчеты, показывающие динамику изменения численности поголовья соболей в Сибири в разное время, а также сведения об ареале расселения этого зверя и свойствах соболиных мехов в различных районах их добычи. При подготовке соответствующего параграфа историком были основательно изучены труды зоологов (В.А. Тавровского, К.Д. Нумерова и др.), содержащие информацию на этот счет.

Помимо сведений о соболином промысле и торговле соболиными мехами в монографии Павлова представлены данные о добыче и купле-продаже мехов других пушных животных – бобров, лисиц, белок, песцов, куниц, горностаев, выдр, росомех, рысей, волков и др. Однако в целом несоболиная пушнина имела в XVII в. второстепенное значение. Ее запасы к приходу в Сибирь русских «намного уступали, составляя по общей ценности около трети соболиных, недостаточно использовались и в XVII в., оставаясь резервом, пока не было подорвано соболиное поголовье» [с. 159]. Русский профессиональный пушной промысел вплоть до последней четверти XVII в. был промыслом соболиным. Все прочие звери добывались попутно.

Подробным образом Павлов рассмотрел производственно-техническую и экономическую стороны организации пушного промысла. Он детально проанализировал различные способы соболиного лова и применявшиеся при этом орудия и технические приспособления (например, кулемы – самоловные орудия давящего действия). При этом ученый применил междисциплинарный подход, привлекая к исследованию труды специалистов-охотоведов. Павлов изучил особенности внутренней организации промысловых ватаг, распределение обязанностей между их отдельными членами. Ученый привел сведения о том, как формировались промысловые «ужины», состоявшие из «хлебного запаса» (продукты) и «промышленного завода» (охотничьи и рыболовные орудия, инструменты, обувь, одежда и т. д.). Немало выявленных Павловым сведений представляет интерес с этнографической точки зрения. В монографии представлены данные о размерах добычи, приходившейся на одного охотника, а также расчеты доходности сибирской пушной охоты и численности охотников (в Восточной Сибири в 1670-е гг. было не менее 1300, а в Западной – около 500 постоянных охотников-промышленников, к концу XVII в. во всей Сибири действовало свыше 3000 профессиональных охотников). В книге содержатся материалы о развитии меховой промышленности в Сибири, ассортименте и стоимости изготовлявшихся изделий и полуфабрикатов.

Вторая монография П.Н. Павлова – «Промысловая колонизация Сибири в XVII в.» [2] опубликована в Красноярске в 1974 г. уже после его кончины. Эта книга тематически связана с предыдущей и является ее продолжением. Основное внимание в ней автор уделил «народной струе промысловой колонизации», которая представлялась автору наиболее существенной и наименее изученной. В монографии прослежены тер-

риториальное и социальное происхождение рядовых охотников и мелких предпринимателей, маршруты их передвижений в Сибири, степень прочности связей с новым краем и первоначальной родиной, особенности формирования промысловых семей, отношения промышленников с коренным сибирским населением, социальные процессы в мелкотоварном укладе, проявления социальных конфликтов в среде промышленников. При рассмотрении истории крупного пушного промысла автор сконцентрировался прежде всего на непосредственных добытчиках пушнины – «покрученниках». Можно сказать, что если в первой книге Павлова главным героем является соболь, то во второй – охотник-промысловик, который этого соболя добывал, и торговец, который этим соболем торговал.

Основными источниками, как и в первой работе, являлись таможенные книги. Теми же остались в основном и территориальные рамки исследования: в нем использовались главным образом материалы, относящиеся к Мангазейскому, Енисейскому, Якутскому и Илимскому уездам, которые составляли в XVII в. главный пушной промысловый район (в 1620–1680-е гг. на эти уезды приходилось свыше $\frac{3}{4}$ естественных запасов соболей и свыше 90 % их русской добычи в Сибири).

Павлов рассмотрел различные аспекты ясачной политики, которые так или иначе были связаны с русским пушным промыслом. Получение ясака с местного населения являлось важнейшей целью московского правительства в эпоху присоединения Сибири. Автор отметил в своей первой книге, что «охота на пушных зверей для уплаты ясака имела характер своеобразного промысла, потому что продукция ее шла не на внутреннее потребление, для получателя (государства) она имела товарное значение, а для охотников оставалась натуральной, не считая небольших подарков, корма и угощения во время уплаты ясака, да и те доставались больше не тем, кто непосредственно добывал пушнину, а родоплеменной верхушке» [1, с. 10]. В монографии описаны разного рода злоупотребления, которые происходили во время сбора ясака и носили массовый характер, а также меры, предпринимавшиеся правительством для борьбы с ними.

Заметное место в монографии уделено вопросам отношения государства к частному пушному промыслу, который облагался натуральным десятинным сбором – промысловым налогом (подобный сбор взимался в XVII в. также со слюдяного, соляного, рыбного, зверового морского и других промыслов). Павлов отметил, что промысловый налог взимался государством на совершенно иной основе, чем ясак. «Он не связывался с определенными угодьями, не был феодальной рентой. Государству безразличен был персональный, национальный и социальный состав промышленников, хотя, конечно, действительное положение предпринимателей и рядовых охотников было неодинаково. Для государства десятинный сбор с промысла не отличался от десятинного торгового сбора, одинаково с ним назывался таможенной десятинной и при сборе смешивался с ним, а собственно таможенная десятинная пошлина рассматривалась как налог с торгового промысла. Пушнина, купленная в Сибири, в

конечном итоге облагалась двойной десятинной пошлиной: за промысел и за перекуп» [2, с. 21].

Павловым были выполнены расчеты с целью определить соотношение ясачных и десятинных поступлений пушнины. Было установлено, что в 1620–1680-е гг. казна получила свыше $\frac{3}{4}$ сибирских соболей в качестве ясака с поминками и несколько меньше $\frac{1}{4}$ в порядке десятинного сбора с частного, в подавляющем большинстве русского, промысла и с торговли. При этом ясачная пушнина государству обходилась дороже, поскольку, как отметил историк, «с ясаком были связаны затраты государства на подарки ясачным людям, корм аманатам (заложникам, взятым под гарантию уплаты ясака. – А. Р.), содержание ясачных сборщиков и в значительной мере всех служилых людей и администрации; десятинная пошлина доставалась государству без всяких материальных расходов» [2, с. 21].

По мнению Павлова, торговая деятельность казны в Сибири не шла ни в какое сравнение с размахом торговых операций русского купечества, а государственный и частный промыслы были между собой просто несопоставимы. «Правительство, без всяких хлопот получая значительно больший доход от частного пушного промысла и торговли, чем от собственного предпринимательства, до конца XVII в. поощряло частную инициативу, особенно не заботясь о последствиях, стремясь при этом не упустить свою долю. Торговые, промышленные, служилые люди, в свою очередь, делали все возможное, чтобы утаить от властей пушнину и другие товары с целью избежать уплаты десятинной пошлины» [2, с. 28]. Однако, продолжает историк, власти не только знали о злоупотреблениях, но и прекрасно были осведомлены о технических тонкостях утайки пушнины. Интересно, что утаенная пушнина при обнаружении конфисковывалась далеко не всегда. С нее взыскивалась обычная пошлина и штраф – «протаможье». Павлов указывает, что в Мангазейском уезде в 1620–1630-е гг. размер протаможья составлял 2 руб. 4 алтына 1,5 деньги, причем он не зависел от количества утаенной пушнины. Надо заметить, что точно такой же размер в XVII в. имел протаможный сбор, а также штраф за незаконную торговлю спиртным («заповедь») и в городах Европейской России (например, в Курске, Вязьме, Устюге).

В монографии Павлова рассмотрены взаимоотношения, складывавшиеся между русскими промышленниками и местным населением, обложенным ясаком, практика использования ими охотничьих угодий. Автор отметил, что у русских было три способа занять угодья, принадлежавшие аборигенам: захват силой, приобретение покупкой или в аренду и самовольный промысел. Первый способ не действовал, так как для его реализации требовалась поддержка государства или хотя бы его согласие, но такового не давалось, ибо правительство оберегало ясачные угодья в своих интересах. Что же касается покупки и аренды, то здесь также требовались определенные условия, прежде всего возможность передачи охотничьих участков ясачным людям и положительное отношение к этому властей. Такие условия сложились не сразу и не повсеместно.

На пути мирного овладения угодьями препятствия постепенно устранялись и противоречия между русскими промышленниками, ясачными людьми и государством исчезали. Однако такой способ дал более или менее заметные результаты лишь в конце XVII в. В период же массового движения русских в Сибирь наибольшее распространение получила их самовольная охота. Это неизбежно вызывало недовольство коренных жителей. Павлов приводит многочисленные примеры вооруженных нападений на русских промышленников со стороны туземцев, стремившихся сохранить за собой промысловые угодья. Отмечены случаи, когда и русские грабили местное население. Но при этом, подчеркнул автор, о крупных организованных нападениях русских промышленников на аборигенов (не считая их участия в официальных военных экспедициях на «немирных иноземцев») сведений в источниках нет.

Пристальное внимание Павлов уделил истории формирования промыслового населения Сибири. Детальным образом им был рассмотрен, в частности, вопрос о социальном и территориальном происхождении промышленников. В промысловом движении в Сибирь участвовали представители различных социальных категорий, но подавляющее большинство составляли неоднородные в имущественном и частично в социальном отношении чернососные крестьяне и посадские люди. Служилые люди, хотя и составляли вплоть до начала XVIII в. наиболее многочисленную категорию русского населения Сибири, в непосредственной добыче пушнины значительно уступали промышленным и торговым людям.

Сам же термин «промышленный человек» отличался известной широтой и во время массового промыслового движения в Сибирь (примерно до последней четверти XVII в.) отражал, по мнению ученого, не только род занятий, но и имел в известной мере юридический смысл: обозначал свободу от тягла на территории Сибири и фиксировал обязанность платить промысловый налог и различные таможенные сборы. Промышленным человеком был всякий русский, не состоявший на государственной службе и не записанный в Сибири в тягло.

Что же касается территориального происхождения промышленников, то подавляющее большинство из них были выходцами из Русского Поморья. По подсчетам Павлова, около 2/3 всех промышленников, добывавших в XVII в. соболей в основном промысловом районе Сибири, представляли Центральное Поморье и чуть меньше трети – Северное Поморье. При этом историк установил, что относительная интенсивность промыслового движения из Северного Поморья была значительно выше, чем из Центрального. На первом этапе колонизации (в 1620–1670-е гг.) русские промышленники сохраняли все многообразие связей как со своей первоначальной родиной, так и новым краем от единовременного посещения Сибири до постоянного поселения там. Промышленник зачастую представлял собой переходный тип между отходчиком и постоянным жителем Сибири. Ученый констатировал, что «уже наличие в Сибири более или менее постоянного, хотя и не осевшего в определенном пункте местного промыслового населения, дает

основание рассматривать промысловое освоение как составную часть русской колонизации Сибири».

Подробным образом Павлов проанализировал эволюцию мелкотоварного уклада и крупного предпринимательства в сибирском пушном промысле в XVII в. В среде мелких промышленников автор выделял «своеужиников» и «покрученников». Эти специальные термины отражали конкретное экономическое положение упомянутых категорий и в известной мере определяли их социальное положение: если первые располагали своими «ужинами» (продуктами и снаряжением для ведения промысла), то вторые были лишены таковых. При этом немногочисленная, но сословно неоднородная группа крупных промышленников собирательного названия в XVII в. не получила. Павлов сделал вывод, что во время массового промыслового движения в Сибирь условия организации крупного и самостоятельного мелкотоварного промысла были в принципе равными. «Покрученники крупных предпринимателей и самостоятельные мелкие и средние промышленники вместе охотились в угодьях ясачного населения, одинаково встречали со стороны последнего отпор и часто действовали в составе смешанных промысловых партий» [2, с. 146]. На втором этапе промысловой колонизации, когда в связи с резким падением добычи соболя большинство крупных предпринимателей покинули Сибирь или обратились исключительно к торговле, а большинство мелких промышленников прочно обосновалось на своей новой родине, произошли количественные и качественные изменения в соотношении укладов: в непосредственной добыче пушнины мелкий промысел постепенно стал господствующим.

Важное значение в работе Павлова приобрел дискуссионный вопрос о сущности покруты на соболином промысле. Историк отметил, что название покруты как договора о найме, связанного в той или иной мере с кабалой, не раскрывает ее социальной сути. В сибирском пушном промысле XVII в. покрута принадлежала к капиталистическому типу, но капиталистические элементы в ней были выражены неотчетливо. «Покрута, – писал Павлов, – испытывала на себе влияние господствовавших в стране феодальных отношений, но по содержанию не была феодальной» [2, с. 181]. В частном сибирском промысле отсутствовала феодальная рента. Промысловый налог не был связан с использованием определенными охотничьими угодьями. В отличие от феодально зависимых людей покрученники не имели никаких средств производства. При этом к моменту заключения письменного или устного договора о покруте они являлись лично свободными людьми. Покрута на соболином промысле в XVII в. была примитивным по форме капиталистическим наймом, связанным через кабалу с личной зависимостью покрученника от нанимателя.

Диалогия Павлова обеспечила, таким образом, стереоскопичное освещение многогранной истории пушного промысла и промысловой колонизации Сибири в XVII в. Монографии ученого стали значительным вкладом в отечественную историческую науку. Они актуальны и востребованы до сих пор. По богатству и разнообразию

приведенного в них фактологического и статистического материала их можно считать своего рода историческими энциклопедиями сибирского пушного промысла и пушной торговли XVII в. Остается надеяться, что книги замечательного историка Павла Николаевича Павлова, опубликованные в свое время в региональном издательстве сравнительно небольшими тиражами, будут переизданы и обретут новых благодарных читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972.
2. Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974.

*Статья поступила
в редакцию 28.11.2013*

УДК 94(57)1916/1919

Н.Ю. ПИВОВАРОВ

**ОТ ОБЪЕДИНЕНИЯ К ПРОТИВОСТОЯНИЮ:
ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СОЮЗА СИБИРСКИХ
КООПЕРАТИВНЫХ СОЮЗОВ (ЗАКУПСБЫТА) И ЦЕНТРОСОЮЗА
В 1916–1919 гг.**

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: pivo1988@gmail.com

Целью статьи является изучение истории взаимоотношений двух крупнейших российских кооперативных союзов – Московского союза потребительских обществ (с 1917 г. – Центросоюз), являвшегося общероссийским кооперативным объединением, и Союза сибирских кооперативных союзов (Закупсбыта), объединившего сибирскую потребительскую кооперацию. Этот вопрос до сих пор не нашел должного освещения в научно-исследовательской литературе, хотя и является ключевым для понимания роли центра и периферии в истории российского кооперативного движения. Опираясь преимущественно на делопроизводственную документацию и материалы периодической печати, автор пришел к некоторым выводам. Динамика взаимоотношений Закупсбыта и Центросоюза на протяжении 1916–1919 гг. включала в себя как взаимовыгодные соглашения, так и острую конкуренцию за рынки сбыта и закупки товаров. Закупсбыт, основанный на федеративных началах, в глазах многих кооператоров востока России стал реальной альтернативой авторитарному Московскому союзу. Однако руководство общероссийского кооперативного объединения попыталось ограничить масштабы роста влияния Союза сибирских кооперативных союзов, введя принцип «двуучленства», предоставив право сибирским кооперативным союзам являться одновременно пайщиками и Закупсбыта, и Московского союза. По мере расширения сфер деятельности Закупсбыта и усиления социально-экономического кризиса руководство Союза сибирских кооперативных союзов осуществило переход от федеративной к централизованной системе управления. Формально различия между двумя крупнейшими кооперативными союзами свелись лишь к незначительным идейным разногласиям. Главным лейтмотивом взаимоотношений двух ведущих российских кооперативных союзов была борьба за финансы сибирской кооперации, итогом которой стал окончательный разрыв отношений.

Ключевые слова: Центросоюз, Закупсбыт, Московский союз потребительских обществ, сибирская кооперация, потребительские кооперативы, кооперативные союзы, пайщики, федеративное управление, централизованное управление.

Последнее десятилетие XIX в. стало поворотным в истории российского кооперативного движения. В эти годы благодаря изменившимся социально-экономическим условиям начался стремительный рост численности первичных кооперативов. Руководители разрозненных до той поры потребительских обществ заговорили о необходимости координации и объединения усилий. По итогам ряда совещаний в 1898 г. был создан Московский союз потребительских обществ (МСПО), ставший первым российским кооперативным союзом. И хотя организация Московского союза являлась важным шагом для всей российской потребительской кооперации, внутреннее его устройство довольно скоро стало вызывать споры в кооперативной среде. Дело в том, что по уставу МСПО являлся коо-

перативным союзом первой степени, т.е. в него могли входить только низовые потребительские общества. Лишь в 1913 г. на Втором Всероссийском кооперативном съезде в Киеве были внесены поправки в устав, которые допускали членство и потребительских союзов. Однако вплоть до 1917 г., до преобразования МСПО в Центросоюз, основное внимание руководство Московского союза уделяло низовым кооперативам преимущественно из европейской части России. Крупные заказы кооперативных союзов ставились в один ряд с заказами небольших по объему деятельности потребительских обществ. Фактически отсутствовала организационная связь с отдаленными региональными сельскими кооперативами, например, с сибирскими и дальневосточными.

Критика внутреннего устройства МСПО усилилась в годы Первой мировой войны. Московскому союзу с трудом удавалось снабжать товарами разросшуюся российскую потребительскую кооперацию, что закономерно вызывало нарекания и недовольство на местах. В некоторых регионах кооператоры даже рассматривали вопрос о создании независимых от МСПО потребительских союзов. В Сибири эти намерения впервые увенчались успехом.

Сибирские кооператоры именно в годы войны стали активно обсуждать проекты организации единого общесибирского кооперативного союза. В конце апреля 1916 г. на пленарной сессии учетной комиссии при Новониколаевском отделении Московского народного банка был разработан наказ, положивший начало деятельности Союзу сибирских кооперативных союзов (Закупсбыту), которому и было суждено объединить всю сибирскую потребительскую кооперацию.

Наказ Закупсбыта, спустя несколько месяцев преобразованный в договор, включал весьма оригинальные для российской кооперативной практики положения. В отличие от Московского союза, членами Союза сибирских кооперативных союзов могли быть только кооперативные союзы, действовавшие на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока. Члены Закупсбыта должны были нести ответственность только пропорционально размерам своих паевых капиталов и торговых оборотов, сохраняя большой объем прав на имущество и капиталы. Все это позволяет охарактеризовать Закупсбыт как федеративную организацию.

Закупсбыт грозил стать самым опасным конкурентом для МСПО на востоке России. Но принципы солидарности и взаимовыручки, на которых базировались ключевые элементы кооперативной идеологии, не позволяли руководству Московского союза вступить в открытую борьбу с общесибирским кооперативным союзом. Хотя правление МСПО в первые месяцы работы с Закупсбытом придерживалось двойной политики: с одной стороны, оно приветствовало создание Закупсбыта, но с другой – отказывалось с ним вести развернутые деловые отношения. В ходе переговоров председателя правления Закупсбыта В.Н. Остальцева с членом бюро МСПО В.Н. Зельгеймом в июне 1916 г. выяснилось, что Московский союз собирается продолжать активно сотрудничать только с сибирскими кооперативными союзами и крупными городскими обществами потребителей¹, что грозило стать настоящим ударом для молодого Закупсбыта.

Только в октябре 1916 г. в Москве состоялось совместное заседание коллегии распределителей МСПО и правления Закупсбыта. Коллегия распорядителей включила Закупсбыт в состав пайщиков своей организации. Был также подтвержден особый статус Закупсбыта в качестве областного кооперативного объединения, но при этом сибирские кооперативные союзы

оставались пайщиками Московского союза, что привело к так называемому двучленству. Кроме того, коллегия распорядителей заставила руководство Закупсбыта подписать особое соглашение, по которому Сибирскому союзу запрещалось заключать договоры с российскими частными фирмами, участвовать во внешней торговле, открывать торговые и закупочные пункты на территории Европейской России². Пайщики Закупсбыта назвали условия соглашения кабальными и предложили демонстративно выйти из состава Московского союза потребителей обществ³. С трудом правлению Закупсбыта удалось заставить своих членов поддерживать соглашение с Московским союзом на собрании уполномоченных в феврале 1917 г.

Февральская революция открыла новые горизонты в развитии кооперативного движения. 20 марта 1917 г. Временное правительство утвердило первый российский закон о кооперации. Его принятие подтолкнуло руководство Закупсбыта инициировать перемены во взаимоотношениях с МСПО. На заседании торговой коллегии Московского союза 20 марта член правления Закупсбыта К.И. Морозов озвучил идею преобразования МСПО во Всероссийский союз кооперативных союзов с федеративной формой управления. Он предложил ликвидировать Закупсбыт, а вместо него открыть в Новониколаевске сибирскую контору Всероссийского союза с автономными правами. В ответ правление Московского союза признало возможным открытие своей конторы в Новониколаевске, но при условии, что данная структура не будет обладать какой-либо автономией⁴. Кроме того, руководство МСПО отвергло предложения К.И. Морозова о переходе к централизованной форме управления на федеративную.

Доклад о ходе переговоров с Московским союзом был озвучен на собрании уполномоченных Закупсбыта в мае 1917 г. и вызвал оживленную дискуссию. Мнения присутствующих разделились. Одна группа делегатов во главе с Н.В. Фоминым предлагала ликвидировать Закупсбыт и открыть вместо него контору Московского союза в Новониколаевске, но лишь в том случае, если Московский союз внесет изменения в устав и будет принимать в пайщики исключительно кооперативные союзы. Другая группа делегатов собрания во главе с И.А. Ловцовым и А.А. Трутневым выступила против любых попыток реорганизации Закупсбыта и открытия конторы Московского союза в Сибири. Резолюция собрания уполномоченных носила осторожный характер. Было предложено сохранить соглашение, подписанное еще в октябре 1916 г., но Закупсбыт не подвергать реорганизации⁵.

Многие сибирские кооператоры скептически относились к совместной деятельности с Московским союзом. Даже после преобразования Московского со-

¹ Закупсбыт (Комиссия сибирских кооперативов по закупкам и сбыту). Собрание 14–16 августа. Барнаул, б/г. С. 27.

² ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 202. Л. 31–32.

³ Там же. Л. 33.

⁴ Там же. Д. 269. Л. 84.

⁵ Там же. Д. 200. Л. 34.

юза в Центросоюз в июне 1917 г. мнение сибиряков не поменялось, и ключевое требование – прием в пайщики только кооперативных союзов, не было внесено в устав. Недовольство Центросоюзом в Сибири росло. Наиболее ярко его выразил член правления Павлодарского кооперативного союза В.Г. Шишканов, отметив, что представители Центросоюза не знакомы с обстановкой в Сибири. «Они только и знают, – подчеркивал кооператор, – что здесь 70 градусов мороза и ходят белые медведи»⁶.

В сентябре 1917 г. собрание уполномоченных Закупсбыта все-таки приняло решение о расторжении соглашения, подписанного почти год назад. В резолюции по этому поводу отмечалось, что сибирские кооператоры не видят в Центросоюзе всероссийского центра, который мог бы проводить общекооперативную политику, а Закупсбыт намерен действовать самостоятельно, оставаясь при этом пайщиком Центросоюза⁷. Знаковым шагом стало открытие в октябре 1917 г. в Москве торгового представительства Союза Сибирских кооперативных союзов. По сути, данное решение стало первым сепаратным шагом Закупсбыта и наметило неизбежный раскол с Центросоюзом.

Вихрь общественно-политических событий, связанный с приходом к власти большевиков, отсрочил принятие решений о совместной деятельности. Лишь в мае 1918 г. представители Центросоюза предложили заключить новое соглашение с Закупсбытом на более приемлемых для последнего условиях. Но контрреволюционный переворот в конце мая – июле 1918 г. и развернувшиеся боевые действия, фактически отрезавшие Сибирь от Европейской России, помешали провести совместное заседание представителей двух кооперативных союзов⁸. Только в августе 1918 г. на собрании уполномоченных Закупсбыта была принята довольно неожиданная резолюция о взаимоотношениях с Центросоюзом. Она призывала пайщиков Закупсбыта отказаться вносить ежегодный пай в Центросоюз. Кроме того, в документе нашли отражение и другие, не менее интересные положения: «Поскольку у сибиряков исторически накопилась обида за взгляд на Сибирь, как колонию для Европейской России, независимо от условий настоящего момента, сибиряки и ранее желали иметь в Сибири свой кооперативный краевой центр; и в данный момент, и в дальнейшем это желание должно быть признано законным правом сибирской кооперации»⁹.

Время принятия резолюции совпало с централизацией внутреннего управления Союза сибирских кооперативных союзов. Декларируя принципы федерализма, руководство сибирского союза еще с конца весны 1918 г. начало постепенный процесс сворачивания прав пайщиков Закупсбыта на ведение самостоятельной торговой и промышленной деятельности.

Так, в отношении финансов было принято жесткое постановление о том, что любая финансовая или торговая операция пайщиков общесибирского союза более чем на 10 тыс. руб. обязательно должна была согласовываться с правлением Закупсбыта. В этом смысле резолюция о взаимоотношениях с Центросоюзом выглядит вполне логичным и обоснованным шагом, направленным на централизацию всех финансовых потоков. Вместе с тем тональность резолюции специально облекалась в «областническую» формулировку, благодаря которой руководство Закупсбыта оправдывало свои действия.

В ответ руководство Центросоюза активизировало свою деятельность на востоке России. В конце августа 1918 г. в Уфе была открыта Главная контора Центросоюза в Поволжье, Урале, Сибири и Туркестане. В постановлении на этот счет отмечалось, что в задачи конторы входит создание своего единого краевого центрального союза на востоке России¹⁰. Руководители конторы призвали руководство Закупсбыта аннулировать резолюцию, принятую в августе, и внести в Центросоюз ежегодный взнос в размере 5 руб. с каждого человека, живущего на территории от Урала до Дальнего Востока и являющегося членом потребительского общества¹¹. Кроме того, Урал и Дальний Восток объявлялись территориями, где распространялось исключительное влияние Центросоюза, а местные потребительские кооперативы обслуживались только Всероссийским кооперативным союзом¹². В связи с этим планировалось открыть в сентябре контору в Екатеринбурге и усилить работу во Владивостоке¹³.

В октябре 1918 г. из-за военных действий Главная контора Центросоюза переехала сначала из Уфы в Екатеринбург, а с 26 октября перенеслась в Омск. В начале ноября состоялось кооперативное заседание, в ходе которого были заслушаны доклады ответственных сотрудников Центросоюза. Заместитель руководителя отделения Н.Н. Куренных в своем докладе осветил вопрос о взаимоотношениях Центросоюза и Закупсбыта и заявил, что «отношения между кооперативными союзами не могут быть признаны нормальными, отвечающими интересам кооперативных организаций»¹⁴. В частности, отмечалось, что в Сибири численно преобладали смешанные кооперативные союзы, что являлось, по мнению автора, «ненормальным для потребительской кооперации»¹⁵. Н.Н. Куренных предлагал реорганизовать Закупсбыт в Сибирское представительство Центросоюза, а независимые кооперативные союзы – в отделы Закупсбыта¹⁶.

На основе доклада Н.Н. Куренных был составлен циркуляр № 1 под названием «К потребительской ко-

⁶ Там же. Д. 267. Л. 23.

⁷ Там же. Л. 39.

⁸ Там же. Д. 338. Л. 54.

⁹ Там же. Д. 333. Л. 39.

¹⁰ Там же. Д. 267. Л. 237–238.

¹¹ Там же. Л. 242.

¹² Там же. Д. 338. Л. 31.

¹³ Известия Центросоюза (Омск). 1918. № 3. С. 104.

¹⁴ Там же. № 4. С. 141.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 142.

операции Поволжья, Урала и Сибири», в котором отмечалось: «Имея в виду стремление некоторых кругов Сибири к созданию своего единого краевого центрального союза – признать, что единство потребительской кооперации, должно быть ничем не нарушаемо, а вышеуказанное течение должно быть признано силой, ведущей к разъединению потребительской кооперации, ослаблению ее сил»¹⁷. Кроме того, в циркуляре был приведен довольно подробный перечень основных направлений деятельности в торговой, производственной и неторговой сферах, которые Центросоюз планировал осуществлять на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока. Почти одновременно руководство Главной конторы Центросоюза приступило к расширению деятельности организации на Дальнем Востоке. Местным кооперативным союзам предлагалось перезаключить контракты о поставках рыбы на имя Центросоюза, а не Закупсбыта¹⁸.

Правление Закупсбыта потребовало объяснений, и в ноябре 1918 г. в Омске состоялось совещание представителей Центросоюза и Закупсбыта. Открывая совещание, руководитель Сибирской конторы Центросоюза В.К. Вахмистров объявил, что открытие отделения было продиктовано исключительно экономической и общественно-политической ситуацией, вызванной Гражданской войной. В ответ член правления Закупсбыта В.Г. Шишканов заявил, что Центросоюз не согласовывает свою деятельность в Сибири с местными кооперативными союзами. Он предложил объединить отделение Центросоюза с Закупсбытом для ведения совместной деятельности в торгово-производственной и культурно-просветительной сферах¹⁹. Но представители Центросоюза встретили предложение сибирской организации враждебно, заявив, что Закупсбыт – «молодая и пока еще не устоявшаяся организация»²⁰. Так, Н.Н. Куренных парировал В.Г. Шишканову следующей репликой: «Как может признанной жизнью и Всероссийскими кооперативными съездами – Всероссийский потребительский центр отказаться не от права, а от обязанности иметь свои необходимые аппараты для его свойственной экономической работы?»²¹. В итоге договоренностей на совещании достичь не удалось.

Спустя десять дней после неудачного совещания руководство Закупсбыта созвало чрезвычайное собрание уполномоченных, на котором открытие отделения Центросоюза было осуждено, а сибирским кооперативным союзам предложили выйти из состава Центросоюза²². Присутствовавший на собрании В.К. Вахмистров высказал мнение, что принцип «однородности» (т. е. членства только в одном кооперативном союзе) существенно снизит объемы поставок товаров в Си-

бирь, тогда как «потребитель должен получить необходимые товары, будет действовать так, как это экономически выгодно, и не нам сверху устанавливать правила»²³. Речь В.К. Вахмистрова была встречена критикой со стороны представителей Закупсбыта. Но, как справедливо отметил один из участников совещания: «В этих прениях больше психологии, чем разума, больше личных переживаний, переходящих в обиды, огорчения, чем фактов и объективных данных»²⁴. Собрание уполномоченных предложило создать согласительную комиссию для составления нового соглашения между двумя кооперативными союзами²⁵.

В конце ноября – начале декабря 1918 г. состоялось заседание согласительной комиссии, на котором представители Центросоюза фактически предложили ликвидировать Закупсбыт. За сибирским союзом сохранялось лишь юридическое лицо, но он терял право вести самостоятельную торгово-производственную деятельность. Ответственным за имущество и деятельность должен был стать объединенный руководящий орган – коллегия распорядителей, в состав которой входили члены правлений Центросоюза и Закупсбыта, представители от уральских, приуральских и поволжских кооперативных объединений и один член от городской, рабочей и железнодорожной кооперации. Закупсбыт передавал под управление Центросоюза кассу, текущие счета, товары, сырье, промышленные объекты. Все недвижимое имущество (склады, дома и др.) должно было поступить в безраздельное владение Центросоюза. Даже служащие Закупсбыта переходили в штат сибирской конторы Всероссийского союза²⁶. За Закупсбытом оставались лишь права на прием новых членов и распределение товаров, получаемых от Центросоюза. Реакция представителей Закупсбыта была вполне предсказуемой – они отказались рассматривать проект и заявили о выходе из согласительной комиссии.

В конце мая – начале июня 1919 г. собрание уполномоченных Закупсбыта утвердило постановление о прекращении выплаты паевых взносов и выходе из состава Центросоюза. На собрании были внесены поправки в устав, по которым Закупсбыт провозглашался Всесибирским центральным союзом кооперативных союзов и обществ. Территориальные рамки Закупсбыта теперь ограничивались Приуральем на западе и Тихим океаном на востоке, Якутской областью на севере и Туркестаном на юге. Представители Центросоюза потребовали создать согласительную комиссию по выработке соглашения в связи с новым юридическим статусом Закупсбыта. Комиссия была организована, но работала лишь 30 минут, поскольку представители Всероссийского союза отказались рассматривать любые предложения, кроме ликвидации Закупсбыта и передачи всех дел конторе Центросоюза.

¹⁷ Сибирская кооперация (Новониколаевск). 1918. № 9–10. С. 55.

¹⁸ Известия Центросоюза (Омск). 1918. № 4. С. 148.

¹⁹ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 216. Л. 62.

²⁰ Там же. Л. 63.

²¹ Там же.

²² Там же. Д. 338. Л. 32.

²³ Там же. Л. 34.

²⁴ Там же. Л. 59.

²⁵ Там же. Д. 339. Л. 24.

²⁶ Там же. Д. 1443. Л. 124–134.

В итоге собрание уполномоченных Закупсбыта приняло следующую резолюцию: «Ввиду того, что соглашение с представителями Главной конторы Центросоюза для Поволжья, Урала и Сибири на основе предложенных правлением и принятых собранием уполномоченных Закупсбыта принципов оказалось не достигнутым, собрание уполномоченных Закупсбыта постановило признать необходимым формальный выход Закупсбыта из членов Центросоюза и провозглашение Союза сибирских кооперативных союзов Закупсбыта Всесибирским Центральным союзом кооперативных союзов и обществ»²⁷. Абсолютное большинство пайщиков (36 кооперативных союзов) поддержало резолюцию, только два объединения проголосовали против (Уральский и Приамурский союзы кооперативов) и четыре воздержались (Челябинский, Тюменский, Мариинский кооперативные союзы и Центросибирь).

Выход Закупсбыта из Центросоюза вызвал бурную дискуссию среди сибирских кооператоров. Пайщики общесибирского союза на собраниях уполномоченных, заседаниях правлений или неторговых отделов принимали резолюции, в которых поддерживали решение руководства Закупсбыта. Принципиально против выхода выступило только правление Союза Приамурских кооперативов, которое разослало всем крупным кооперативным организациям Дальнего Востока свое мнение по поводу того, что произошло на X собрании уполномоченных, и выступило с предложением организации краевого кооперативного совещания²⁸.

Представители городских и рабочих обществ потребителей, маслодельной и кредитной кооперации осудили решение Закупсбыта. Так, правление Алтайского Центрального кредитного союза даже приняло специальную резолюцию, позже одобренную большинством кредитных кооперативов: «Решение неправильно с формальной стороны, оно крайне ошибочно по целому ряду принципиальных соображений. Экономически Сибирь не представляет собой самостоятельного организма, могущего оторваться от России[...] если сибирская торговля и промышленность теснейшим образом связана с общероссийской торгово-промышленной жизнью, то и сибирская кооперация не мо-

жет выделить себя из кооперации общероссийской. В данный момент особенно важно сплочение и концентрация, а не распыление сил кооперации»²⁹.

Центросоюз не остался в стороне. Его представители на ряде кооперативных съездов и совещаний в июле – сентябре 1919 г. добились осуждения выхода Закупсбыта из состава Всероссийского союза. Дальневосточным кооперативам были разосланы официальные письма, в которых Центросоюз предлагал более выгодные условия поставки товаров. Всероссийский союз заключил соглашение о сотрудничестве с большинством крупных городских, рабочих и железнодорожных обществ потребителей. Кроме того, Центросоюз отказался от совместного участия с Закупсбытом в Карской торговой экспедиции, сославшись на нехватку финансов. Все это грозило перерасти в полномасштабную войну за сибирского потребителя. Но изменившиеся военно-политические условия и восстановление власти большевиков привели к тому, что в начале 1920 г. Закупсбыт перестал существовать как самостоятельная структура и был объединен с омским отделением, образовав Сибирское отделение Центросоюза [1, с. 212–213].

На протяжении почти четырех лет взаимоотношения между Закупсбытом и Московским союзом потребительских обществ, а затем и Центросоюзом колебались от дружественных соглашений до жесткой конкуренции на рынке. Формально Закупсбыт и Центросоюз олицетворяли два пути развития российского кооперативного движения – федеративно-демократический и централистско-авторитарный. Но фактически руководством общесибирского союза уже с середины 1918 г. был осуществлен переход на централизованную систему управления. Поэтому различия между двумя крупнейшими кооперативными союзами России свелись лишь к незначительным идейным разногласиям, за которыми скрывалась борьба за потребителя, рынки заготовок и сбыта товаров. Именно внутренняя организационная схожесть позволила восстановленной большевистской власти в максимально короткие сроки почти безболезненно объединить в единое целое два центра сибирской потребительской кооперации.

*Статья поступила
в редакцию 28.10.2013.*

²⁷ Там же. Л. 113.

²⁸ Известия Горсоюза (Бийск). 1919. № 1. С. 36.

²⁹ Известия Алтайского Центрального кредитного союза (Барнаул). 1919. № 10. С. 25.

УДК 336.225.2"19"1921-1928(477)

Ю.В. КОТИК

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА НАЛОГОВЫХ РАБОТНИКОВ УССР В ГОДЫ НЭПА

Винницкий национальный аграрный университет,
г. Винница, Украина
e-mail: kotik1997@mail.ru

Статья посвящена малоизученной в исторической науке проблеме становления налоговых органов УССР в период нэпа. На основе архивных материалов раскрыта деятельность советской власти в Украине с целью обучения и повышения профессиональных навыков налоговых служащих в период нэпа.

Для советского руководства в 1921–1922 гг., в условиях гиперинфляции и товарного голода, приоритетным был вопрос о качественной подготовке кадрового состава органов Наркомата продовольствия УССР. Он решался двумя путями: временным использованием опытных «старых» специалистов и подготовкой новых кадров, хотя на это требовались значительные материальные средства, а главное, длительное время. Не имея возможности организовать в кратчайшие сроки всестороннее и фундаментальное обучение финансовых кадров путем возобновления работы высших учебных заведений, власть открывала при губернских продовольственных комитетах налоговые курсы для подготовки специалистов в области продналоговой работы. Организация продналоговых курсов по Украине имела довольно масштабный характер.

С началом денежной реформы в 1922 г. повысились требования советской власти к профессиональной подготовке налогового аппарата в структуре Наркомата финансов УССР. Фундаментальность самого процесса обучения советских налоговых кадров вынуждала большевиков на первоначальном этапе, как и в случае Наркомпрода, прибегнуть к «услугам» дореволюционных финансистов. Подготовка собственных налоговых кадров Наркомфином, в отличие от Наркомпрода, началась фактически лишь с 1923 г., однако была более масштабной и длительной. Налоговые курсы организовывались на центральном, региональном и губернском уровнях длительностью от шести до восьми месяцев. Для прохождения учебы на курсы направлялись прежде всего члены партии, а по социальному происхождению – выходцы из рабочих и крестьян.

Однако уже в 1923 г. в работе налоговых органов УССР появились негативные моменты: начались «чистки», а именно увольнения политически неблагонадежных.

Ключевые слова: налоговые органы, налоговые курсы, Наркомат финансов, губернский финансовый отдел, Наркомат продовольствия, профессиональная подготовка, Киевский институт народного хозяйства.

История деятельности советских хозяйственных органов в период нэпа остается особо актуальной темой на современном этапе развития исторической науки для исследователей стран СНГ и Украины в частности. Вместе с тем, проблема становления налоговых органов, особенно аспект профессиональной подготовки их кадрового состава, остается мало изученной. Поэтому автор ставит целью рассмотреть мероприятия советской власти на Украине в 1921–1928 гг. по организации обучения налоговых работников, повышению их профессионального уровня. Объект исследования – деятельность республиканских и губернских финансовых отделов УССР, других советских органов в сфере образования налоговых работников УССР в период нэпа.

Отказ советского руководства от политики военного коммунизма, которая в области финансов сводилась к административному перераспределению доходов субъектов хозяйственной деятельности, и восстановление рыночных отношений в период нэпа поставили на повестку дня вопрос об организации налоговой системы. Ключевой составляющей этой системы, без-

условно, являются налоговые органы. Развитие товарно-денежных отношений, усложнение хозяйственных механизмов и налогового законодательства требовали от налоговых работников соответствующей профессиональной подготовки. Для советского руководства до проведения денежной реформы 1922–1924 гг., в условиях гиперинфляции и товарного голода, приоритетной задачей представлялась качественная подготовка кадрового состава только органов Наркомата продовольствия УССР (далее Наркомпрода), которые обеспечивали сбор натуральных налогов (в 1921 г. продналог состоял из многих составляющих: на зерно, мясо, овощи и т. д.). И хотя налог 1921 г. имел явно раскладочный характер, а в механизме его сбора применялись методы периода военного коммунизма, профессиональный уровень налоговых продработников не отвечал требованиям нового времени. Проблема решалась двумя путями: временным использованием опытных «старых» специалистов и подготовкой новых кадров, что требовало значительных материальных средств и времени. Тезисы В. Ленина о том, чтобы «взять весь опыт культурного, прогрессивного капитализма» и

«беречь спецов» в первые годы нэпа были воплощены в активном привлечении царских служащих казенных палат, акцизных ведомств, казначейств для работы в советские налоговые органы. Параллельно принимались активные меры по подготовке советского налогового аппарата, в том числе и в Украине.

Не имея возможности организовать в кратчайшие сроки всестороннее и фундаментальное обучение финансовых кадров путем возобновления работы высших учебных заведений, власть открывала при губернских продовольственных комитетах налоговые курсы для подготовки специалистов в области продналоговой работы. Так, в Киеве с целью обучения продналоговых работников Киевской губернии с 10 апреля по 28 ноября 1921 г. были организованы два двухмесячных цикла продналоговых курсов и шесть – двухнедельных. На первые двухмесячные курсы был зачислен 31 слушатель, из которых 28 сдали экзамены успешно, троих оставили на повторное обучение. Из 34 слушателей второго цикла – 8 не усвоили учебную программу. Слушателями двухнедельных курсов в июле – августе 1921 г. стали 426 чел., из них 44 показали низкий уровень знаний и поэтому проходили переподготовку¹.

Организация продналоговых курсов по Украине в 1921 г. имела довольно масштабный характер. Лишь в одной Екатеринославской губернии под непосредственным руководством губкома КП(б)У слушателями спецкурса по продналоговой работе были 317 служащих. В результате подготовили 2 губернских, 5 уездных, 89 волостных² инспекторов. Однако поспешно организованное обучение оказалось малоэффективным. Значительная часть абитуриентов не могла освоить учебные программы, поскольку не имела начальной школьной подготовки. Лишь в Одесском губернском продовольственном комитете (далее губпродкоме) в сентябре – октябре 1921 г. 238 налоговиков, прошедших обучение, «еще на экзамене показали свою непригодность», а именно низкий уровень знаний по математике³.

В докладе от 6 ноября 1921 г. (об итогах и перспективах хлебозаготовительной кампании 1921–1922 г.) начальник Управления заготовок Наркомпрода УССР признал: «Налоговый аппарат в том виде, что есть, крайне несовершенен, организован наспех и состоит из “разнородных” и случайных элементов»⁴.

Сделав соответствующие выводы, Наркомпрод уже в декабре 1921 г. во всех губернских и крупных городах Украины (кроме Житомира и Запорожья) организовал очередные двухмесячные курсы обучения.

Понимая жизненную необходимость повышения профессионализма инспектуры для успешного выпол-

нения продовольственных задач и обеспечения органов личным составом, преданным большевистской партии, уже 18 января 1922 г. было принято постановление ВУЦИК «О налоговой инспектуре». В нем перед Наркомпродом УССР были поставлены следующие задачи:

- немедленно начать подбор и подготовку опытных налоговых кадров: проверить всю инспектуру, демобилизовать неграмотных и политически неблагонадежных, приложить все усилия для своевременной организации курсов подготовки налоговых инспекторов и счетоводов, заставить весь личный состав пройти их;

- губисполкомам и всем местным органам обеспечить продорганы помещениями для проведения курсов, а также оборудованием и топливом;

- органам образования обратить внимание на соответствующий уровень проведения занятий, состав лекторов, возложив всю ответственность за процесс обучения на губернские отделы профессионального образования;

- профсоюзам и комбедам приложить все усилия для своевременного обеспечения заявок наркомпрода по пополнению слушателей курсов профсоюзными работниками и крестьянами – членами комбедов⁵.

Выполняя принятое постановление, Подольский губпродком в мае – июне 1922 г. организовал курсы окладного счетоводства, что дало возможность подготовить 56 технических работников. Еще в апреле 1922 г. были открыты курсы подготовки налоговых инспекторов. Экзамены из 220 слушателей сдали лишь 104, остальные – уволены как профессионально непригодные⁶.

С учетом непродолжительности курсов процесс обучения принял практическое направление. Например, на продналоговых курсах Одесского губпродкома аудиторные часы распределялись лишь между тремя учебными дисциплинами: счетоводство и учет сельскохозяйственного налога – 10 ч, изучение процедуры составления списков налогоплательщиков – 10 ч, а на теорию единого сельхозналога было отведено лишь 2 ч⁷.

Однако налоговое законодательство с каждым днем усложнялось, а советская власть выдвигала все более высокие требования к подготовке финансовых работников. Объем учебных программ увеличивался за счет новых дисциплин. Изучалась Конституция СССР, сущность и формирование бюджета, экономическое состояние республики, основы статистики, окладное счетоводство, сельскохозяйственный налог и механизм обложения в сравнении с сельхозналогом РСФСР⁸.

¹ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ). Ф. 539. Оп. 1. Д. 486. Л. 23–24.

² Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 480. Л. 9.

³ ЦГАВОВУ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 511. Л. 7.

⁴ Там же. Ф. 3040. Оп. 1. Д. 60. Л. 2.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины. 1922. Харьков, 1922. № 14. С. 42.

⁶ Государственный архив Винницкой области (ГАВО). Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 470. Л. 15.

⁷ ЦГАВОВУ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 620. Л. 30.

⁸ Там же. Л. 18.

Следует отметить, что определенные недостатки в подготовке продналоговых работников Наркомпрода сохранялись вплоть до слияния с органами Наркомфина 1 января 1924 г. Если в 1921 г. довольно часто использовался недостаточно квалифицированный лекторский состав, то в последующие годы сохранялся низкий уровень начального образования слушателей: половину учебного времени отводили на изучение математики и языка. Кроме того, материальное обеспечение учебного процесса было неудовлетворительным: использовались непригодные для занятия старые помещения, отмечались антисанитария в общежитиях, низкакачественное питание, недостаточное количество учебников, отсутствие практики⁹.

Причем обучение продналоговых работников проводилось в условиях голода 1921–1923 гг., крестьянских волнений, а на практике – с использованием «неналоговых» методов изымания продуктов.

Если профессиональные требования к подготовке налоговиков продовольственных органов в 1921–1923 гг. не были столь высоки (продналог был натуральным и носил раскладочный характер), то абсолютно иными, особенно с 1922 г. (началом денежной реформы и антиинфляционной политики) они стали для инспектуры в структуре Наркомата финансов УСРР (далее Наркомфина). Длительность и фундаментальность процесса обучения советских налоговых кадров вынуждали большевиков на первоначальном этапе, как и в случае Наркомпрода, прибегнуть к «услугам» дореволюционных финансистов. Так, постановлением украинского правительства «О возвращении к работе по специальности работников налогового дела прямого и косвенного обложения и государственных монополий» от 19 сентября 1921 г. декларировалось желание власти принять на службу чиновников царской России. Возвращению подлежали инспектора и их помощники по косвенным налогам, ревизоры, техники губернских акцизных управлений, специалисты из других хозяйственных ведомств и даже военные. Например, финансовым инспектором Гадячской волости в 1922 г. был назначен М.Л. Соседченко, который закончил Киевский университет, имел дореволюционный стаж работы в финансовых органах¹⁰.

Подготовка собственных налоговых кадров Наркомфином, в отличие от Наркомпрода, началась лишь в 1923 г., однако была более масштабной и длительной. Налоговые курсы организовывались на центральном, региональном и губернском уровнях продолжительностью от шести до восьми месяцев. Восемимесячные «центральные курсы по подготовке квалифицированных финансовых работников при НКФ СССР (Наркомфине. – *Авт.*)» в Москве начали работу 1 октября 1923 г. Обучение предусматривало четыре цикла лекций по налоговому, счетно-сметному, банковскому и страховому направлениям. Налоговый отдел предусматривал подготовку инспекторов прямого, не-

прямого налогообложения, ревизоров-инструкторов и работников по налоговому делу. На курсы принимались граждане обоих полов, не моложе 22 лет, которые имели начальное образование либо закончили губернскую совпартшколу, в крайнем случае имели хотя бы один год стажа работы в финансовых органах. По прибытии на место курсанты проходили медицинское обследование. Ответственность за выбор слушателей курсов возлагалась на губфинотделы, которые оплачивали проезд и обмундирование. Зачисленные на учебу получали заработную плату по 10-му разряду, причем питание, проживание в общежитии и пользование библиотечным фондом осуществлялись на бесплатной основе. Каждый губфинотдел Украины мог направить по два своих курсанта. По 25 чел. откомандировывали центральные финансовые органы, по 10 и 30 чел. соответственно Петроградский и Московский губфинотделы, 25 чел. – ЦК РКП(б)¹¹. Так, от Винницкого губфинотдела на курсы в Москву был отправлен бывший заведующий Винницким окружным финансовым отделом И.М. Шнайдер¹².

Шестимесячные региональные налоговые курсы в УССР за 1923/24 финансовый год были организованы дважды в Харькове и один раз в Киеве. В соответствии с распоряжением уполномоченного Наркомфина РСФСР при СНК УССР при Киевском губфинотделе 15 марта 1923 г. были открыты курсы подготовки «квалифицированных финансовых работников». На курсы откомандировывались работники не только губернских и волостных финансовых отделов Киевской губернии, но и представители Полтавского, Подольского, Волынского, Черниговского губфинотделов, а также губернских партийных комитетов (далее губпартком): по 10 вакансий на губфинотдел и по три на губпартком. Абитуриенты должны были иметь стаж работы в финансовых органах, а также пройти медкомиссию и сдать экзамены по математике и русскому языку. По окончании учебы курсант отрабатывал в финучреждениях по специальности не менее двух лет. В противном случае с него требовали оплату стоимости обучения¹³. Всего было подготовлено 30 служащих для работы городскими сборщиками налогов и районными финансовыми агентами, 10 – на должность помощника финансового инспектора. Все они были распределены по губерниям в соответствии с направлениями с прежних мест работы. Так, налоговые органы Подольской губернии пополнили шесть слушателей киевских курсов. Каждый выпускник получал мандат, на основании которого советские организации и железная дорога были обязаны содействовать ему в прибытии на место службы¹⁴.

С усложнением налогового законодательства и делопроизводства возрастали требования к процессу обу-

¹¹ Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 104. Оп. 1. Д. 290. Л. 18.

¹² ГАВО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 112. Л. 3.

¹³ Там же. Д. 99. Л. 126.

¹⁴ Там же. Д. 130. Л. 21.

⁹ ЦГАВОВУ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 620. Л. 1–2.

¹⁰ Там же. Д. 602. Л. 56.

чения на вышеупомянутых курсах. Так, программа налоговых курсов при Одесском губфинотделе в 1924 г. состояла из следующих циклов лекций: общая часть – 4 лекции, налоговая политика советской власти – 4 лекции, промышленный налог – 12 лекций, подоходно-имущественный налог – 12 лекций, гербовый сбор – 6 лекций, не прямые налоги – 16 лекций, неналоговые доходы – 16 лекций, единый сельхозналог – 12 лекций, рента – 6 лекций, техника изымания налога – 4 лекции, наследственные пошлины и особый сбор – 2 лекции. Каждый цикл лекций читал новый лектор¹⁵.

Дисциплина и порядок во время проведения занятий соблюдались очень строго. Старшина курсов ежедневно назначал дежурного, в обязанности которого входили регистрация посещения курсантами занятий и затребование объяснительных записок от тех слушателей, кто пропускал занятия по неуважительным причинам. Дежурный приходил за полчаса до начала занятий. Старшина после каждой лекции подавал рапорт заведующему административной частью курсов о количестве присутствовавших и отсутствовавших, а также о происшествиях¹⁶.

Для прохождения учебы на курсы направлялись прежде всего члены партии, а по социальному происхождению – выходцы из рабочих и крестьян. Так, на шестимесячных финансовых курсах в 1924 г. в Харькове из 51 слушателя 32 были членами ВКП(б), 22 – из рабочих, 14 – из крестьян¹⁷.

Для социального обеспечения курсантов, в соответствии с постановлением Наркомфина СССР от 12 декабря 1923 г. на период учебы за курсантом сохранялись прежнее место работы и заработная плата, а за его семьей – ведомственное жилье, если таковое было предоставлено до прохождения командировки. Кроме того, как уже было указано, курсант получал суточные по 10-му разряду.

Советская власть ограничивала повышение квалификации налоговых служащих лишь за счет специальных курсов и в последующие годы. Обучение налоговых кадров в вузах УССР в период нэпа так и не было организовано. На протяжении всего периода нэпа ни в Харьковском, ни в Киевском институтах народного хозяйства, основанных в 1920 г., факультет по подготовке налоговиков так и не был открыт. Из пяти факультетов Харьковского института лишь финансово-банковский и правовой косвенно давали налоговые знания¹⁸.

Повышению экономического образования финансовых работников УССР сопутствовал выпуск специальной литературы и периодических изданий как в центре, так и на местах. Уже с 1 января 1921 г. при управлении Уполномоченного Наркомфина РСФСР

при СНК УССР начал издаваться ежемесячный журнал «Вестник Уполномоченного Наркомфина РСФСР на Украине»¹⁹. В июле 1923 г. на совещании заведующих налоговыми отделами окружных финансовых отделов Подольской губернии было принято решение об организации выпуска периодических сборников по вопросам формирования доходов и расходов местного бюджета²⁰.

Повышению профессиональной подготовки налоговых работников сопутствовали периодические совещания и съезды финансовых работников, на которых не только рассматривались итоги и задачи деятельности налоговых органов, механизмы решения налоговых проблем, но и происходил обмен «налоговым опытом». Например, 10 января 1923 г. в Одесской губернии начали работу волостные финансовые съезды лишь по налоговым вопросам²¹. На съезде финансовых работников той же губернии в середине января 1924 г. рассматривались вопросы о состоянии налоговой и бухгалтерской отчетности, новые законодательные акты в этой области²². На Всеукраинском совещании налоговых работников в конце 1926 г. розгорелась дискуссия о позитивных и негативных сторонах объединения функций начисления и изымания налогов в работе финансовых служащих²³.

Однако уже в 1923 г. в работе налоговых органов УССР появились негативные моменты: начались «чистки», а именно увольнения политически неблагонадежных, проводимые органами рабоче-крестьянской инспекции по инициативе партии, которые пагубно влияли на качество кадрового состава. Так, по Одесскому губфинотделу к середине января 1923 г. из 63 уволенных служащих все имели дореволюционный опыт работы²⁴.

В соответствии с циркуляром Наркомфина СССР от 4 января 1924 г. «О проведении проверки личного состава налоговых органов политических и технических знаний» с 15 марта по 15 апреля 1924 г. в каждой губернии все финансовые работники прошли через собеседования и экзамены на предмет профпригодности, причем «политические знания» были основным критерием для дальнейшей работы в органах²⁵. Так, к началу мая 1924 г. Подольским губфинотделом была проведена «чистка» среди налоговиков внутренней инспекции, а проверка инспекторов прямого и непрямого налогообложения наружной инспекции продолжалась и далее²⁶.

Таким образом, профессиональная подготовка налоговых кадров УССР в период нэпа была непоследовательной и противоречивой. До 1925 г. она характеризуется активными, решительными действиями

¹⁵ ГАОО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 290. Л. 18.

¹⁶ Там же. Л. 6–8.

¹⁷ ЦГАВОВУ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 1706. Л. 81–83.

¹⁸ Михайличенко Д.Ю., Срмаченко В.С., Сахно О.А. Нариси з історії Харківського національно-економічного університету / під заг. ред. В.С. Пономаренка. Харків, 2005. С. 63.

¹⁹ ЦГАВОВУ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 602. Л. 128.

²⁰ ГАВО. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 476. Л. 58.

²¹ ГАОО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 200. Л. 41.

²² Там же. Д. 354. Л. 1.

²³ ЦГАВОВУ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 7463. Л. 9.

²⁴ ГАОО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 227. Л. 157.

²⁵ ГАВО. Ф. Р. 27. Оп. 2. Д. 218. Л. 38.

²⁶ Там же. Л. 31.

власти: масштабной организацией налоговых курсов, привлечением квалифицированных дореволюционных служащих, значительным социальным обеспечением «новых» налоговых кадров, выпуском финансовой периодики. Не в последнюю очередь благодаря этим достижениям удалось стабилизировать бюджет советского государства. Однако в дальнейшем подготовка налоговых работников не стала фундаменталь-

ной: отсутствовала система налогового образования, а политические «чистки» налоговых органов значительно ухудшали эффективность действий власти в повышении профессионального уровня налогового аппарата УССР.

*Статья поступила
в редакцию 30.10.2013*

УДК 94(47).084.8

В.А. КАЛИНИН

ЛАГЕРНЫЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ТРАНСПОЛЯРНОЙ МАГИСТРАЛИ

ООО «Газпромнефть Научно-технический центр»,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: v.kalinin69@mail.ru

С возникновением и развитием советской уголовно-исполнительной системы, расширением сети лагерей и колоний ОГПУ–НКВД–МВД СССР появилась своеобразная лагерная субкультура, которую можно охарактеризовать как компенсаторно-творческий механизм адаптации и самореализации личности в экстремальных условиях заключения. В рамках осуществления культурно-воспитательной работы (КВР) в лагерях ГУЛАГа функционировали многочисленные лагерные творческие коллективы.

Одним из наиболее ярких исторических феноменов послевоенного этапа в эволюции ГУЛАГа в сфере идеологической и культурно-массовой работы стала деятельность театрально-музыкальных учреждений Северного управления лагерей железнодорожного строительства (СУЛЖДС), занимавшегося возведением Трансполярной железной дороги Чум (Воркута)–Салехард–Игарка.

Возникший в 1947 г. на базе лагерных культурно-воспитательных учреждений Печорского ИТЛ, по инициативе руководства грандиозной стройки, музыкально-драматический театр СУЛЖДС достиг своего расцвета к 1950 г. Театр был востребован лагерной администрацией, прежде всего, как средство развлечения для руководства стройки и вольнонаемной публики. Для заключенных театр давал сравнительно небольшое количество постановок. Спектакли и концерты проводились в лагпунктах в целях поощрения передовиков трудового соревнования, создания ограниченного по своим масштабам компенсаторного механизма для людей, работающих в экстремальных климатических условиях, в качестве элемента релаксации и культурного отдыха. Театр был включен в систему функционирования культурно-воспитательного отдела СУЛЖДС.

В условиях, когда отлаженный механизм строительства стал давать сбой, а крупный инфраструктурный проект локализован в зонах с минимальной производственной активностью, театр был оперативно закрыт как рудимент, случайно сохранившийся от периода бурного развития строительства. Закрытие театра произошло в 1950 г., а через два с половиной года строительство Трансполярной магистрали было полностью прекращено.

Ключевые слова: Трансполярная магистраль, ГУЛАГ, театральные коллективы, сталинские репрессии, культурно-массовая работа.

Особенности возникновения, становления и развития лагерных театров в системе ГУЛАГа в значительной степени зависели от специфики деятельности территориального подразделения, его географического расположения, периода развития уголовно-исполнительной системы, сложившихся традиций, методов проведения культурно-воспитательной работы и т. д. Очень часто судьба творческих коллективов заключенных находилась в прямой зависимости от благосклонности лагерного руководства.

В отчетной и распорядительной документации НКВД–МВД лагерные учреждения культуры именовались театрами производственных или строительных предприятий. Принадлежность учреждения к системе

ГУЛАГа в афишах и пригласительных билетах не указывалась [1, с. 23].

Например, театры Дальлага и СУЛЖДС (позже – Обского исправительно-трудового лагеря) назывались соответственно театрами Дальстроя и Северного управления строительства.

Составители сборника «Театр ГУЛАГа» справедливо замечают: «Без театральных красок, если не обесцвечивается полностью, то теряет важные оттенки картина жизни, которая шла за тюремной стеной и запреткой. Именно эстетического начала зачастую недостает исследователям и мемуаристам, сосредоточившим внимание на политико-социальной стороне ГУЛАГа» [2, с. 11].

Один из наиболее ярких исторических феноменов «позднего», послевоенного ГУЛАГа в сфере идеологической и культурно-массовой работы – деятельность театрально-музыкальных учреждений СУЛЖДС, занимавшегося возведением Трансполярной железной дороги Чум (Воркута)–Салехард–Игарка.

Согласно действующей нормативно-методической документации, перед культурно-воспитательными отделами (КВО) исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) ставились задачи по выполнению производственного плана путем организации между заключенными трудового соревнования, оказания помощи администрации по укреплению режима, а также другие, менее важные, но все же обязательные цели. Среди основных задач значилась и культурно-воспитательная работа.

Руководители СУЛЖДС, пользуясь формально предоставленным правом по организации художественной самодеятельности, создали в своей «вотчине» настоящие «придворные» театры.

Очевидцы событий свидетельствуют: «Начальник строительства 501 Василий Арсениевич Барабанов и новый начальник политотдела Панфилов считали театр очень нужным учреждением, не позволявшим многочисленным вольнонаемным сотрудникам затосковать и спиться в мрачной обстановке полярных ночей, неустроенного быта и лагерных нравов, а также осуществлявшим культурное обслуживание десятков тысяч заключенных» [3, с. 142].

Таким образом, мотивация создания тюремного театра базировалась исключительно на рационалистических установках руководства стройки, озабоченного в первую очередь выполнением поставленной задачи, но подходившего к решению этого вопроса неформально.

Принципы организации и содержание деятельности театра противоречили ряду нормативно-методических указаний МВД СССР. В июле 1946 г. была принята директива «Об организации и использовании ансамблей, театральных трупп и концертных бригад из заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях». В ней отмечалось, что «вольнонаемные работники совместно с заключенными участвуют в организованных ансамблях, театральных труппах, концертных бригадах и т. д. Имеют место выезды заключенных, работающих в театральных коллективах, с концертами и постановками за пределы лагерей и колоний. Такое положение нельзя признать нормальным. Впредь запрещается в театральные коллективы, состоящие из вольнонаемных, включать заключенных, а также не допускать выездов за пределы лагерей и колоний театральных коллективов, состоящих из заключенных» (цит. по: [4, с. 125]).

Несмотря на прямой запрет по организации такого рода учреждений, театр был сформирован на ст. Абезь Коми АССР в 1947 г. В Абези до 1949 г. располагался штаб строительства Трансполярной магистрали. Максимальное число сотрудников в те-

атре достигало 200 чел. Среди актеров и театральных работников на всем протяжении деятельности коллектива были как заключенные, так и вольнонаемные.

Формирование театрального коллектива, по словам очевидцев, происходило в лучших гулаговских традициях: «Театр, с разрешения Барабанова имел право брать людей в труппу из колонн и лагерных пунктов, если там среди заключенных попадались артисты, музыканты, художники и вообще, все, кто мог быть нужен театру, вплоть до осветителей и бутафоров. У директора театра Алексеева и начальника политотдела Панфилова были бланки так называемых спецнарядов. Спецнаряд, на котором красным карандашом была подпись Барабанова, а дальше был карт-бланш, куда дирекция театра имела право вписывать фамилию заключенного, которого забрали из колонны в театр» (цит. по: [5, с. 42]).

Организация театра, его повседневная деятельность была обусловлена целями и задачами строительства самой Трансполярной магистрали, темпами ее продвижения вперед (от Воркуты к Игарке). Начало работы театра было бурным, энергичным. «Представители стройки были командированы в Москву, где приобрели прекрасную световую аппаратуру для сцены, обновили занавес, кулисы, механизм сцены» [1, с. 143].

Театр по возможности снабжали инвентарем, мебелью, тканью, красками, различными подсобными материалами. Актерам старались создать приемлемые условия для жизни и творчества: «...людей селили в спецбаракы. Семейным парам предоставляли отдельную комнату, с отсутствием двухэтажных нар. Питались не из общего котла. Отсутствовала лагерная униформа. Ведущим актерам приказали пошить костюмы, из не особо дорогого материала, но приличного. Все ходили в этих костюмах. На юбилей театра разрешили водку заключенным принести, буфет организовали» [1, с. 143].

Репертуар театра на первом этапе его существования (1947–1949 гг.) составляла советская драматургия – «Человек с того света» В. Дыховичного и М. Слободского, «Вас вызывает Таймыр» А. Галича, «Жили три друга» А. Успенского, лучшие опереточные вещи тех лет – «Свадьба в Малиновке», «Холопка», «Одиннадцать неизвестных», а также классика оперетты – «Летучая мышь», «Голубая мазурка».

Артисты в 1947–1950 гг. ездили с гастрольями по всей трассе строящейся дороги, вылетали на далекие «точки», где зимовали изыскатели и проектировщики, выступали перед жителями северных городов и рабочих поселков.

Дмитрий Зеленков, художник театра, трагически погибший в Енисейском ИТЛ в 1951 г., в письме домой рассказывал: «Весной 1948 года оказался я в заполярном Урале (пос. Абезь), где довольно быстро попал в театр. В течение одного года в театре этом я занял очень прочную позицию. Работать приходилось очень много. За 1 год я оформил более 10 спектаклей. Работы

мои высоко ценились и я пользовался всеми благами, возможными в нашем положении»¹.

Чуть позже он же писал своему другу на волю. «В начале августа опереточная часть нашего театра получила приглашение посетить г. Норильск – это еще дальше на север. За нами выслали комфортабельный пароход, я и гл. дирижер театра заняли каюту I-го класса и поплыли по волнам Енисея дальше на север. Я всегда вспоминаю эту поездку с удовольствием. Полтора месяца гастролей с прекрасным питанием, очень уютным жильем, успехом у публики, стыдливими взглядами некоторых дам, взволнованных, очевидно, видом моих черных вьющихся бакенбардов, которые время от времени почему-то появляются у меня, – все это вместе взятое составляет приятный материал для воспоминаний»².

По мере продвижения строительства на восток (от Салехарда к Игарке) наступали перемены и в организации театрального дела. В 1949 г. оперетту и драму отправили в енисейскую тайгу – там развертывало свою работу строительное управление № 503 СУЛЖДС. Оперетту в итоге «высадили» в Игарке, а драматическую труппу отправили в пос. Ермаково, где находился штаб 503-й стройки. В Салехард (базовый город стройки № 501) откомандировали эстрадную группу (джаз-оркестр Зиновия Бинкина).

В 1949–1950 гг. музыкально-драматическая труппа с большим успехом работала в помещении городского театра Игарки. В Игарке местный театр не выдержал конкурентной борьбы в соперничестве с лагерным учреждением. «В то время, когда мы переехали в Игарку, там был городской театр имени Веры Николаевны Пашенной. Мы сыграли “Холопку” в первый же день приезда – и этот городской театр расформировали. Ни одного билета не смогли продать на их спектакли, а у нас не достать было билетов. У нас ведь была оперетта, джаз, драма. Весь репертуар был заполнен» [1, с. 45].

Драматическая труппа работала над русской классикой – ставили «Последнюю жертву» А. Островского, «Двенадцать месяцев» С. Маршака, небольшие интермедии по рассказам А.П. Чехова, скетчи. «В театре, бывало, давали по два спектакля в день: утром и вечером. Это требовало усиленных репетиций. Раньше других слабели артисты балета – сперва танцовщики-мужчины, потом и балерины. Заболевших ставили на УДП (усиленное дополнительное питание, в переводе на реалистический язык – “умрешь днем позже”), но это было столь слабым подспорьем, что театр и зрители несли потерю за потерей» [6, с. 9].

Однажды среди трофейного хлама, сваленного на берегу реки в порту г. Игарки, заключенные актеры обнаружили не что иное, как сценический реостат Дрезденского оперного театра. Вывезенный по

репарациям из Германии, он был по ошибке доставлен в Красноярск, а оттуда «сослан на север», где и был выброшен в утиль как ненужный мусор. Реостат отремонтировали, через месяц он стал работать не хуже, чем в Дрездене. «Именно с помощью этого реостата и обыкновенных кулисных и осветительных устройств спектакль “Двенадцать месяцев” стал потрясающей сценической феерией. На глазах у зрителей волшебным образом расцветали фантастические цветы, а в их чашечках вспыхивали разноцветные огоньки под волшебную музыку, написанную заключенным композитором и пианистом (который сам и дирижировал в этом спектакле)... театр бушевал от оваций...» [7, с. 87].

Чтобы актеры и режиссеры театра все же не забывали, к какому сословию они принадлежат, их время от времени направляли на общие работы – разгружать, таскать, строить. «Частенько поднимали ночью по сигналу аврала на разгрузку угля. Производилась она пудовыми лопатами с железнодорожных платформ в Абези, а в Игарке – с барж. Бывали и срочные работы по лагерю, когда, например, после ночной пурги требовалось отвалить наметенные снежные горы от ограждения зоны» [8, с. 45].

В то же время отправленная в далекий пос. Ермаково драматическая труппа практически не имела возможности плодотворно работать, не было помещения, не было таких зрителей, как в Игарке, но и там надеялись на лучшие времена, ожидая весной 1950 г. масштабного развертывания строительства.

В итоге с театром, превратившимся из забавы в яркий и не всем угодный феномен, предпочли скоропалительно расправиться. Весной 1950 г., когда в Игарке шел генеральный «прогон» «Сильвы», театр попросту закрыли, а актеров разбросали по разным лагерным отделениям стройки. «Примечательной была преамбула к этому постановлению, вынесенному комиссией: “Признать театр Музкомедии Ансамбля КВО лучшим музыкальным театром в Красноярском крае...” Постановление заканчивалось пунктом о немедленном закрытии сего театра, ввиду создания излишнего авторитета заключенным исполнителям и т. д.» [8, с. 45].

Сами актеры, да и многие зрители, называли этот театр «крепостным», но пока он действовал, то неизменно давал убежище собравшим под его крышей узникам. Для актеров театр был настоящим спасением, на которое они вряд ли надеялись, попав в лагерь. Сами очевидцы говорят об этом более чем красноречиво. «Если строители очень не хотели по утрам покидать неуютный, но хоть теплый барак и выходить с ломами, лопатами, кирками на мороз, на продуваемую всеми ветрами трассу, где конвой грелся у костра, а заключенные мерзли и надрывались, то артисты стремились поскорее покинуть постылый барак и хоть под конвоем, но прийти в театр, где их ждала работа, которой они были рады отдаться, как единственно светлomu, что было в их страшной жизни» [7, с. 205].

¹ Дмитрий Владимирович Зеленков. Письма из лагеря. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/memuar/Zelenkov/Zelenkov.htm> (дата обращения: 16.01.2014).

² Там же.

Работа таких учреждений, как театр на 501-й стройке, подтверждает, что нахождение на грани жизни и смерти, угроза деградации личности вызывают радикальные перемены в мироощущении и творческом самовыражении человека.

Несомненно, творчество артистов «крепостного театра» подчинялось и неким общим закономерностям, которые определяют стиль мышления и особенности поведения человека в экстремальных условиях. Прежде всего, им хотелось просто выжить, остаться в живых в тех условиях, мало напоминавших человеческие. Страх, понимание того, что, попав в общий строй заключенных, они почти непременно сгинут, будут раздавлены жестокой действительностью, были главными стимулами к самым возвышенным творческим проявлениям, к поиску и воплощению на сцене сложнейших художественных образов.

Речь действительно шла о выживании: «...если в зонах “воры в законе”, “суки” и другие представители уголовного мира измывались над несчастными “политиками”, держали их в черном теле и угнетали, как могли, то в театре тон задавали интеллигенты, профессионалы, в большинстве своем осужденные по пресловутой 58-й статье» [3, с. 146].

В то же время у актеров и режиссеров тюремного театра существовала и своеобразная установка на противодействие тем нечеловеческим условиям, с которыми они столкнулись в лагере, свою человеческую и нравственную позицию они отстаивали через творчество. Возможность заниматься творчеством, следить, хотя бы в минимальной степени, за театральной ситуацией, за изменениями «на культурном фронте», в общем, быть в какой-то степени причастными к утерянному ими миру заставляла актеров и режиссеров «крепостного театра» прилагать все силы, чтобы поддерживать себя в рабочем состоянии.

Один из актеров «крепостного театра» Юсуф Аскаров вспоминал: «...я выжил только благодаря театру. Ему я обязан тем, что сейчас с вами. Мы могли работать в театре по десять-двенадцать часов и больше. Мы с головой погружались в репетиции, читки, спектакли, поездки по лагпунктам. Знаешь, это спасло. Некогда было думать о своей беде. Работа затмевала все горькие мысли о собственной судьбе»³.

В свою очередь те усилия, которые в силу сложившихся обстоятельств были вынуждены прилагать заключенные актеры и режиссеры, реально помогали им выжить и в свою очередь достичь своеобразного творческого эффекта.

В то же время актеры, режиссеры и музыканты лагерного театра, несомненно, испытывали в своей борьбе за существование и своеобразный эффект раздвоения творческой личности, описанный в современной исследовательской литературе, когда они, воспроизводя заранее согласованные тексты и символы, доносили до зрителя и некий иной смысл, прежде

всего свои личностные переживания. «Параллельное бытие на подмостках сталинского официоза и наедине, за закрытыми дверями мастерской, чаще протекало как бы согласно различным художественным законам» [9, с. 164].

Театр 501-й стройки формально подчинялся основным правилам функционирования культурно-массовых учреждений ГУЛАГа, весь репертуар проходил предварительное согласование и утверждался руководством культурно-воспитательного отдела СУЛЖДС⁴.

В ходе эволюции театр СУЛЖДС приобрел ярко выраженные индивидуальные черты, к нему был столь расположен не только заключенный, но и вольнонаемный зритель, публика замшелых тундровых поселков и небольших северных городов.

По обрывочным данным трудно судить об эстетических достоинствах театральных постановок, о силе игры актеров и особенностях сценографии, качестве декораций и правдоподобию используемых в пьесах костюмов. Постановки лагерных театров не претендовали на собственное слово в искусстве, не стремились и не могли изменить эстетическую реальность, но новая квазиреалистическая энергия у творцов лагерной сцены присутствовала в силу абсолютной иррациональности ситуации, в которой оказались режиссеры и актеры творческих подневольных коллективов. Экзистенциальный характер их бытия в мире, где каждый день конкретный человек сталкивался с опасностью для жизни, и регулярно – со смертью, не мог не придать особый колорит спектаклям и представлениям на лагерных театральных подмостках. И зрители, и режиссеры, и актеры на самом деле вместе высказывались веско и громко; по сути, они единогласно, хотя и безмолвно, выносили суровый приговор окружающей действительности, которая оказывалась и абсурднее и трагичнее, чем любой из самых изощренных сюжетов, разыгрываемый на сцене лагерного театра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стройка № 503 (1947–1953 гг.). Документы. Материалы. Исследования. Красноярск, 2012. Вып. 3.
2. Театр ГУЛАГа: сб. воспоминаний / под ред. М.М. Коралова. М., 1995.
3. Гриценко В.Н., Калинин В.А. История «Мертвой дороги». Екатеринбург, 2010.
4. Селезнев И.В. Воспитательная система в местах лишения свободы в Советском государстве: организация и правовое регулирование: 1917–1956 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006.
5. Стройка № 503 (1947–1953 гг.). Документы. Материалы. Исследования. Красноярск, 2000. Вып. 1.
6. Штильмарк Р. Крепостной театр. Игарка, 2001.
7. Херсонский А. Миров связующая нить. Салехард, 2005.
8. Штильмарк Р. Горсть света. М., 1999.
9. Морозов А.И. Конец утопии. М., 1995.

Статья поступила
в редакцию 22.11.2013

³ Юхин Леонид Иванович. Воспоминания очевидца. Фонды Игарского краеведческого комплекса НВФ 793.

⁴ ГАРФ. Ф. 9407. Оп.1. Д. 1171. Л. 121.

УДК 94(47+571).084.8

Р.Е. РОМАНОВ

ДЕНЕЖНЫЕ СТИМУЛЫ ТРУДА РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ОБОРОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: rromanov1981@mail.ru

Статья посвящена выявлению роли денежных стимулов в интенсификации производственной деятельности рабочей молодежи оборонных предприятий Сибири в годы войны. С этой целью проанализированы динамика, виды, дифференциация оплаты труда и отношение к ней юных заводчан. Охарактеризованы изменения в среднем размере заработной платы заводских учеников и рабочих, в частности в возрасте до 25 лет. Показано использование повременной, сдельной и прогрессивной оплаты, а также соотношение этих стимулирующих форм заработной платы на крупных предприятиях региона. Отмечены различия в заработках юных тружеников в зависимости от условий, содержания, объема и качества выполняемой работы, в том числе между их самыми низко- и высокооплачиваемыми категориями – подсобными работниками и высококвалифицированными рабочими-стахановцами. Рассмотрено применение премиальной системы поощрения стахановского труда, отличавшегося высокой производительностью. В статье освещены условия повседневной жизни военного времени, повлиявшие на уменьшение значения зарплаты в жизнеобеспечении молодых рабочих. Показано существенное сокращение ее реального содержания в связи с ростом фискального прессы со стороны государства и рыночных цен. Вместе с тем, отмечено, что нормированное распределение продуктов питания и промтоваров носило характер товарно-денежного обмена, что исключало полное обесценивание заработков в глазах юных тружеников. Благодаря этому заработная плата была одним из важных факторов выживания рабочей молодежи в военные годы. Невыплата или задержка зарплаты могла вызвать негативные настроения в ее среде и привести к нарушению производственной дисциплины. Однако в целом денежное вознаграждение перестало играть самостоятельную роль в материальном стимулировании юных заводчан, так как реальное содержание трудовых доходов поддерживалось лишь благодаря системе нормированного снабжения.

Ключевые слова: сибирский тыл, оборонная промышленность, рабочая молодежь, денежные стимулы труда, заработная плата.

В годы Великой Отечественной войны одной из форм материального стимулирования труда рабочих оборонных предприятий являлась его денежная оплата. Несмотря на возрастание роли нормированного снабжения, рычагов морального воздействия, заработная плата, премирование и прочие выплаты оставались в арсенале трудовых стимулов, использовавшихся для поощрения промышленного персонала. В военное время более половины рабочих, выпускавших вооружение и боеприпасы, составляла молодежь в возрасте до 25 лет. В данных условиях виды денежного вознаграждения распространялись, прежде всего, на юношей и девушек, впервые поступивших на производство. Наиболее высоким рост зарплаты был на предприятиях азиатской части СССР. В связи с этим изучение вопроса о стимулирующем влиянии заработка на трудовую деятельность юных работников оборонных заводов сибирского тыла является весьма актуальным.

В новейшей отечественной историографии имеются неоднозначные точки зрения относительно роли денежных стимулов в годы войны. Одна из них сводится к тому, что материальное стимулирование не имело существенного значения для формирования у работников мотивов к труду (В.А. Сомов) [1; 2]. Дру-

гая позиция заключается в наличии значительного влияния материального вознаграждения, в том числе денежных выплат, на трудовую активность рабочих (А.В. Шалак) [3].

В одной из своих публикаций автор данной статьи также уделит внимание выявлению эффективности мер по стимулированию труда рабочей молодежи сибирского тыла. В частности, был сделан вывод об изменении в условиях войны соотношения между зарплатой и нормированным снабжением в пользу последнего [4]. Более детальная разработка этого аспекта наводит на мысль о том, что роль заработка в поддержании интенсивной производственной деятельности юных тружеников оборонных предприятий не упала до нуля, а качественно изменилась под влиянием условий военного времени. В связи с этим цель данного исследования заключается в выявлении динамики, видов и дифференциации оплаты труда, а также отношения молодых рабочих к денежным стимулам.

В годы войны массовое включение молодежи в производство сопровождалось ее коротким техническим обучением. Во время учебы по специальности подростки и молодые люди получали ученическую заработную плату. В 1944 г. на предприятиях Наркомата боеприпасов среднемесячная ученическая зарплата

достигала 145 руб.¹ На пяти заводах и комбинатах промышленности боеприпасов Новосибирской области этот показатель составлял 223 руб. С учетом сведений по другим военно-промышленным отраслям он был немного ниже. В 1943 г. по девяти оборонным заводам Сибири ученики зарабатывали 215 руб., в 1944 г. – 207 руб. Размер их оклада к концу войны немного сократился.

Средний заработок квалифицированных рабочих в 2,5–3 раза превышал ученический. В годы войны его размер в отраслях оборонного комплекса заметно увеличился. Если в 1940 г. заработная плата авиастроителей составляла 473 руб., то в 1944 г. – 686 руб. На сибирских предприятиях авиапрома она повышалась быстрее, чем по отрасли в целом. На заводе им. В.П. Чкалова зарплата рабочих увеличилась с 433 руб. в 1940 г. до 788 руб. в 1944 г., или на 82 % (по авиапрому – на 45 %). В целом уровень оплаты труда в производстве вооружения и боеприпасов Сибири заметно возрос. В 1943 г. по 15 оборонным предприятиям региона рабочие получали в среднем 609 руб., в 1944 г. – 669 руб.² Следовательно, только за один год их заработки выросли на 10 %.

Что касается данных о заработной плате заводской молодежи, то они являются фрагментарными. По воспоминаниям ветерана новосибирского завода № 386 А.Н. Алексеевой, ее величина составляла от 400 до 600 руб. [5, с. 72]. Весной 1943 г. на заводе № 644 юноши и девушки зарабатывали от 200 до 800 руб., осенью – от 250 до 1000 руб. Осенью 1944 г. на красноярском заводе № 703 средний оклад трудящихся до 25 лет достигал 450–500 руб., в том числе в механическом цехе – 275, механосборочном – 454, антикаррозийном – 562 руб.³ Разница в зарплате объясняется различными специальностями, квалификациями, условиями и содержанием труда юных заводчан.

Существенные различия в заработках являлись следствием политики отраслевых наркоматов и ЦК профсоюзов, дирекций заводов по материальному стимулированию трудовой деятельности рабочих. В годы войны на оборонных предприятиях Сибири действовала восьмиразрядная тарифная сетка заработной платы с ее разницей в 3,6 раза. Дифференциация заработка обуславливалась поразрядно возрастающими ставками повременной и сдельной оплаты труда. Повременная оплата зависела от продолжительности, условий и трудоемкости работы, квалификации, сдельная –

от количества и качества изготовленной продукции с учетом установленных норм и расценок. «Сдельщина» позволяла при перевыполнении сменных заданий переводить трудящихся на прогрессивную оплату. При выработке опытно-статистических норм от 101 до 120 % сдельные расценки увеличивались на 50 %, свыше 120 % – на 100, расчетных технических норм от 101 до 110 % – на 100, свыше 110 % – на 200 %. В отличие от сдельщиков, повременщики за высокие показатели получали премию в размере от 20 до 50 % от месячного оклада⁴.

О стремлении руководства крупных оборонных заводов Сибири использовать стимулирующие системы оплаты труда в отношении заводской молодежи свидетельствуют данные по новосибирским предприятиям НКБ. В середине 1942 г. при ее высоком удельном весе (60–85 %) на комбинате № 179 сдельную заработную плату получали 60–80 % рабочих. На прогрессивной оплате находились 50–60 % всех сдельщиков⁵. На 1 января 1944 г. на заводе № 635 доля юношей и девушек составляла 60,5 %. Сдельные заработки имели две трети трудящихся предприятия, в том числе прогрессивные – около 1/5, повременные – треть⁶. Следовательно, большинству молодых заводчан выплачивалась сдельная зарплата.

Более наглядно применение сдельщины характеризует дифференциация оплаты труда в одних и тех же профессиональных и квалификационных категориях рабочей молодежи. В 1944 г. на заводе № 703 рабочие-сдельщики до 16 лет зарабатывали от 150 до 200 руб., от 16 до 25 лет – от 300 до 500 руб. На комбинате № 179 подростки, имевшие третий-пятый разряд, получали 300–400 руб. или в 1,5–2 раза меньше основной массы рабочих⁷. Эти различия в заработной плате были связаны с разницей в содержании, объеме и качестве выполняемой работы, влиявших на размер сдельного заработка.

Нередко начальники заводских цехов давали подросткам низкоквалифицированную работу. Осенью 1942 г. воспитанники Томского ремесленного училища № 10 Г. Казаков, А. Соловьев, Е. Макаров, П. Бомбенко изготавливали шаблоны для серийного выпуска деталей. Средняя зарплата выпускников РУ составляла 130 руб. Занятость юных тружеников в непроизводственных цехах предприятий приводила к еще большему снижению их потенциального заработка. В 1943 г. на заводе им. В.П. Чкалова чернорабочие-подростки получали по 60–70 руб.⁸ Данный контингент трудящихся являлся самым низкооплачиваемым в связи с выполнением подсобной работы.

Квалифицированные производственники, напротив, имели возможность значительно повысить зара-

¹ *Парамонов В.Н.* Тени военного времени 1941–1945 гг.: распределение и спекулятивный рынок // Вестник Самарского гос. ун-та. 1999. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/content/hist.html>

² Посчитано по: Государственный архив Красноярского Края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 4. Д. 19. Л. 94; Ф. Р-1341. Оп. 1. Д. 30. Л. 16; Д. 35. Л. 16; Д. 38. Л. 12; ГАКО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 2. Л. 27, 37, 58; ГАНО. Ф. 11. Оп. 46. Д. 27. Л. 1; Д. 60. Л. 27; Д. 85. Л. 15; Д. 88. Л. 32; Д. 91. Л. 17; Д. 92. Л. 25; Д. 96. Л. 35; Д. 99. Л. 13; Д. 122. Л. 10; Д. 126. Л. 12; Д. 128. Л. 29; Д. 131. Л. 12; Д. 132. Л. 14; Д. 137. Л. 29; Д. 140. Л. 42; Д. 142. Л. 32; ГАТО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 5. Л. 27, 33; ГА РФ. Ф. Р-8044. Оп. 1. Д. 2976. Л. 36.

³ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 706. Л. 49; ГАКК. Ф. П-1474. Оп. 3. Д. 675. Л. 75.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 129. Л. 43.

⁵ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 710. Л. 18; ГА РФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 129. Л. 70.

⁶ ГАНО. Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 31. Л. 88–89.

⁷ ГАКК. Ф. П-1474. Оп. 3. Д. 675. Л. 75; Д. 676. Л. 13; ГА РФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 279. Л. 154.

⁸ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1184. Л. 112; Оп. 1. Д. 712. Л. 197.

ботки за счет включения в стахановское и ударническое движение, комсомольско-молодежные бригады. В 1943 г., по сведениям ЦК ВЛКСМ, в авиационной промышленности молодые токари и слесари 5–6 разряда зарабатывали от 850 до 1300 руб. в мес. В июне 1943 г. на омском заводе № 166 одна из фронтовых бригад, состоявшая из пяти рабочих, получила 6370 руб. С учетом заработной платы бригадира в 1770 руб., на остальных четырех приходилось в среднем по 1150 руб.⁹ В это время на новосибирском заводе № 520 НКБ при рабочем окладе в 544 руб. заработки юных стахановцев Берестова, Варнавского, Головни, Гордышева, Худякова составляли от 600 до 821 руб.¹⁰ Стахановские зарплаты превышали средний уровень оплаты труда по предприятию на 10–50 %.

Еще одним фактором неравенства трудовых доходов рабочих являлось премирование. Количество и удельный вес трудящихся, охваченных премиальной системой, были незначительными. В 1943–1944 гг. на заводе № 635 их число составляло от 41 до 256 чел., доля в составе персонала – от 1,7 до 9,7 %¹¹. Особое внимание дирекции предприятий уделяли премированию победителей соцсоревнования, конкурсов лучших рабочих по профессии, многостаночников, рационализаторов. В феврале 1943 г. за 3-е место во Всесоюзном соревновании по НКАП, завоеванное бердским заводом № 296, премии получили 130 молодых рабочих. На омском заводе № 29 были премированы 80 юношей и девушек, обслуживавших по два или несколько станков¹². В целом премии выплачивались стахановцам и ударникам за высокие производственные достижения.

Размеры премий устанавливались приказами директоров предприятий. В 1943 г. на новосибирском заводе № 677 победители конкурса на звание лучшего слесаря-наладчика автоматов и слесаря по ремонту оборудования получили премиальные выплаты от 500 до 1000 руб. На заводе № 842 (Юрга) расточник Алпаев был премирован на 400 руб., обмотчица Гладких – 500, фрезеровщик Самусенко – 500, регулировщик Медведев – на 600 руб.¹³ В случае с бригадами дополнительное вознаграждение сначала выплачивалось всему коллективу, а затем распределялось между его отдельными работниками. В 1944 г. на Томском электромеханическом заводе бригадам, занявшим 1-е место в соревновании, выдавалась премия в размере 1900 руб., 2-е место – 950 руб., 3-е место – 500 руб. В феврале 1945 г. на заводе № 644 каждая бригада, удостоенная звания «фронтовой», награждалась премией в сумме 1000–1200 руб., «гвардейской» – 1500–2500 руб.¹⁴ В целом премиальные выплаты также увеличивали разницу в размере оплаты труда рабочей молодежи.

⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 8. Д. 85. Л. 7; Д. 101. Л. 30.

¹⁰ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 712. Л. 29.

¹¹ ГАНО. Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 31. Л. 88; Д. 45. Л. 29.

¹² ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 6. Д. 119. Л. 8.

¹³ Там же. Оп. 7. Д. 128. Л. 21; ГАКО. Ф. П-15. Оп. 1. Д. 15. Л. 32.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 764. Л. 40; Д. 954. Л. 68.

С точки зрения руководства наркоматов и предприятий применение стимулирующих систем и дифференциация оплаты труда должны были побуждать молодых рабочих к улучшению производственных показателей. Однако условия тыловой повседневности нивелировали разрыв в зарплате между низко- и высокооплачиваемыми категориями трудящихся. В первой половине 1940-х гг. в СССР существенно выросли налоги и госзаймы. Если в 1940 г. из 340-рублевого заработка рабочего удерживалось 32 руб. 30 коп., то в 1944 г. из 484-рублевого – 145 руб. 20 коп. [6, с. 238]. Доля его трудового дохода, отчислявшаяся в госбюджет, увеличилась с 9,5 до 30 %.

Огромное влияние на снижение реального содержания заработной платы оказывал рост рыночных цен на товары. В связи с этим потенциальная потребительская корзина горожан резко сократилась. В октябре 1941 г. молодой рабочий оборонного завода Новосибирска, получавший в среднем 400–500 руб., мог купить 150–190 кг картофеля или 19–24 кг говядины. В апреле 1943 г. при зарплате в 600 руб. он имел возможность приобрести 12,6 кг картофеля или 2,7 кг говядины. В апреле 1945 г. такая зарплата позволяла юным труженикам рассчитывать на покупку 46,7 кг картофеля или 4,6 кг говядины [7, с. 310]. В конце войны покупательский потенциал заработной платы рабочей молодежи был в несколько раз ниже, чем осенью 1941 г.

В этих условиях заработок стал гораздо менее привлекательным в глазах рабочих. Наиболее ярко данная ситуация описана в мемуарах ветерана завода № 386 А.М. Чуркина: «Мы добросовестно работали в своих сменах, выполняя и перевыполняя нормы выработки. Получали зарплату. Собственно, на величину зарплаты особого внимания не обращали. Все равно, на полученные деньги в магазине нечего было купить, все давалось по карточкам» [8, с. 58–59]. Последнее утверждение мемуариста не является бесспорным: после получения карточек трудящиеся выкупали хлебный паек и обед в заводских столовых, промтовары – в магазинах отделов рабочего снабжения. Следовательно, распределение дефицитных продуктов питания и вещей по государственным ценам (в 20–25 раз ниже рыночных) через ОРСы предприятий носило товарно-денежный характер, что исключало полное обесценивание зарплаты с точки зрения молодых рабочих.

Некоторые факты подтверждают данное предположение. В 1944 г. при месячных затратах на трехразовое питание в столовых предприятий НКБ в 180–200 руб. заработок рабочих-подростков составлял 250–300 руб.¹⁵ Если зарплата была ниже, то ее не хватало даже на покупку нормированных пайков. В отчете инспектора ЦК профсоюзов рабочих НКБ «О состоянии условий труда и быта подростков, работающих на заводах промышленности боеприпасов СССР за первый квартал 1945 г.» отмечалось, что «подростки-одиночки расходуют зарплату в основном на питание и под-

¹⁵ Парамонов В.Н. Указ. соч.

час этой зарплаты не хватает и они остаются должниками»¹⁶. В данном документе приводились примеры погашения этих недоимок дирекциями предприятий, которые также можно рассматривать в контексте материального стимулирования труда заводской молодежи.

Во время производственных простоев с типичной проблемой сталкивались и молодые стахановцы, оставшиеся без стабильного заработка. 10 июля 1943 г. на партийной конференции завода им. В.П. Чкалова первый секретарь комитета комсомола Рапохин охарактеризовал данное явление на примере юной работницы цеха № 8 Никоненко. Длительное время девушка не получала зарплату из-за отсутствия производственных заданий. В результате она не могла уплатить за обед в столовой, что стало причиной бегства работницы с предприятия. Рассказав об этом эпизоде, руководитель заводской комсомольской организации подчеркнул, что речь шла о типичном случае «дезертирства» молодых рабочих с предприятия¹⁷.

Распределяемые продпайки и промтовары являлись не единственными источниками денежных затрат рабочей молодежи. В поисках дополнительных источников пропитания юноши и девушки устремлялись на городские базары. При отсутствии вещей для обмена на продукты питания их можно было приобрести лишь за деньги. Поэтому случаи невыплаты или задержки зарплаты нередко находили отражение в жалобах юных тружеников, адресованных комсомольским функционерам. Например, в справке по итогам проверки завода № 703 заведующим отделом рабочей молодежи Красноярского крайкома ВЛКСМ Б. Литваком было зафиксировано высказывание токаря Матвея Колятного: «Первую неделю после полочки можем хоть картошки купить, но полочку задерживают. Уже март, а мы еще за январь не получили денег. Так и живешь, едим один раз в сутки»¹⁸. В данном случае отчетливо видна связь между отсутствием стабильного заработка и невозможностью покупки продуктов, лишавшей работников оборонного производства дополнительного питания.

Более объективное представление о значении денежных стимулов для заводской молодежи дают совокупные данные о статьях ее расходов. В июле 1944 г. на заводе № 703 работница Чупина заработала 362 руб., из которых 112 руб. ушли на уплату налогов и госзаимов. Из оставшихся 250 руб. девушка уплатила 40 руб. за проживание в общежитии, 100 руб. – за питание в столовой. Остальные 110 руб. были потрачены ею на покупку продуктов на городском рынке. Материальное положение большинства молодых рабочих предприятия было примерно таким же¹⁹. В связи с этим их мотивация к заработку была обусловлена стремлением получить пищу и крышу над головой.

Следовательно, денежное вознаграждение оказывало стимулирующее воздействие на производ-

ственную деятельность рабочей молодежи оборонной промышленности сибирского тыла. В годы войны руководство наркоматов и предприятий региона широко использовало в отношении юношей и девушек такой традиционный трудовой стимул, как рост месячного заработка. Его основным фактором являлось применение тарифной сетки оплаты труда (повременной и сдельной), а также прогрессивных выплат и премий. Последние формы стимулирования способствовали возникновению 10–20-кратной разницы в зарплате между самыми низко- и высокооплачиваемыми категориями юных заводчан. Огромный разрыв в зарплатах должен был сформировать у подростков и молодых людей материальную заинтересованность в достижении стахановских производственных рекордов, за которые полагались максимальные выплаты.

Несмотря на падение уровня жизни городского населения, заработок полностью не утратил своего значения в формировании и развитии трудовой мотивации молодых рабочих. В условиях войны денежные стимулы продолжали действовать в сочетании с нормированным снабжением, а также в качестве источника жизнеобеспечения, дополнившего его скудный материальный потенциал. Очевидно, поэтому многие юные заводчане стремились больше заработать, чтобы повысить шансы на выживание. Обратная ситуация, связанная со снижением или невыплатой заработной платы, могла вызвать у них негативные настроения и привести к самовольному уходу с предприятия.

Тем не менее в годы войны денежное вознаграждение перестало играть самостоятельную роль в материальном стимулировании юных тружеников, так как реальное содержание зарплаты поддерживалось лишь благодаря системе нормированного снабжения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Самов В.А.* Потому что была война: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нижн. Новгород, 2008.
2. *Самов В.А.* Труд и долг: материально-бытовые аспекты трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) (по материалам Волго-Вятского региона) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12, № 2. С. 5–19.
3. *Шалак А.В.* Система мотивации в системе распределения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12, № 2. С. 20–40.
4. Стимулирование труда рабочей молодежи оборонных предприятий Сибири в годы войны // Исторический ежегодник. 2012: сб. науч. тр. Новосибирск, 2012. С. 184–198.
5. «Долга на земле не имею». Рассказывают ветераны // Букин С.С. Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. Исторический очерк и воспоминания ветеранов. Новосибирск, 2001.
6. Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945: сб. док. М., 2003.
7. *Букин С.С., Романов П.Е.* Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945). Новосибирск, 2012.
8. *Чуркин А.М.* Мое поколение. Новосибирск, 2006.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 13. Д. 106. Л. 31.

¹⁷ ГАНО. Ф. П-738. Оп. 1. Д. 410. Л. 49.

¹⁸ ГАКК. Ф. П-1474. Оп. 3. Д. 675. Л. 34–35.

¹⁹ Там же. Л. 75.

УДК 94(47)“1946/1955”

А.А. ДОЛГОЛЮК

**КАДРЫ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИБИРИ
В ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ**

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: dolgalal@mail.ru

В статье раскрывается кадровая ситуация в строительной отрасли Сибири после Победы в Великой Отечественной войне. Выявляются факторы, повлиявшие на увеличение численности новых работников в управлениях и трестах. Основными причинами этого, по мнению автора, стали резкое расширение инвестиционной деятельности, а также очень низкий уровень механизации строительного производства. Характеризуется общая ситуация на рынке труда в Советском Союзе и, в частности, в Сибирском регионе из-за потерь населения в военный период, в также в связи с масштабностью задач по восстановлению народного хозяйства страны. Рассказывается об оттоке с производства в четвертую пятилетку молодежи, пожелавшей продолжить обучение, пенсионеров и домохозяек, о возвращении домой большей части трудящихся, прибывших на стройки в годы войны по мобилизации. Оцениваются масштабы принудительного труда в строительных организациях, показываются сложности использования военнопленных, интернированных и заключенных на производстве.

В статье прослеживается динамика численности строителей в послевоенное десятилетие в масштабах всей Сибири, а также по экономическим районам, краям и областям, отдельным категориям производственного персонала. Приводятся примеры формирования в регионе новых крупных многотысячных строительных коллективов. Подсчитаны темпы роста численности сибирских строителей в четвертой (1946–1950 гг.) и пятой (1951–1955 гг.) пятилетках. Показываются особенности отраслевой структуры занятого населения в районах нового индустриального освоения, в которых доля строителей была особенно высокой. Констатируется ускоренный, по сравнению со средним по стране, рост количества строителей, концентрация работников в отдельных производственных подразделениях, и, как следствие этого, увеличение удельного веса строителей Сибири в общей численности строителей Российской Федерации.

Ключевые слова: Сибирь, строители, кадры, производственный персонал, динамика численности.

За годы Великой Отечественной войны большая часть сибирской экономики пришла в упадок. Поэтому задача восстановления народного хозяйства СССР касалась не только западных территорий СССР, но и ее восточных районов. С окончанием войны инвестиционная деятельность в Сибири не только не снизилась, но даже возросла. В четвертой пятилетке она удвоилась по сравнению с военным периодом. В это время в Сибири заметно увеличилась сеть строительных организаций, которые следовало обеспечить кадрами. Однако этот вопрос решался с большим трудом.

Проблема обеспечения кадрами сибирских строительных организаций до настоящего времени не получила достаточного освещения в российской историографии. Строители долгое время не являлись объектом самостоятельного исследования историков, в частности, не анализировалась их численность. Лишь в обобщающих работах по истории региона и рабочего класса, в исследованиях по отдельным отраслям экономики приводились отдельные сведения о кадровом составе капитального строительства. В настоящей статье предпринята попытка восполнить данный пробел и проследить динамику численности строителей за 1946–1955 гг., показать особенности формирования строительных коллективов в этот период.

Страна, потерявшая в войне более 27 млн чел., испытывала огромную потребность в кадрах. Самой большой она была в районах, находившихся под временной оккупацией врага. Но и в восточной части страны население за 4 года сократилось. В Сибири с 1 января 1941 г. по 1 мая 1945 г. оно уменьшилось с 15,0 до 13,6 млн чел., т.е. регион потерял практически каждого десятого жителя. При этом городское население увеличилось на 18,6 %, а сельское население сократилось на 23,2 % [1, с. 64, 81, 84]. Все сибирские края и области испытывали потребность в дополнительных трудовых ресурсах. Так, для промышленности и строительства Кемеровской области нехватка рабочих кадров составляла 60 тыс. чел., а основные их источники были практически исчерпаны [1, с. 172].

Рабочие, инженеры и техники нужны были повсюду. В послевоенной пятилетке общая потребность народного хозяйства лишь только в новых рабочих составляла 12,5 млн чел. [2, с. 285]. После окончания войны восстанавливать приходилось все отрасли народного хозяйства, т.е. одновременно и производственную, и социальную сферы.

Кадровые проблемы строительных трестов усугублял отток подростков и работников, поступивших в организации по мобилизации в военные годы. В 1946 г. уволилось много пенсионеров и женщин, имевших

детей, немало юношей и девушек пошли учиться. Пожелала вернуться домой большая часть мобилизованных. Однако руководители строительных организаций не могли и не хотели увольнять этих людей, поскольку заменить их было нечем. Данная проблема из-за своей масштабности приобрела общегосударственное значение, так как за годы войны на Урал, в Сибирь и Дальний Восток было эвакуировано, мобилизовано и направлено через систему трудовых резервов около 920 тыс. чел.¹ Принятые на государственном уровне меры по закреплению кадров на производстве не давали желаемых результатов, прежде всего из-за острейшего дефицита жилья. По этой причине мобилизованные и эвакуированные неохотно заключали срочные трудовые договоры. Лишь относительно немногие смогли перевезти свои семьи к месту дислокации строительной организации. После Победы строителям стали предоставлять отпуска. Уехав домой на побывку, многие из мобилизованных на работу в строительные организации уже не возвращались. Администрация сразу же причисляла их к категории «дезертиров». В 1947–1948 гг. их количество заметно увеличилось. И это несмотря на то, что многих невооруженцев пытались привлечь к административной и уголовной ответственности.

Хозяйственными и партийными органами предполагалось, что важным источником для различных отраслей экономики станут демобилизованные из Советской Армии и вступившие в трудоспособный возраст подростки. Однако эти ожидания не совсем оправдались. Дополнительных рабочих рук требовалось намного больше. Вовлечение в народное хозяйство различных «спецконтингентов» – военнопленных, интернированных и заключенных также не позволяло эффективно решать кадровую проблему.

В сложившихся условиях строительным организациям, особенно вновь создаваемым, было крайне сложно довести фактическую численность работников до плановых показателей. Планы по труду в строительных организациях во всех районах Сибири не выполнялись. Например, в Новосибирской области в 1946 г. он был выполнен лишь на две трети. В некоторых трестах этот показатель был еще меньше. Так, «Новосибирскпромстрой» был обеспечен кадрами лишь на 38 %. Позитивным моментом было лишь то обстоятельство, что в этом строительном подразделении были полностью заполнены вакансии инженерно-технических работников и служащих [3, с. 150, 151]². В тресте «Кемеровотяжстрой», дислоцировавшемся в соседнем регионе, положение с обеспеченностью «рабочей силой» было лучше. Руководителям этой строительной организации удалось выполнить плановое задание по комплектованию трудового коллектива на 94 %. Однако набор новых работников происходил в значительной мере за счет лиц, не имеющих опыта работы в отрасли. Поэтому обеспеченность квалифицированными

ми вольнонаемными кадрами по девяти ведущим строительным профессиям составляла лишь 55 %³.

Все вышеприведенные данные свидетельствуют о дефиците «вольнонаемных работников» (по терминологии кадровых служб). В то же время, казалось бы, различных «спецконтингентов» было в избытке. Однако использовались они крайне нерационально. Десятки тысяч были сосредоточены на строительстве железных дорог, где труд огромной массы людей по объективным причинам нормально организовать было невозможно. В то же время в крупных промышленных центрах, где хозяйственники были рады и такой «рабочей силе», их не хватало. К тому же, пользуясь относительной автономией, независимостью от местной власти, руководство местных исправительно-трудовых лагерей и лагерей для военнопленных и интернированных часто не выполняли планов вывода своих подопечных на стройки. Тем самым они наносили ущерб другим хозяйствующим субъектам. Бывало, что крупные партии заключенных, без соответствующих согласований с местными властями переводились из одних населенных пунктов в другие, в частности, на предприятия и стройки, подведомственные ГУЛАГу. В таких случаях к решению кадровых проблем часто подключались местные партийные руководители, в том числе и обкомовского уровня.

В 1947 г. МВД СССР отозвало состроек Новосибирской области почти 14 тыс. заключенных. Полностью заменить их вольнонаемными было не реально. Поэтому первый секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) М.В. Кулагин был вынужден написать письмо в советское правительство. В нем отмечалось тяжелое положение с кадрами в капитальном строительстве. Потребность в них была обеспечена в это время лишь на две трети. Региональный партийный лидер просил руководство Совета министров СССР направить в область в течение года 15 тыс. заключенных⁴.

Несмотря на объективные трудности с комплектованием трудовых коллективов, численность работников в строительной отрасли неуклонно нарастала. Если в 1946 г. на строительномонтажных работах в Сибири было занято 79 тыс. чел., то в 1950 г. – уже 216 тыс. чел., из которых 147 тыс. трудилось в Западной Сибири и 68,9 тыс. чел. – в Восточной Сибири (см. табл.). В целом по региону численность строителей за пятилетку выросла в 2,2 раза, в то время как объем среднегодовых капитальных вложений увеличился в 1,8 раза. Эти данные ярко свидетельствуют об экстенсивном развитии отрасли в данный период. Производительность труда строителей в Сибири в эти годы даже сократилась. На этом сказывались недостаток и изношенность основной строительной техники, которая почти не обновлялась.

Другой важной причиной являлось низкое качество рабочей силы, чрезмерно высокая доля принуди-

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 314. Л. 65.

² ГАНО. Ф. 4-П. Оп. 34. Д. 273. Л. 2.

³ Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. 830. Оп. 1. Д. 25. Л. 29.

⁴ ГАНО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 257. Л. 238–240.

Среднегодовая численность работников, занятых на строительно-монтажных работах, тыс. чел. *

Регион	1946 г.	1950 г.	1955 г.
Российская Федерация	740	1662	2073
Западная Сибирь	55,7	147,6	213,3
Алтайский край	7,7	14,4	41,0
Кемеровская обл.	30,8	72,3	81,4
Новосибирская обл.	9,2	29,9	39,9
Омская обл.	3,5	17,3	30,8
Томская обл.	2,0	5,1	7,6
Тюменская обл.	2,5	8,6	12,6
Восточная Сибирь	23,0	68,9	110,6
Красноярский край	10,5	33,6	48,2
Иркутская обл.	6,1	18,6	38,1
Читинская обл.	4,5	11,2	12,7
Бурятская АССР	1,7	4,7	9,1
Тувинская АССР	0,2	0,8	3,5
Сибирь	78,7	216,5	323,9

* Составлена по: [4, с. 88]; ГАРФ. Ф. 374. Оп. 3. Д. 1210. Л. 3–228.

тельного труда. Труд военнопленных, заключенных и представителей других категорий спецконтингента был малопродуктивным. Как следствие, на сооружение различных строительных объектов приходилось направлять работников больше, чем их требовалось по нормам. При этом возникали проблемы с организацией их труда.

В годы пятой пятилетки численность строителей продолжала нарастать, хотя уже не так быстро, как в предыдущие пятилетия. Объем инвестиций в этот период увеличился в Сибири в 2,4 раза, а численность занятых на строительно-монтажных работах – до 323,9 тыс. чел., т. е. в 1,5 раза (см. табл.). В 1951–1955 гг. быстрее, чем раньше, росла техническая оснащенность строительных организаций. Хотя еще и в небольших количествах, на стройки стала поступать строительная техника, в результате чего начали закладываться основы для индустриализации строительного производства, создавались первые полигоны для производства железобетонных конструкций. Позитивные изменения произошли и в качественном составе рабочей силы. На стройках не осталось представителей военнопленных, интернированных, постепенно выводились с объектов некоторые категории спецпереселенцев. Все это сказалось на динамике численности работников, занятых строительно-монтажными работами.

Принудительный, во многом похожий на рабский, труд стал одной из основных причин кризисных явлений в сталинской лагерной экономике. Реакцией на это были предложения Министерства внутренних дел СССР о введении оплаты труда заключенных исправительно-трудовых лагерей и колоний. Обитатели ГУЛАГа в 1950 г. стали получать зарплату. Вслед за этим МВД начало ходатайствовать о досрочном осво-

бождении части заключенных с последующим прикреплением их к предприятиям и стройкам в качестве вольнонаемных. Настойчиво милицейские чиновники добивались и дополнительного расконвоирования заключенных. Эти предложения в феврале 1951 г. поддержало советское правительство [5, с. 35–37].

Тем не менее в первой половине 1950-х гг. труд заключенных использовался очень широко. На некоторых крупных и важных стройках они исчислялись многими тысячами. В первое послевоенное десятилетие самые крупные трудовые коллективы строителей сформировались и были задействованы на сооружении Полярной магистрали, железной дороги от Тайшета до Лены. На каждом из этих объектов одновременно трудилось более 50 тыс. строителей, преимущественно заключенных. Мощные тресты были созданы для сооружения предприятий атомной промышленности в Новосибирске, Томске, Красноярске и Ангарске. Для строительства завода химконцентратов была сформирована крупнейшая в Новосибирске организация п/я № 53 с невиданной для города численностью более 20 тыс. чел., из которых 14–15 тыс. составляли заключенные [3, с. 151]. При сооружении промышленных предприятий Ангарска в пиковый период на строительно-монтажных работах было занято до 70 тыс. рабочих, ИТР и служащих [6, с. 9]. На родственной стройке в Омске такого большого трудового коллектива не сложилось. Во многом это объяснялось тем, что руководители отрасли и стройки опирались, прежде всего, на вольнонаемных работников⁵.

Среди сибирских регионов в первое послевоенное десятилетие безоговорочным лидером по численности персонала, занятого на строительно-монтажных работах, была Кемеровская область. Здесь кадровый потенциал строителей за 1946–1955 гг. увеличился с 30,8 тыс. до 81,4 тыс. чел. На втором месте находился Красноярский край, где численность строителей за 10 лет выросла с 10,5 тыс. до 48,2 тыс. чел. Далее следовали Новосибирская и Иркутская область, Алтайский край. Последнее одиннадцатое место занимала Тувинская АССР. В 1946 г. непосредственно на стройках в этой автономной республике трудилось всего лишь около 200 чел. К 1955 г. их численность увеличилась до 3,5 тыс. чел.⁶

Анализ динамики численности сибирских строителей по пятилетиям выявил тенденцию к понижению темпов прироста занятых в капитальном строительстве. В четвертой пятилетке (1946–1950 гг.) кадровый потенциал строительной отрасли в регионе вырос в 2,75 раза, а в пятой пятилетке (1951–1955 гг.) – в 1,5 раза. Причем в несколько отставшей за годы войны Восточной Сибири темпы роста численности рабочих и служащих, занятых на строительно-монтажных работах, стали превышать аналогичные показатели в Западной Сибири. Однако по общему объему осваивае-

⁵ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 6038. Л. 180.

⁶ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 3. Д. 1210. Л. 3–228.

мых капитальных вложений и по количеству занятых в отрасли западная часть региона продолжала опережать восточную часть.

Более высокие темпы роста численности работников, занятых на стройках Сибири, привели к возрастанию их доли в общей численности строителей Российской Федерации. В 1946 г. она составляла 9,0 %, к 1950 г. увеличилась до 13,0, а к 1955 г. – до 15,6 % (см. таблицу). Таким образом, примерно каждый шестой строитель республики трудился в это время в Сибири.

Вместе с ростом численности строителей происходил процесс концентрации работников в первичных подрядных организациях. Они со временем становились крупнее. В Сибири среднее число работников в одной организации увеличилось со 136 чел. в 1947 г. до 337 чел. в 1956 г.⁷ И этот процесс продолжался в течение еще одного десятилетия.

В новых городах строители, как правило, занимали более значительную долю в составе занятого населения, чем в более обжитых населенных пунктах. Например, в 1958 г. в строительных коллективах Среднего Приангарья, на территории которого формировался Братско-Усть-Илимский ТПК, трудился 41 % от общей численности занятого населения (в среднем по СССР этот показатель составлял 8 %). Их доля заметно превышала удельный вес персонала промышленности (33 %). Позднее такое же явление наблюдалось в новых городах Тюменского Севера [7, с. 105, 106; 8, с. 123].

Быстрый рост количества работников, занятых в строительной отрасли, происходил за счет увеличения представителей всех категорий производственного персонала. При этом их пропорции в общей структуре кадров сохранились примерно на том же уровне. Скорость роста численности инженерно-технических работников незначительно опережала рост числа рабочих и учеников. Доля первых из них с 1945 по 1955 г. увеличилась с 6,2 до 6,6 %, а доля вторых – с 89,0 до 89,7 %. Эти изменения произошли в основном за счет сокращения удельного веса служащих, который понизился с 3,8 до 3,2 %, а также за счет категории «МОП и охрана», уменьшившейся с 1,0 до 0,5 % [9, с. 177]⁸. Эти показатели свидетельствовали о некотором застое в технико-технологической основе строи-

тельного производства в послевоенном десятилетии. Научно-технический прогресс в строительстве, насыщение производства новой техникой и оборудованием, совершенствование технологий начнется в середине 1950-х гг., т. е. после окончания рассматриваемого в данной статье периода. Тогда и произойдут кардинальные прогрессивные изменения в структуре производственного персонала.

Таким образом, увеличение масштабов инвестиционной деятельности в послевоенное десятилетие предопределило высокие темпы роста численности занятых в отрасли, которые значительно превосходили скорость прироста кадров в других отраслях материального производства. Одновременно повышалась доля строителей в составе занятого населения Сибири и в общероссийской численности строителей. Нарастал процесс концентрации строителей в трудовых коллективах мощных строительных трестов. Структура производственного персонала на протяжении десятилетия не подверглась заметным изменениям, что свидетельствовало о консервации технико-технологического уровня отрасли в рассматриваемый период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. 232 с.
2. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг. сб. документов за 50 лет. М., 1968. Т. 3. 752 с.
3. Долголюк А.А., Ефимкин М.М., Ламин В.А. Трансформационные процессы в социально-индустриальной структуре Новосибирской области в XX столетии. Новосибирск, 2005. 297 с.
4. Дьяков Ю.Л. Капитальное строительство в СССР. 1941–1945. М., 1988. 256 с.
5. История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. М., 2004. Т. 3: Экономика Гулага. 624 с.
6. Путь к миллиарду. Страницы истории дважды орденосного производственного объединения «Ангарскнефтеоргсинтез». Иркутск, 1980. 128 с.
7. Долголюк А.А. Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК. 1955–1980. Новосибирск, 1984. 241 с.
8. История Ямала. Екатеринбург, 2010. Т. 2, кн. 2: Индустриальное развитие. 328 с.
9. Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984. 376 с.

Статья поступила
в редакцию 30.08.2013

⁷ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 3. Д. 1226. Л. 0, 1, 3, 17, 20, 32, 44, 46, 49, 53, 65; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 328. Д. 4802. Л. 2, 10, 11.

⁸ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 3. Д. 985. Л. 19, 22, 27, 37, 38, 39, 52, 54, 58, 62, 73.

УДК 94(47)“1953/1954”

Л.Г. ШУГАЙ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ОСВОЕНИЯ ЦЕЛИННЫХ И ЗАЛЕЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ

Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого, Украина
e-mail: 11812@rambler.ru

Статья посвящена проблемам развития сельского хозяйства в СССР, в частности, в Казахстане накануне и в начале взятого партией курса на освоение целинных и залежных земель в 1953–1954 гг. Анализируются обстоятельства кадровых перестановок в республике, рассматриваются продовольственный кризис, постигший СССР после Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется решению проблемы обеспечения населения хлебом. Рассматриваются два варианта решения данной проблемы: интенсивный и экстенсивный пути проведения аграрных реформ. Первый вариант предполагал глубокие преобразования в системе производственных отношений, т.е. переход к рыночным механизмам. Однако в целях самосохранения системой была выбрана экстенсивная модель решения проблемы. Смягчить продовольственный кризис предполагалось благодаря быстрому увеличению производства зерна. Поэтому ставилась задача распашки гигантских земельных массивов на востоке страны, особенно на севере Казахстана, т.е. «освоения» целины. В статье на основе публикаций и воспоминаний известных политических деятелей дается характеристика ключевым политическим фигурам того времени – Г.А. Боркову, Ж.Ш. Шаяхметову, П.К. Пономаренко, Л.И. Брежневу. Автор раскрывает взаимосвязь между хрущевской программой освоения целины и сменой партийного и государственного руководства Казахстана.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрные реформы, продовольственный кризис, освоение целинных и залежных земель, коренное население, производство зерна.

Во второй половине 1950-х гг. в СССР начались важнейшие политические изменения, импульсом к которым послужил XX съезд партии, разоблачившей культ личности Сталина. Исследование трудностей и противоречий этого периода, критическое осмысление деятельности союзного руководства и руководства партийных организаций Казахстана накануне и в начале освоения целинных и залежных земель в республике составляет важную задачу исторической науки, что объясняет актуальность избранной темы.

Необходимо отметить, что в начале 1950-х гг. Советский Союз испытывал острый продовольственный кризис. В 1950 г. валовый сбор зерна достиг 47 654 тыс. ц, превысив довоенный уровень на 89 %¹. Несмотря на это, положение с хлебом в начале 1950-х гг. в стране вызывало у руководства тревогу. В 1953 г. в СССР было заготовлено немногим более 31 млн т зерна, а израсходовано свыше 32 млн т. Разница была возмещена за счет государственных резервов. Как писал впоследствии Л.И. Брежнев, «...тревожная ситуация сложилась и в Казахстане. Производство зерна, мяса, хлопка, шерсти в республике по сравнению с довоенным уровнем не росло, а порой даже падало. Удои молока были ниже, чем в 1940 г., зерновых собирали 5–6 ц с гектара, а хлопка – всего 10 ц» [1, с. 274].

Новое союзное руководство в лице Н.С. Хрущева должно было продемонстрировать обществу свое

видение выхода из сложившейся ситуации. Теоретически ситуация могла развиваться по двум сценариям. Первый вариант выхода из кризиса предполагал глубокую трансформацию самих производственных отношений, т.е. переход к рыночным механизмам, а также стимулирование личного интереса, что было достижимо лишь по мере приватизации собственности, прежде всего – на землю. Была выбрана экстенсивная модель решения проблемы. Смягчить (а затем устранить) продовольственный коллапс предполагалось за счет резкого увеличения производства зерна. Был взят курс на распашку гигантских земельных массивов на востоке страны, и целина становится с этого времени наиболее зримым символом восприятия образа Казахстана, предметом особой заботы республики и страны в целом. Что касается Хрущева, то для него она стала подлинной *idée fixe*, важнейшим критерием подбора и расстановки руководящих кадров в республике².

Чтобы понять политическую ситуацию, которая сложилась в Казахстане накануне целинный эпопеи и суть расстановки здесь кадров, необходимо вспомнить имена руководителей республики того периода и проанализировать их вклад в разработку программы освоения целинных и залежных земель в Казахстане.

Перед Великой Отечественной войной первым секретарем ЦК КПК стал Г.А. Борков. Он был переведен из Новосибирска, где работал первым секретарем обкома. Борков оставался в Казахстане недолго, его

¹Абылхожин Ж. Освоение целинных и залежных земель: история и современность. [Электронный ресурс]. URL: http://5ka.su/ref/history/0_object85759.html (дата обращения: 7.09.2013).

² Там же.

отозвали в распоряжение ЦК ВКП(б). Практически он ничего не сделал для республики [2, с. 34].

Недолго руководившего Казахстаном Боркова сменил Ж.Ш. Шаяхметов, избранный на должность первого секретаря на июньском (1946 г.) Пленуме ЦК КП(б) Казахстана. И хотя он был без высшего образования (только аульная школа и русско-казахское училище), но обладая природной смекалкой, смог достичь высоких административных постов. В 1938 г. он был избран третьим секретарем, в июне 1939 г. – вторым, а в 1946 г. – первым секретарем ЦК КП(б) Казахстана. В потоке назначений и перемещений партийных руководителей республики проявлялась скрытая логика административно-командной системы: более энергичные, способные на деле решать назревшие проблемы руководители сменялись кадрами дисциплинированными, склонными решать вопросы аппаратными методами. К числу таких относился и Шаяхметов. Следует подчеркнуть, что после отзыва Боркова Москва предпочла выдвижение местного руководителя. Событие это было несколько непривычным для Казахстана. На протяжении предшествовавших 26 лет руководителями партийной организации являлись, как правило, назначенцы из центра. И вдруг Москва решила доверить руководство представителю коренной национальности. Вполне возможно, что назначение Шаяхметова было связано с задумкой И.В. Сталина о новом витке репрессий, намечавшихся в послевоенное время. Бывший работник НКВД казался подходящим для этого человеком [1, с. 269–271].

По воспоминаниям Д.А. Кунаева, Шаяхметов был очень дисциплинированным человеком. Он строго контролировал ход выполнения своих указаний отделами ЦК и руководителями министерств и ведомств. В отличие от своих предшественников, он был очень аккуратным, требовательным руководителем и хорошим организатором. Экономика Казахстана под его руководством стала набирать еще более высокие темпы в послевоенные годы. При Шаяхметове состоялось четыре съезда коммунистов Казахстана. В ходе своей деятельности он внес ряд изменений в работу ЦК и Совета министров [2, с. 34]. В сентябре 1953 г. Хрущев подверг критике руководителей республики за допущенные недостатки в сельском хозяйстве, прежде всего за самоуспокоенность и самодовольство, слабое использование ресурсов и беспринципность.

5–6 октября 1953 г. состоялся VI пленум ЦК КП Казахстана, который заслушал и обсудил доклад о постановлении пленума ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР» и задачах партийной организации Казахстана. Пленум отметил, что в развитии сельского хозяйства республики имеются серьезные недостатки. Огромный потенциал социалистического сельского хозяйства и помощь хозяйствам со стороны государства используются неудовлетворительно. Как следствие этого, колхозы и совхозы Казахстана не стали высокотоварными и высокодоходными хозяйствами, получали малые урожаи, имели низкую продуктивность животноводства. Пленум раскрыл причины затяжного отставания сельского хозяйства республи-

ки, подверг острой критике республиканское, местное партийное руководство и руководство колхозами и совхозами. Серьезные ошибки и упущения отмечались в работе Министерства сельского хозяйства и заготовок республики. Пленум подчеркнул, что министерство не анализирует причины отставания важных отраслей сельского хозяйства, а руководство колхозами и совхозами осуществляется канцелярскими методами, без глубокого знания дел. Кроме того, передовой опыт плохо изучается и распространяется³.

Пленум признал критику в адрес руководства ЦК КП Казахстана и Совета министров республики правильной. Он обратил внимание, что в решениях VI пленума ЦК КПК недостаточно глубоко анализируется состояние дел в сельском хозяйстве, своевременно не принимаются меры по устранению недостатков, медленно решаются вопросы развития сельского хозяйства республики в свете решений XIX съезда КПСС⁴.

Пленум потребовал перестроить работу ЦК КП Казахстана, Совета министров, Министерства сельскохозяйственных заготовок, партийных и советских организаций республики в духе решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС, направить ее на реализацию развернутой программы подъема сельского хозяйства⁵.

В конце ноября 1953 г. план подъема сельского хозяйства был представлен в ЦК КПСС. В соответствии с ним предполагалось, что в течение 1954–1957 гг. посевные площади в Казахстане будут увеличены на 2,5 млн га [3, с. 498]. Понятно, что это не устраивало «Дом на Старой площади», ибо там уже назревал план гораздо более крупномасштабных распахов целинных земель, и не за четыре, а буквально за один-два года⁶.

Первого и наиболее серьезного оппонента своей программы Хрущев встретил в лице Шаяхметова и членов бюро этого ЦК КПК [4, с. 112]. Пономаренко на февральско-мартовском пленуме ЦК КПСС отметил, что Шаяхметов на пленуме ЦК, посвященном итогам сентябрьского пленума, ни одного слова не сказал о поставленной ЦК КПСС задаче по освоению целинных и залежных земель, причем многие партийные деятели Казахстана считали, что распашка целинных и залежных земель приведет к нарушению интересов коренного казахского населения, так как сокращались площади для выпаса скота⁷.

Однако некоторые другие партийные руководители районов, где также предполагалась распашка целинных и залежных земель, придерживались иного мнения. Например, в момент конфликта Хрущева и Шаяхметова первому была оказана поддержка со стороны сибиряков – первого секретаря Алтайского крайкома партии Н.И. Беляева и первого секретаря Омского обкома партии И.К. Лебедева. Имеются косвенные

³ За крутой подъем сельского хозяйства республики // Казахская правда. 1953. 8 окт.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ *Абылхожин Ж.* Указ. соч.

⁷ ЦХСД (Центр хранения современной документации). Ф. 2. Оп. 1. Д. 89. Л. 93.

данные и о том, что к ним присоединился первый секретарь Новосибирского обкома И.Д. Яковлев. В ноябре 1953 г. Хрущев получил от них записки о перспективах подъема целины на юге Западной Сибири. Их поддержка помогла Хрущеву продвинуть «целинный проект» [5, с. 147–169].

Хрущев, столкнувшись с «недопониманием» своей идеи об освоении целинных земель со стороны Шаяхметова и членов бюро ЦК КП Казахстана, а затем и с открытым «саботажем» своих указаний, стал действовать старым аппаратным способом. На пленуме ЦК КП Казахстана, а затем и на съезде были подвергнуты остракизму инакомыслящие, и в кратчайшие сроки произошла замена руководителей Казахстана. На должность первого и второго секретарей ЦК КП Казахстана были рекомендованы и вскоре утверждены президиумом ЦК КПСС белорус П.К. Пономаренко (первым секретарем) и сменивший И.И. Афонова украинец Л.И. Брежнев (вторым секретарем) [4, с. 113].

Таким образом, политическая карьера Шаяхметова закончилась уже в начале февраля 1954 г. Острый разговор о работе бюро ЦК состоялся на IX Пленуме ЦК КПК, который проходил 5–6 февраля 1954 г. Его участники высказали много критических замечаний, отметили неудовлетворительное руководство промышленностью, сельским хозяйством, идеологической и организационно-партийной работой. Выступающие подчеркивали, что первый секретарь ЦК Компартии Казахстана немало сделал для развития хозяйства и культуры Казахстана, укрепления республиканской партийной организации, но новые условия требовали иных масштабов и методов работы. Для усиления всей многосторонней деятельности республиканской партийной организации в духе сложившейся практики следовало укрепить ее руководство. Пленум освободил Шаяхметова и Афонова от обязанностей секретарей ЦК. В лице Шаяхметова закончилась эпоха руководителей-выдвиженцев. На смену им пришли люди, за плечами которых был опыт работы на производстве и высшее образование. Одновременная присылка двух первых лиц партийного руководства республики по тем временам была событием редким, можно сказать, исключительной мерой. Ее следует расценивать как проявление недовольства со стороны руководства ЦК КПСС состоянием партработы, как стремление «усилить» и обновить местные кадры [1, с. 76].

Вспоминая об этих событиях, Брежнев писал, что массовый подъем целины в Казахстане ЦК КПСС хотят поручить именно ему и Пономаренко, поскольку дела в республике идут неважно, а местное руководство работает по старинке и новые задачи ему будут не по плечу. 30 января 1954 г. состоялось заседание Президиума ЦК КПК, обсудившее положение в Казахстане и задачи, связанные с освоением целины. Через пару дней после этого Брежнев вылетел в Алма-Ату [6, с. 223–224].

В 1954 г. Хрущев никаких политических обвинений в адрес смещенных им руководителей Казахстана не предъявил. «Бывший первый секретарь ЦК Компартии Казахстана т. Шаяхметов, – отметил он в докладе на пленуме, – я думаю, честный человек..., но для та-

кой большой республики он был руководителем слабым... Пленум ЦК Компартии Казахстана решил укрепить руководство республики...» [7, с. 275–276].

6–18 февраля 1954 г. состоялся VII съезд компартии Казахстана, наметивший конкретные меры по усилению роли партийной организации республики в связи с массовым подъемом целинных земель. Съезд обязал Центральный комитет компартии Казахстана, областные и районные партийные комитеты, Совет министров Казахской ССР, все государственные органы республики немедленно развернуть работу по отбору новых земель для расширения посевов зерновых культур в колхозах и совхозах⁸.

Важнейшим документом в обосновании и осуществлении курса на массовое освоение новых земель явилось постановление исторического февральско-мартовского (1954 г.) Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Пленум ЦК КПСС, состоявшийся 23 февраля – 2 марта 1954 г., поставил перед партийными и советскими организациями, трудящимися СССР задачу освоить в 1954–1955 гг. 13 млн га нетронутых прежде земель. ЦК КПСС подчеркнул, что это будет началом больших государственных работ по вовлечению в сельскохозяйственный оборот обширных массивов неиспользуемых земель [7, с. 438, 442]. Эти указания были взяты на вооружение партийной организацией республики, которая находилась под руководством новых ставленников Хрущева.

Таким образом, цель перестановок политических деятелей того периода в Казахстане сводилась к тому, чтобы устранить с политической арены тех местных руководителей, которые были в той или иной степени не согласны с такими «революционными» реформами и не боялись высказывать собственное мнение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Первые лица государства: политические портреты (с точки зрения истории и современности) / Абен Е.М., Арын Е.М., Тасмагамбетов И.Н. [и др.]. Алматы, 1998.
2. Кунаев Д.А. О моем времени // Простор. 1991. № 11. С. 80–53.
3. Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата, 1963.
4. Зеленин И.Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» (сентябрь 1953 г. – начало 60-х гг.) // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 114–123.
5. Андреев С.Н. Кампания по освоению целинных и залежных земель во второй половине 1950-х гг.: принятие решения и опыт проведения в Сибири // Мобилизационная роль Советского государства в хозяйственном освоении Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2012. С. 147–169.
6. Брежнев Л.И. Воспоминания. М., 1983.
7. Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. Т. 1. С. 275–276.

Статья поступила
в редакцию 24.09.2013

⁸ VII съезд Коммунистической партии Казахстана // Казахская правда. 1954. 16 февр.

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 930.1

А.Д. ПРОТАСОВ¹, А.Ю. ТОКМАКОВА²**МИХАИЛ КСАВЕРЬЕВИЧ КОРБУТ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
РАБОЧЕГО СТРАХОВАНИЯ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ***

¹аспирант Тюменского государственного университета,
г. Тюмень
e-mail: prad1969@yandex.ru

²аспирант Тюменского государственного университета,
г. Тюмень
e-mail: tokmakova@utmn.ru

М.К. Корбут (1899–1937) – «красный профессор» из Казани, внесший неопределимый вклад в формирование отечественной исторической школы, автор более чем 120 научных работ. Его внимание привлекали и революционная борьба, и рабочее законодательство царского и Временного правительства, и история Казанского университета. В статье рассматривается проблема отражения вопросов страхования рабочих дореволюционной России, которая пролегла отдельной нитью в исследовательской канве историка. Авторы выявили и проанализировали более 10 публикаций Михаила Ксаверьевича по указанной теме, а также достаточно широкий круг современных работ, в которых освещается трагическая судьба и научное наследие Корбута. В результате исследования дана оценка вклада историка в изучение дореволюционного опыта обеспечения пострадавших рабочих. Выявлены особенности дискурса, используемого ученым в контексте культурно-идеологического давления на науку в 20–30 гг. XX в. Основное достижение М.К. Корбута заключается в первую очередь в том, что он ввел в научный оборот ранее не опубликованные архивные источники и сведения об участии департамента полиции в страховой кампании. Изложение ряда факторов, повлиявших на формирование и динамику научных воззрений М.К. Корбута, дает авторам статьи возможность сделать выводы о причинах забвения и критики историка в советской историографии. Поводами к смертному приговору были, во-первых, положительная оценка ученым деятельности царского правительства в реформе социального обеспечения пострадавших рабочих, что не укладывалось в рамки официальной идеологии. Во-вторых, позитивное отношение к трудам опальных участников внутривластной борьбы того времени. Статья вносит вклад в историографию проблемы страхования рабочих в дореволюционной России, а также в изучение жизни и научного творчества подвергшихся огульной критике исследователей.

Ключевые слова: М.К. Корбут, дореволюционное страхование рабочих, рабочее законодательство, департамент полиции, судьба историка, историография.

Период 1920–1930-х гг. в истории отечественной исторической науки признается отдельной эпохой. Встречается множество звучных названий: этап «периформирования российской идентичности»; время «складывания идеократической системы», «навешивания идеологических ярлыков», период формирования «большевистской истории» и др. Такие названия отражают стремление показать последствия и трагичность давления на целые группы ученых, чье социальное происхождение, вероисповедание или взгляды были не угодны сторонникам официальной партийной доктрины. В последнее время все активнее публикуются работы, которые на основе анализа архивных источников (в том числе рассекреченных уже в наши дни) пытаются осветить не только

масштабные акции гонений и чисток в интеллектуальных кругах, но и судьбы отдельных личностей. Исследователи стараются раскрыть ранее замалчивавшиеся или неизвестные факты биографий репрессированных и подвергшихся огульной критике ученых, по-новому осветить грани их научного творчества.

Не последнее место в числе ученых, внесших неопределимый вклад в формирование отечественной исторической школы, несмотря на сложность и даже опасность служения науке в период «идеологических зачисток», занимает профессор из Казани Михаил Ксаверьевич Корбут. Его трагическая судьба и научное наследие уже не раз являлись объектом исследований в недавно увидевших свет трудах Е.С. Масловой, А.А. Литвина, А.А. Сальниковой и др. [1–9]. Авторы неоднократно подчеркивают колоссальную работоспособность и широту интересов Корбута. Его

* Статья написана при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (Соглашение 14.В37.21.0481).

внимание привлекали и революционная борьба, и рабочее законодательство царского и Временного правительств и история Казанского университета. Отдельной темой в исследовательском поле историка стало изучение вопросов страхования рабочих в дореволюционной России. С 1925 по 1932 г. по этим вопросам Михаил Ксаверьевич опубликовал более 10 работ [10–19]. Их анализ и вклад ученого в целом в разработанность истории социального страхования на промышленных предприятиях конца XIX – начала XX в. не нашли достаточного освещения в отечественной историографии. Только в 2000 г. А.В. Морозов, одним из первых, выделяет работы М.К. Корбута как ставящие изучение названной проблемы на качественно новый уровень, «уровень более серьезных обобщений и источникового анализа» [20, с. 19].

После Корбута новых работ по истории обеспечения пострадавших рабочих не выходило довольно длительное время. Согласимся с мнением И.С. Бельшева, который связывает это с полным возобладанием, начиная с 1930-х гг., догматического подхода и сокращением круга тем, одобренных свыше [21, с. 13–14].

Первую работу по рассматриваемой проблеме М.К. Корбут защитил 6 декабря 1925 г. в публичном заседании Общественно-экономической предметной комиссии Восточно-педагогического института для получения права самостоятельного преподавания в вузах [11, с. 124]. Уже тогда автор делает несколько неосторожных высказываний, например, о деятельности правительства П.А. Столыпина в области социального страхования и о его позитивном влиянии на подготовку к законодательной работе [10, с. 4–5]. Такого рода «политически близорукие» высказывания были свойственны Корбуту и в дальнейшем. В тот период даже нейтральный отзыв о деятельности организатора реакции 1907–1910 гг. был довольно смелым шагом. Кроме того, Корбут даже предположил, что рабочее законодательство III Думы было бы более успешным, если бы воплотилось в жизнь все мероприятия Столыпина [10, с. 22]. При этом он отмечает и недостатки царских страховых законов, точно отражая линию партии по этому вопросу. Такие переходы от непредвзятых суждений к четкому следованию партийным установкам встречаются в трудах Корбута до начала 1930-х гг.

Ранее отмечалось, что Михаил Ксаверьевич вел активную политическую жизнь. К 1925 г. он уже был заведующим рабочим факультетом Казанского университета. Одновременно руководил Казанским отделением Истпарта (Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б)) и являлся комиссаром Татарского архивного управления¹, кроме того, был действительным членом Общества истории, археологии и этнографии при Казанском государственном университете. Даже несмотря на такой насыщенный рабочий график, Корбут продолжал свои научные исследования. В декабре 1925 он добился командировки для занятий в Центральном историческом архиве Ленинграда, где в течение двух месяцев изучал источники по рабочему законодательству [11, с. 124]. Обнаруженные им в фонде департамента полиции

документы, ранее практически неизвестные и никем не исследовавшиеся, стали основой большинства его последующих трудов по страхованию рабочих.

В биографии М.К. Корбута 1928-й год стал особенно сложным, но в то же время и наиболее плодотворным в творческом плане. Дело в том, что в конце 1927 г. он был исключен из партии за участие в троцкистской оппозиции, но вскоре восстановлен с объявлением выговора за фракционность. В 1928 г. вышло большое количество публикаций Михаила Ксаверьевича, в том числе отрывки из уже подготовленной к печати, но так и не увидевшей свет книги «Департамент полиции и страховая кампания 1912–1914 гг.». Вероятно, такая «производительность» была обусловлена желанием Корбута реабилитироваться в глазах коллег после исключения из партии. Основной мыслью задуманной книги является вывод, сделанный на основе обнаруженных архивных источников, о том, что страховая кампания 1912–1914 гг. проводилась под бдительным руководством департамента полиции. Однако в целом на содержании работ историка этого периода результаты борьбы за лидерство в высших эшелонах власти не отразились в полной мере. Согласимся с мнением, что М.К. Корбут, хотя и стремился к объективности изложения материала, но тем не менее «не отрицал, что память о прошлом нужна, но память скорректированная» [3, с. 48]. Поэтому вполне объяснимо, что после довольно провокационного высказывания во вступлении к одному из отрывков упомянутой книги о привычке большинства думать о страховых законах как о естественном плоде только Октябрьской революции он тут же пытается смягчить это высказывание, подчеркивая преимущество советских страховых законов перед царским законодательством [13, с. 136].

Еще одним тревожным сигналом для историка выглядит характеристика журнала «Пролетарская революция», данная его статье о страховой кампании 1912–1914 гг. Корбуту вменялось слабое использование большевистской литературы и недостаточное выявление роли партии в страховой кампании [14, с. 90]. Несмотря на то, что работа была признана значимой, подобные критические стрелы в печатном органе Истпарта, да еще на фоне исключения из рядов ВКП(б), должны были заставить Михаила Ксаверьевича сделать соответствующие выводы.

Сразу три статьи М.К. Корбута в 1928 г. выходят в сборнике, который издала комиссия, специально организованная для сбора и изучения материалов по истории страхования [15–17]². Для всестороннего освещения проблемы Корбут не только вводит в научный оборот большое количество ранее не опубликованных источников, но и обращается к меньшевистскому печатному органу – «Страхование рабочих». Обращает на себя внимание то, что в одной из этих работ он даже присоединился к оценке значения страховых законов, данной меньшевиками, хотя впоследствии подвергал их жесткой критике [12, с. 67]. Михаил Ксаверьевич старался быть объективным. Из объяснительной записки министерского проекта он приводит сведения, которые описывали не такое ужасное состояние государственной медицинской поддержки на фабриках и заводах дореволюционной России, как

¹ Журнал заседания коллегии Главархива № 1 от 30 декабря 1920 г. – ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 209. Л. 16–16 об.

² ГАРФ. Ф. Р-6 935. Оп. 8.

это обрисовывали большевики. Большевистские трактовки показывали либо полное отсутствие тогда какого-либо лечения для рабочих, либо нахождение его под контролем бюрократического «творчества». Корбут же в своих трудах привел цифры, которые говорили о вполне удовлетворительном уровне врачебной помощи для рабочих крупных и средних предприятий и о распространении ее в денежной форме на мелкие промышленные заведения после введения страховых законов [12, с. 70–71].

В этот период в своих работах Корбут постоянно ссылается на репрессированных впоследствии Г.Е. Зиновьева, Н.И. Бухарина и Л.Б. Каменева, при этом практически не обращается к «авторитетным трудам» В.И. Ленина и И.В. Сталина. Вероятно, такая поддержка Корбутом «троцкистско-зиновьевского блока» стала еще одним фактором на его пути к трагическому концу.

Искренняя убежденность в верности марксистской идеологии, с одной стороны, и необходимость подстраиваться к деятельности под уже сгущавшимися политическими тучами – с другой, привели к определенной трансформации научных взглядов Корбута. Выходить за официально установленные идеологические рамки он старается все реже. В 1931 г. была опубликована его статья, посвященная рабочей политике IV Государственной думы [18]. Внимание здесь привлекает упоминание автором закона о подчинении действию фабричной инспекции отдельных территорий Кавказа, Сибири, Степного края и Туркестана, а также его внимание к принятию решения о необходимости распространения на губернии и области Сибири действия положения о страховании рабочих и обеспечении их на случай болезни [18, с. 83]. Упоминание об этом нормативно-правовом акте, весьма важном для понимания истории страховой кампании начала XX в., надолго исчезло из исторического оборота (подробнее см.: [22]). В этой же работе Корбут характеризует деятельность меньшевиков-ликвидаторов в IV Думе, снова ссылаясь на мнение Г.Е. Зиновьева [18, с. 101].

Последняя публикация М.К. Корбута по рассматриваемой проблеме была приурочена к 20-летию начала страховой кампании [19]. Эта работа уже изобилует ссылками на В.И. Ленина и И.В. Сталина и вполне соответствует духу последующих трудов по истории социального страхования рабочих. В отличие от первой работы Корбута, здесь Столыпин уже не иначе как «вешатель» [19, с. 65]. Взгляды меньшевиков на страховую кампанию, как и выражавший их журнал «Страхование рабочих», подвергаются жесткой критике [19, с. 60]. Упоминание о совместной работе с В.И. Лениным находящегося на тот момент в сложной ситуации Г.Е. Зиновьева и цитирование его критики в адрес Л.Д. Троцкого выглядят как попытка протянуть руку помощи «опальному революционеру» [19, с. 65, 66]. Но оказалось, что помощь требовалась самому Михаилу Ксавьеревичу. В 1933 г. он вновь был исключен из партии, арестован и отправлен на три года в ссылку в Казахстан, где срок увеличили еще на 5 лет. В конце 1936 г. его этапировали в Казань и обвинили в участии в «контрреволюционной террористической троцкистской организации». Не забыли и о личной связи историка с официально исполнявшим должность ректора Казанского университета Г.Е. Зиновьевым. В обвинительном заключении Корбут написал: «С обвине-

нием не согласен»³. Приговор был приведен в исполнение 1 августа 1937 г.

Только через 19 лет – 28 июня 1956 г. – определением Военной коллегии Верховного суда СССР историк был посмертно реабилитирован. Приговор от 1 августа 1937 г. отменен, дело в уголовном порядке прекращено за отсутствием состава преступления⁴. Несмотря на то, что в Советской России было опасно и не принято позитивно отзываться о достижениях «неугодных» ученых, ссылки на опубликованные Корбутом источники встречаются уже в 1948 г. в диссертационной работе В.В. Караваева [23]. При этом автор иногда указывает фамилию Корбута [23, с. 245, 256, 345], а иногда – лишь название сборника статей Истсоцстраха [23, с. 417, 420].

Вклад М.К. Корбута в исследование дореволюционного страхования рабочих заключается в первую очередь во введении в научный оборот ранее не опубликованных архивных источников и сведений об участии департамента полиции в страховой кампании. Кроме того, историк опубликовал ряд фактов, которые свидетельствуют о положительной роли П.А. Столыпина и Государственной думы в реформе социального обеспечения пострадавших рабочих, о попытках создания еще до революции адекватной медицинской помощи на наиболее опасных промышленных предприятиях. Корбут одним из первых заговорил о распространении на Сибирь надзора фабричной инспекции как важного шага к введению здесь обязательного страхования рабочих. Все это противоречило официальной концепции, берущей начало еще в дореволюционных публикациях и окончательно оформившейся в 1930-е гг., расценивать возникновение рабочего законодательства как ряд уступок буржуазии под напором стачечной борьбы рабочих во главе с партией большевиков. Такая интерпретация событий и пренебрежение к цитированию общепризнанных трудов классиков марксизма-ленинизма, особенно на начальном этапе разработки темы, имели печальные последствия. Одной из причин его трагического конца стало позитивное отношение к трудам Г.Е. Зиновьева, Н.И. Бухарина и Л.Б. Каменева, в то время активно участвовавших во внутрипартийной борьбе. Молодой, талантливый и перспективный ученый слишком поздно среагировал на изменения в политической элите государства.

После расстрела Корбута круг обозначенных им проблем был воспринят исследователями как «запретный», хотя история изучения рабочего класса официально провозглашалась одной из важнейших задач советского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литвин А.А. Корбут Михаил Ксавьеревич (1899–1937) // Возвращенные имена: док. очерки / сост. С.С. Елизарова, Д.Р. Шарфутдинов. Казань, 1990. С. 111–115.
2. Литвин А.А., Сальникова А.А. Судьба «красного» профессора: М.К. Корбут // Мировое политическое и культурное пространство: история и современность: Материалы Междунар. науч. конф. 23–25 мая 2006 г. Казань, 2007. С. 101–106.

³ Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 8 233. Оп. 2. Д. 2-8 087. Л. 4.

⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 30. Оп. 3. Д. 1 579. Л. 6 об.

3. Литвин А.А., Маслова Е.С., Сальникова А.А. Жизнь и судьба «красного» профессора: Михаил Ксаверьевич Корбут (1899–1937). Казань, 2009. 125 с.
4. Литвин А.А., Сальникова А.А. Петля Корбута: взлет и падение «красного» историка // Родина. 2010. № 7. С. 137–140.
5. Литвин А.А., Сальникова А.А. «Красный» профессор Михаил Корбут (1899–1937) // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX в. : Материалы Междунар. науч. конф. М., 2011. С. 28–30.
6. Латыпова Г. Из истории развития профессионального образования в ТАССР в 1920-е гг. // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2011. № 3/4. С. 82–86.
7. Маслова Е.С. Историк М. К. Корбут: 1899–1937 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. 200 с.
8. Маслова Е.С. «Рабфак шаг за шагом продвигался вперед» (рабочий факультет Казанского университета в 1919–1926 гг.) // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2004. № 2. С. 20–25.
9. Маслова Е.С. Научное наследие Казанского историка М.К. Корбута и современность // Историчні і політологічні дослідження. 2012. № 2 (50). С. 33–38.
10. Корбут М.К. Рабочее законодательство Третьей Государственной думы. Казань, 1925. 23 с. (Отд. оттиск).
11. Корбут М.К. Отчет о двухмесячной командировке в Ленинград для научных занятий // Науч.-пед. сб. Вост.-пед. ин-та. 1926. № 1. С. 124–128.
12. Корбут М.К. Как создавались царские страховые законы (к 15-летию страховых законов 23 июня 1912 г.) // Советское право. 1927. № 3. С. 48–67.
13. Корбут М.К. Страховые законы 1912 года и их проведение в Петербурге // Красная летопись. 1928. № 1. С. 136–171; № 2. С. 157–175.
14. Корбут М.К. Страховая кампания 1912–1914 гг. // Пролетарская революция. 1928. № 2 (73). С. 90–117.
15. Корбут М.К. Страховые законопроекты в Третьей Государственной думе // Материалы по истории социального страхования. М., 1928. Сб. 1. С. 19–59.
16. Корбут М.К. Промышленники, правительство и рабочее законодательство // Материалы по истории социального страхования. М., 1928. Сб. 1. С. 60–77.
17. Корбут М.К. Страховая кампания по материалам департамента полиции // Материалы по истории социального страхования. М., 1928. Сб. 1. С. 106–149.
18. Корбут М.К. Рабочая политика 4-й Гос[ударственной] думы // Красная летопись. 1931. № 5/6. С. 76–103;
19. Корбут М.К. Большевики в страховой кампании и борьба с меньшевиками (к 20-летию страховой кампании в связи с законами 23 июня 1912 г.) // Красная летопись. 1932. № 3. С. 135–164; № 4. С. 55–77.
20. Морозов А.В. Больничные кассы и страхование рабочих в Казанской губернии 1912–1919 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000. 380 с.
21. Бельшев И. С. Страхование фабрично-заводских рабочих и служащих России : 1912 – февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2004.
22. Протасов А.Д. К вопросу о распространении действия фабричной инспекции и страховых законов 1912 г. в Сибири // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2012. Вып. 14. С. 206–210.
23. Караваев В.В. Законодательство о страховании рабочих в царской России: дис. ... канд. юрид. наук. Б.м., 1948. 516 с.
24. Копылова О.Н., Хорхордина Т.И. «Спасены архивные дела, фактически спасены от гибели»: из протоколов руководящих органов управления архивным делом в 1918–1928 гг. (1920–1922 гг.) // Отеч. архивы. 2010. № 5. С. 96–117.

Статья поступила
в редакцию 15.10.2013

SUMMARY

Sokolovskiy I.R. Russian Governors of Siberia and Descendants from the Grand Duchy of Lithuania (Belarusian and Lithuanian Lands) in the First Third of the XVII Century

Muscovy and the Grand Duchy of Lithuania of the Polish–Lithuanian Commonwealth (the Grand Duchy owned some Russian and Belarusian lands) were states derived from the same root – the culture of Kievan Rus'. In the course of their historical development their paths significantly diverged which was the reason for both the mutual understanding and mutual misunderstanding between the subjects of both states.

In 1632, Russian troops blocked the Smolensk fortress, defended by the Polish garrison and forces of “pospolite ruszenie” assembled by the neighboring gentry. Russian army was commanded by Mikhail Borisovich Shein, who was the commandant of Smolensk in 1607-1611 and defended it from the Poles. Russians intensively shelled the fortress, but could not take the city. Polish army under the command of King Wladislaw IV came to Smolensk in September 1633. Russian troops were trapped. The Russian army surrendered in February 1634. The war ended, but two years of warfare caused the appearance in Siberia of significant group of people from the Belarusian lands.

In August 1633 approx. 150 “Lithuanians” arrived at Tomsk. On June 14, 1634 a “ploughing peasant” Timothy Emelyanov Smolyanin accused them of plotting to kill Russian Cossacks and the Governor and then to escape in big number to the West in order to get back to “Lithuania”. Interrogation of suspects gave modest results. The majority said that they heard about the plot for the first time. However, the Governor took decisive action and ordered to hang 12 men, whom he considered the most dangerous. Then he sent to Moscow the investigation materials, which are the only historical source at our disposal. The essential part of these materials is published as an appendix to this article.

In Siberia of 1630s prisoners were perceived ambiguous. On the one hand, they were not completely “strangers”, they had meaningful names and spoke in plain language. On the other hand, a large group of prisoners of war was perceived by the local population as a threat, so the locals demanded from the government to take steps in order to remove them from the city.

Key words: Siberia, Belarus, communication, Lithuania, population, fighting, garrisons, XVII-XVIII century.

Ananyev D.A. Descendants from Western Outskirts of the Russian State in Siberia (XIX - Early XX Century): Foreign Historians' Viewpoints

In the course of several centuries a complex and multi-ethnic society was formed in Siberia. It comprised people of various nationalities, including descendants from Belarussian, Ukrainian and Polish lands (before 1917 - Western outskirts of the Russian Empire). Researchers of Siberian history face the task

of going into a more profound analysis of interethnic contacts and evaluating of the role played by different ethnic groups in colonization of the region. Along with Russian scholars this topic is actively studied by researchers from Poland, Belarus, Germany, USA and other countries. The author of the present paper aims at revealing main approaches applied by foreign researchers to studying historical links between Siberia and Western outskirts of the Russian Empire and defines prospects for future research. Having analyzed the range of problems studied by foreign researchers the author comes to conclusion that the most topical issues connected with descendants from Poland, Belarus and Ukraine in Siberia are the history of exile and penal labour; mass peasant migrations beyond the Ural; problems of ethnosocial and confessional development. Special attention is paid to the period of XIX - early XX centuries when Siberia experienced a huge influx of migrants from European Russia. During the last several decades the foreign historiography dealing with this topic witnessed a gradual shift from studying universal patterns of history (e.g., within a “modernization” approach) to a more close attention to ethno-cultural aspects of colonization, problems of “national identity”, specifics of “civilizational” development and “building an empire”. At the present stage a more profound analysis of the actual role played by Ukrainians, Belarussians and Poles in Siberian colonization is possible on the basis of joint research projects combining efforts of representatives of various schools of scientific thought and trends in historiography.

Key words: Russian Empire, Siberia, colonization, modernization, Ukrainians, Poles, Belarussians, exile and penal labour.

Kamenetskiy I.P. Natives of the Belarussian Lands serving in Siberia in the XVII Century

The paper deals with causes and pattern of migration of Belarussians to Siberia, their participation in accession and colonization of the region. It is shown that the main influx of Belarussians to Siberia in the XVII century was caused by the wars between Russia and Poland. Russian authorities in order to enlarge the military contingent beyond the Urals used military experts recruited from the prisoners of war and voluntary re-settlers from Belarussian lands. Among those who entered military service and held command positions preference was given to the well-born and belonging to the Orthodox Church. Natives of “Belaya Rus’”, with combat experience were appointed by Moscow to command and ordinary assignments and sent to Siberia and other garrisons. It was found out that the service activities of the Belarussian “szlachta” P. Arshinsky, S. Kruglik and their descendants holding high positions in the Siberian “army” involved a wide range of responsibilities and critical assignments. These included participation in military campaigns, expeditions, embassies, various investigative and fiscal actions. Rank and file Belarussians

were in foot troops and cavalry Cossack service, along with Russian soldiers collected tribute, erected strongholds, defended borders of the new Russian possessions. Along with military service Belarusians were actively involved in agricultural development of the region, had a significant amount of farmland and livestock. In their farms they used waged and bonded labor which products were sold at the local markets.

Incorporation of Belarusians into the Siberian society was facilitated by the similarity between the Belarusian and Siberian frontiers as well as by their inhabitants' cultural, religious and linguistic nearness. It is noted that as opposed to other descendants from the Polish-Lithuanian Commonwealth, integration of Belarusians in the Siberian society was more rapid and less painful.

Key words: Belarusians, Siberia, "sovereign" service, economic management, adaptive abilities.

Gurianova N.S. The Old Believers and "Lithuanian" books ("Litovskie" knigi).

The opponents of the liturgical reforms imposed by Patriarch Nikon appealed to Russian manuscripts and printed books of the Moscow Printing Yard to prove the illegality of changes in the rites and liturgical practices of the Russian Church. There was gradually formed a system of authoritative books of the Old Belief, made up of books that also were significant for the opponents. This circle includes miscellanies "Kirill's Book" ("Kirillova kniga") and "Book about Faith" ("Kniga o vere"), which were printed in Moscow but composed of the writings of Ukrainian and Belarusian Orthodox authors in the late XVI – early XVII centuries. The next generation of the Old Believers also appealed to the original texts, namely, so-called "Lithuanian" ("Litovskiye") books printed on the territory of Lithuania, Belarus and Ukraine. Old Believers used them to look for ideas and arguments to support their position. In the first quarter of the XVIII century these books were included in the circle of reputable sources. The article describes one of the methods used by Old Believers in order to give importance to "Lithuanian" ("Litovskiye") books. Thus a large number of arguments in the "Pomorian answers" ("Pomorskiye otvety") were references to editions printed by Orthodox printing houses of Kiev Metropoly, which were allocated into a special section titled "Belarusian" or "belorossiyskie" books. Vygovtsy used this term obviously guided by 1620 Decree which labeled the Orthodox population of the related Metropoly as "Belorustsy". Patriarch Filaret called to treat them with great caution, as the living conditions in the heterodox environment contributed to some deviations from the true faith, while for the Old Believers in the early XVIII century the term "belorossiyskie" became synonymous with "Orthodox", "true", "right".

Key words: Russian Church, Kiev Metropolis, Schism, XVIII Century, Old Belief, manuscripts, printed editions, "Lithuanian" ("Litovskiye") books, "Pomorian answers" ("Pomorskiye otvety").

Fedorov I.G. Monasteries of the Yeniseisk Diocese during the Pre-Soviet Period As Influenced by the Descendants from Western Parts of the Russian Empire Including Byelorussia and Ukraine

Based on the documents of monasteries' management and record keeping from the State Archive of the Krasnoyarsk

Krai the article considers development of three Orthodox cloisters in the Yeniseisk diocese (formed in 1861) during the second half of the XIX - early XX centuries. It highlights such aspects as sources of monasteries' financing, their contribution in development of public education and charity; analyzes educational level and regional origin of cenobits. The author studies population changes and reasons for which descendants from Western parts of Russian Empire settled in Siberia; shows how they influenced the organization of monastic life. The study is focused on the lives and activities of two outstanding descendants from Western governorates: the celibate priest Zosima who was the founder and first abbot of the Krasnoyarsk Uspensky monastery and Philaret – the founder and first abbot of the Krasnoyarsk Znamensky monastery. In particular it describes how Philaret created the Znamenskiy monastery which became one of the most authoritative religious centers by the beginning of the XX century. In the monastery a school and asylum for disabled veterans of the World War I were established.

Key words: Siberian monasticism, natives of Belarus and Ukraine, the settlers, the history of everyday life.

Tumanik Ye.N. Materials to the Biography of the Mid-XIX Century Siberian Official H.S. Bildzyukevich

The article is devoted to characteristics of historical sources newly introduced into scientific use and connected with the development of Eastern Siberia and annexation of the Amur river region in the middle of XIX century. The article shows Hector Bildzyukevich's administrative activities in eastern Russia. He held a middle management position and arrived to Siberia from the territories of modern Belarus. Bildzyukevich came to Siberia voluntarily, as he wanted to be an employee under the leadership of the Governor-General of Eastern Siberia, Count N.N. Muraviev-Amurskiy and to participate in the development of the Amur region. Besides public service H. Bildzyukevich was actively involved in studying history, ethnography, statistics, geography, population, flora and fauna of the region. He made several drawings – panoramic views of Siberian settlements, natural objects, ethnographic and genre sketches, images of flora and fauna. He wanted to inform his fellow countrymen about the Eastern Siberia. As a result, he compiled "The Picturesque Album" – a systematized collection of essays and illustrative materials. The article details annotated illustrative component of "The Picturesque Album." H. Bildzyukevich was a police chief ("zemskiy ispravnik") in Gizhiga in the mid-1860s. The article analyzes his annual report and a memo dated from 1866. These documents relate to the problems of national policy of the Russian Empire in the Far North and the overall geopolitical situation in the eastern frontier of the country. H. Bildzyukevich tells about the economic and strategic significance of the region and opposes the principle of «national borderlands». He puts forward important initiatives for further integration of the Siberian indigenous ethnic groups into the Empire's space and strengthening the State's authority. This set of documents has been recently published. It will be useful for specialists in many areas of knowledge.

Key words: administration, management, description of Siberia, development of the Amur Region, the national policy of the Russian Empire.

Kukharenka A. Archival Documents on the History of Belarusian Branches of the Peasant Land Bank

The article aims at analysis of the original sources on the history of Belarusian local branches of the Peasant Land Bank, which are stored in the archives of the Republic of Belarus, the Russian Federation and the Republic of Lithuania. The archival documents allow revealing distinctive features of the Peasant Land Bank activities aimed at solving a long-simmering agrarian question in Belarusian provinces.

It is important to note, that currently there is a need for revision of the long-term approaches to studying the Peasant Land Bank activities, formulated in the Soviet historical science. Specifics of its activities in the territory of Belarus remain understudied in the contemporary scientific literature. This circumstance stipulates for the novelty of research topic. Besides, the theme of the research is not just soundly based on theory, but also has practical value that explains its topicality and the need for profound analysis.

Special attention is drawn to the problem of interactions between local branches of the Bank and land surveying commissions. They established cooperation to mobilize land property and to raise farming standards. Besides, the role of the Peasant Land Bank in realization of the Stolypin agrarian reform in the territory of Belarus is shown.

Key words: Peasant Land Bank, archival documents, source study, credit, land management, charity.

Litvin A.M. Natives of Siberia in Partisan Movement and Underground of Belarus (1941-1944)

The article gives brief overview of the data on Siberians – natives and inhabitants of the Siberian region, as well as Belarusian Siberians, who made the significant contribution to the development of partisan movement and underground struggle in Belarus during the Great Patriotic War. Given examples testify that Siberians were involved in organization of partisan movement and the Party and Komsomol underground from the first days of the war. The examples also show the reasons for which Siberians appeared in the occupied territory of BSSR.

Some of them lived or worked there during the prewar years, some served in the Western Special Military District armies, some arrived to Belarus after the beginning of the war as a part of detachments of the internal military districts of the Soviet Union. The other appeared in the occupied territory as a part of partisan groups and detachments, organizational and reconnaissance groups and raiding forces formed by the Central Committee of KP(B)B, the Central Committee of All-Union Leninist Young Communist League (VLKSM), NKVD-NKGB, General Staff Reconnaissance Directorate of RKKKA, Councils of War of fronts and armies. The examples given in the article testify that Siberians held important positions in the Party and Komsomol “underground” structure, were commanders and commissioners, chiefs of staff, commanders of squadrons and platoons of partisan formations (groups and brigades). Many of them fought as ordinary partisans and “underground” soldiers. Many of them were decorated with medals, five Siberians (including two Belarusians) were awarded for participation in partisan movement the ranks of the Hero of the Soviet Union (two of them – posthumously). Three partisan groups had the name “Siberian”, one of the partisan brigades was named after

its commander A.K.Flegontov. This research allows significantly to enrich our knowledge of the Siberians and Belarusian natives of Siberia contribution to organization and development of the partisan and underground struggle in Belarus (1941–1944).

Key words: organizers, leaders, Siberians partisans, partisan and underground struggle in Belarus, history of everyday life.

Shilovskiy M.V. Siberian Military Formations in the Combats for the Liberation of Byelorussia in 1943-1944

Out of 60 divisions formed in 1939-1943 in the Siberian military district (Altay and Krasnoyarsk Regions, Omsk, Novosibirsk, Kemerovo and Tomsk Oblasts) only 20 divisions took part in the combats for liberation of Byelorussia in 1943-1944. The term “Siberian major units” needs to be specified for the purpose of defining the share of “Sibiriyaks” (natives of Siberian region or drafted into the army from there). As a rule in the course of intensive combat operations there was a considerable rotation of the military personnel and it was replaced not only with “Sibiriyaks”. Apparently, the term “Siberian divisions” during the Great Patriotic War of 1941-1945 had certain psychological and propagandist connotation as an element of psychological and moral support while handling the enemy. During the period of September, 1943 – February, 1944 the Soviet Army carried out hard fights in a westerly direction which resulted in liberation of the Upper Dnieper. Siberian divisions without the adequate fire support literally “gnawed through” the fortified lines and suffered huge losses. For the outstanding acts of bravery 65 Siberian soldiers were bestowed with the title “Hero of the Soviet Union”. Almost one third of them were decorated with this title posthumously. In the Belorussian strategic offensive operation “Bagration” (June 23 – August 29, 1944) 16 Siberian divisions took part which equaled approximately 10% from all large units employed in the four fronts. For participation in the battles conducted during the summer of 1944 57 Siberian soldiers were bestowed with the title of the “Hero of the Soviet Union”, 19 of them received it posthumously. At the time of accomplishing a feat 41 heroes were younger than 30, while 2 soldiers had just turned 18. 13 out of 16 Siberian divisions that took part in the operation “Bagration” were bestowed with high government decorations. On June 23, 1944 the Belorussian offensive operation began; on July 28 the red banner flared up over the ruins of the Brest fortress. Siberian soldiers and divisions formed in Siberian military district contributed significantly to the liberation of the brotherly republic.

Key words: Siberian military formations, Byelorussian SSR, Siberian Military District, state decorations, honorifics.

Kupershtokh N.A. The Role of Academician Valentin A. Koptuyg in the Development and Preservation of the Scientific Potential of Russia and Siberia in the 1980s-1990s

The paper deals with the activity of Academician Valentin Afanasievich Koptuyg (1931–1997) as a scientist in the field of physical, synthetic and applied organic chemistry and also as an organizer of science in general. The author shows his role in organization of fundamental research of organic chemistry and training of scientific cadres and also in creation of new scientific institutions in the Siberian region during the 1980-1990s, his

activity connected with maintaining the academic potential of Russia and Siberia in the post-Soviet period.

V.A. Koptug, Belarusian by nationality, disciple and follower of academician N.N. Vorozhtsov, realized his creative plans in the Novosibirsk Institute of Organic Chemistry. He defended his D. Sc. thesis and made significant contribution to fundamental research of physical, synthetic and applied organic chemistry. He was the founder of the scientific schools in the field of organic chemistry and chemical informatics. For his scientific merits and contribution in the development of science he was elected acting member of the USSR Academy of Sciences (later – Russian Academy of Sciences) and awarded with many prestigious awards. Being the head of the Institute of Organic Chemistry in 1987–1997, the Academician V.A. Koptug determined the Institute's general strategy, based on the global trends in the development of science. In this period the Institute started to apply new physical methods, mathematical modeling and data bases in chemical research practice and to carry out experiments with advanced equipment. At the same time the Institute became an active participant in international projects in the field of organic chemistry.

As Chairman of the Siberian Branch of the Academy of Sciences in 1980–1997, the academician V.A. Koptug contributed to establishment of affiliates located in Tomsk, Irkutsk, Krasnoyarsk, Ulan-Ude and Yakutsk as scientific centers of the Siberian Branch. Owing to his initiative separate academic institutes in Kemerovo, Omsk and Tyumen were re-organized into research centers of Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. In this years institutions with functions of research centers in Barnaul, Chita and Kyzyl were established. In the post-Soviet period the academician V.A. Koptug developed a system of measures for saving the academic potential of Russia and Siberia, which remains relevant today.

Key words: Academician V.A. Koptug, N.N. Vorozhtsov Novosibirsk Institute of Organic Chemistry, the Siberian Branch of the USSR / Russian Academy of Sciences, the Academy of Sciences of the USSR / Russian Academy of Sciences.

Lin D.G. Transformation of Rural Families in the Republic of Belarus in the Last Third of the XX – Early XXI Centuries

The article based on census materials analyzes the quantitative and qualitative changes in Belarusian rural families under the influence of urbanization. The author proposes to use a typology applied for classification of households for family groups and subgroups. Such an approach extends the family statistics. The family structure was divided into 3 groups of families (simple nuclear, extended nuclear and compound families), which in turn have been divided into 9 subgroups.

It was found that by 2009 there was an alignment of rural and urban families (3.0 persons). However, this alignment was not uniform in all components of the family structure. Major changes in family composition significantly affected a group of simple nuclear families. Here the number of families originating from one married couple with or without children has been decreasing continuously over time. The opposite is the dynamics in incomplete nuclear families (children with one parent) – their number has been steadily growing, but as to the equity level, the number of rural families is continuously lagging behind the number of urban ones. Thus, the research results show that the

crisis in family sphere continues because of a growing proportion of single-parent families where the children are brought up without one of their parents.

We calculated the average size of families in each of the distinguished family subgroups. We show that in general the size of rural families in subgroups is not lower than in urban ones. So it is concluded that the concordance in the average size of urban and rural families is due to the different equity level of subgroups forming a general family structure. If we standardize the territorial family structures, the average rural family size will be higher. Major “losses” in the actual size of a rural family are brought by a high proportion of simple nuclear families without children (in rural areas the share of such families is more than 10% higher compared to the same share in urban areas).

Thus, changes in the structure of rural family in Belarus, based on the convergence of rural and urban patterns of marital behavior, strongly suggests that the urbanization process in the village is still ongoing.

Key words: urbanization, historical demography, rural and urban family, household, Republic of Belarus

Razuvanova K.S. Modern Belarusian Diaspora in the Russian Federation: on the History, Major Problems and Aspects of Study

The article is devoted to the main problems and prospects of studying the status of Belarusian Diaspora in the Russian Federation at the turn of the XX – XXI centuries. The introductory part of the article describes the basic features and possible consequences of the impact of the national question on international relations. It also shows the importance and severity of relations between nations in the modern world. The author characterizes the current status of the Belarusian minority in Russia in contemporary geopolitical processes, their impact on preservation of Belarusians national identity in the Russian Federation. Noting the existence and use of such different concepts as «diaspora», «fraternity», «partnership» etc. in regard to Belarusians and their national-cultural organizations in Russia, the author shows differences in key concepts and terms used by researchers studying this problem. Attention was also paid to historiography on the status of Belarusian national minority and national-cultural organizations of Belarusians existing in Russia nowadays. In particular, it reviews the main subjects of publications and highlights the most important works containing materials about the activities of national-cultural organizations of Belarusians. The author studies the most important periodicals considering them a special type of sources on the history and activities of Belarusian national-cultural communities; notes the journalists' role and contribution to studying the problem. The main approaches and problems of historiography along with the most important materials and works on the history of the problem are listed. Based on the research results the author offers an optimal model and methodological basis for further study of the current status of Belarusian Diaspora in Russia. In particular, the key trends and issues that should be considered in the future study are outlined. The need for interdisciplinary approach and application of methods and principles of social, ethnic, and political psychology is indicated.

Key words: national minorities, Belarusian Diaspora, the Russian Federation, national-cultural societies, national identity, historiography.

Komleva Ye.V. History and Culture of Byelorussians in Siberia in Contemporary Russian Historiography

The paper presents analysis of contemporary Russian historiography on the history and culture of Byelorussians in Siberia. It is noted that for the last twenty years the history and culture of Byelorussians in Siberia has been studied within several fields of knowledge: folklore studies, ethnography, historical demography, history of settlement and development of Siberia, biographic and local history. The author characterizes key publications of the recent years dealing with different aspects of the Byelorussians' role in colonization and socioeconomic development of the region. New problems and methodological approaches to the subject in contemporary Russian historiography on the history of Byelorussians in Siberia have been analyzed. Certain complications for researchers have been revealed: the problem of identification of Byelorussians among the whole Siberian population in the XVI-XIX centuries, the lack of methods allowing revealing the Byelorussian folklore sources belonging to the early period. The paper focuses on the integration efforts of various specialists – both from Russia and Byelorussia. Prospects for further investigation are outlined, including such topics as migration links between the populations of Byelorussia and Siberia, economic practices brought by Byelorussians to Siberia, cross-cultural interaction and succession of traditions, as well as development of local history studies dealing with the role of Byelorussians in the history of some Siberian cities and villages.

Key words: Siberia, Byelorussians, historiography, cross-cultural interaction, migration processes.

Shelegina O.N. Ethno-Cultural Heritage of Belarusians in Siberian Museums: Results and Prospects of Actualization

Studying the ethno-cultural heritage of Belarusians in Siberia is crucial for its consolidation, introduction into scientific and information environment as well as for its judicious use in communications between Siberian and Belarusian museums and conducting the comparative historical and museological studies. Modern forms of actualization of ethno-cultural heritage of Belarusians in Siberia are revealed based on the analysis of museum collections and scientific and museographic publications. Among these forms are joint Russian and Belarusian works on history and ethnography («Belarusians in Siberia: Preservation and Transformation of Ethnic Culture»); creation and exhibition of museum collections that reflect Belarusian culture in the second settlement area of the Belarusian people (Altai, Krasnoyarsk, Novosibirsk, Tomsk, Kemerovo, and Irkutsk regional museums of local lore); cataloging the collections («Culture of Eastern Slavs in the Collections of Museum of Archeology and Ethnography of Omsk State University»); museumification of cultural heritage (project of reconstruction and museumification of Belarusian estate in the Taltsy Museum of Architecture and Ethnography); and publication of memoirs of the descendants of “armoured boyars”, i.e., Belarusians involved in colonization of Siberian territories. Siberian museums preserve everyday objects of the descendants from the Mogilev, Gomel, and Vilna Governorates (the late XIX — early XX century); photographs depicting daily life in rural villages of the Belarusian Soviet Socialist Republic (1940—1950) and cultural and household traditions of Belarusians in Siberia (1960). Creation of an information system “Ethnocultural heritage of Belarusians

in Siberia” and an integrated online catalogue of Belarusian collections in Siberian museums, as well as implementation of intergovernmental scientific and museum projects are considered perspective ways of cultural heritage actualization in the era of globalization.

Key words: ethnocultural heritage of Belarusians, Siberian museums, museum collections, museumification of cultural heritage, intergovernmental scientific and museum projects, actualization of heritage in the era of globalization.

Pivovarov N.Yu. From Unity to Competition: History of Relations between the Union of Siberian Cooperative Unions (Zakupsbyt) and Tsentrosoyuz in 1916 – 1919

The article is aimed at studying the history of relations between the two largest Russian cooperative unions — the Moscow Union of Consumer Societies (since 1917 — Tsentrosoyuz), that was an All-Russian cooperative association, and the Union of Siberian Cooperative Unions (Zakupsbyt) comprised of the Siberian consumer cooperatives. Based primarily on archival documents and materials from periodicals the author concludes that the Moscow Union of Consumer Societies, founded in 1898, became the first Russian cooperative union with centralized organizational structure consisting of consumer societies and cooperative unions. However criticism of the Moscow Union's internal structure along with dissatisfaction of local authorities with its trade and distribution policies led to the fact that in 1916 the leaders of Siberian cooperative unions decided to organize their own Siberian center of consumer cooperatives - Zakupsbyt. It was an organization alternative to the Moscow Union as it had a decentralized (“federated”) organizational structure, leaving a large amount of authority for shareholders. However, due to exacerbation of the socioeconomic crisis, management of the Union of Siberian cooperative unions was forced to make transition from a federated to a centralized system of control. In 1916 – 1919 contacts between Zakupsbyt and Tsentrosoyuz encompassed a wide range of activities – from mutually beneficial agreements to direct competition for the markets and procurement of goods. The keynote of relations between the two cooperative unions was competition for consumers, which was hidden behind the official slogans stating the two supposedly alternative ways of the Russian cooperative movement development

Key words: Tsentrosoyuz, Zakupsbyt, Moscow union of consumer societies, Siberian cooperatives, consumer cooperatives, cooperative unions, shareholders, federal management, centralized management, Moscow, Siberia.

Razdorskiy A.I. Fur Trade and Crafts in P. N. Pavlov's Studies

The paper gives a detailed analysis of monographs by historian P.N. Pavlov (1921–1974) “Fur trade in Siberia in the XVII century” and “Trade colonization of Siberia in the XVII century”, published in Krasnoyarsk in 1972 and 1974. Pavlov's contribution to studying the development of fur trade in Siberia is noted. Much attention is paid to the historical sources Pavlov used in his research, first of all to the books of Siberian custom houses which were the main primary sources for studying this specific subject. The author describes techniques applied by Pavlov for processing these historical sources; cites the scholar's

conclusions about completeness and reliability of information contained in custom-houses' books. The statistics received by Pavlov in the course of studying the custom-houses' books and other sources (on the price of Siberian furs, share of various animals' fur production in the total output; share of furs in the state budget) are listed. Pavlov's contribution to research of technological and economic aspects fur trade is considered. Historian's conclusions about the process of peasant and trade colonization of Siberia, "yasak" policy, state's attitude to the private fur trade, relationships between the Russian fur traders and local population, practices of using the hunting areas are described. Pavlov's views on the territorial origins of fur traders, evolution of small commodity production and large business and on the essence of "pokruta" in the Siberian fur trade are presented.

Key words: fur trade, fur industry, trade colonization, Siberia, P. N. Pavlov, customs books, economic history.

Kotyk Y.V. Professional Training of Tax Officials in the USSR during NEP

The article is devoted to the problem of formation of tax bodies in the USSR during the NEP, which is understudied in the historical science. On the basis of archival materials the activity of Soviet government in Ukraine is disclosed with the purpose of training and improving professional skills of tax officials during the NEP.

In 1921-1922 the issue of high-quality staff training of the bodies of People's Commissariat of Food Supply of the USSR was a priority for the Soviet authorities under conditions of hyperinflation and goods famine. It was resolved owing to the temporary use of experienced "old" experts and training of new personnel even though it was resource- and time-consuming. Being unable to organize a comprehensive and fundamental training of financial personnel by means of re-opening higher educational institutions within the shortest possible time, the government established the tax training courses under support of provincial food supply committees for the specialists in the field of food taxation. Organization of food taxation courses in Ukraine was a rather large scale campaign.

Since the beginning of monetary reform in 1922 the Soviet government raised requirements to professional training of tax personnel in the structure of the People's Commissariat of Finance of Ukraine. The fundamental nature of educational process made the Bolsheviks at first to resort to the "services" of financiers of the "old school" (as it was in the case of the People's Commissariat of Food). Training of tax staff by the People's Commissariat of Finance, unlike the People's Commissariat of Food, actually began only in 1923, but it was more ambitious and enduring. Tax courses were organized at the central, regional and provincial levels and lasted from six to eight months. The courses were attended primarily by the members of the Party and those who came of the workers and peasants' families.

However, in 1923 there appeared negative tendencies in the work of tax bodies in the USSR: purges were initiated, in particular, dismissals of politically unreliable people.

Key words: tax bodies, tax courses, People's Commissariat of Finance, provincial finance department, People's Commissariat of Food Supply, professional training, Kiev Institute of National Economy.

Kalinin V.A. Prison Camp Theater Troupes during the Construction of Trans-Polar Railroad

A unique prison camp subculture that can be characterized as compensational-creative mechanism of individual adaptation and self-realization under extreme conditions of imprisonment emerged along with formation and development of the Soviet criminal-executive system, with expansion of the USSR NKVD-MVD prison camp and settlement network. Many on-stage performance groups functioned as an element of cultural and educational work in GULAG prison camps.

One of the brightest phenomena related to the post-war period of the GULAG's history in the sphere of ideological and cultural work among the masses was the emergence of theatre and music organizations under the guidance of the Northern Administration of Railroad Construction Prison Camps that built the Trans-Polar Railway Chum (Vorkuta) – Salekhard - Igarka.

The Musical-Dramatic Theater of the Northern Administration of Railroad Construction Prison Camps that emerged in 1947 (upon an initiative of the senior managers of the grandiose construction project) at the premises of cultural and educational establishments of Pechora Correctional Labor Camps reached its prime by 1950. The theater was high in demand among prison camp administrators, most notably as a means of entertainment for the construction managers and civilians. Only a few performances were intended for the prisoner population. Plays and shows were staged at prison camps as a reward for best workers, in order to create a compensational mechanism even if limited in its scale for people working under extreme climatic conditions, as an element of relaxation and cultural activities. The theater was included into the system working under the guidance of Cultural and Educational Department.

When the adjusted mechanism of construction became ineffective and the great infrastructure project was localized in areas with minimal industrial production activities, the theater was quickly closed. It was viewed as a rudiment of the past that for some reason had survived after the period of rapid construction development. The theater was closed in 1950, and two years later the construction of Transpolar Railway was completely abandoned.

Key words: Transpolar Railway, GULAG, theater troupes, Stalin's purges, cultural work among the masses.

Romanov R.Ye. The Monetary Incentives of the Industrial Activities of the Young Workers of Siberian Defense Enterprises during the Great Patriotic War (1941-1945)

The paper is devoted to the role of monetary incentives in stimulation of industrial activities of the young workers of Siberian defense enterprises during the Great Patriotic War. The author analyzes dynamics, disproportion in the wage level of young workers as well as their relation to the existed differentiation in wages. Changes in the average amount of salary of factory apprentices and workers (particularly as young as 25) are revealed. The author also shows the use of time-based payment, piece-rate pay and progressive forms of payment as well as correlation of these forms of stimulating wages at the large enterprises of the region. In addition, it shows the differences in wage levels depending on the conditions, type, scope and quality of work of the low- and high-paid categories of young workers – low-skilled workers and highly skilled workers (Stakhanovites). This paper also deals

with application of monetary encouraging bonus system of the Stakhanovite labor characterized by high performance. At the same time the living conditions of wartime decreased the role of salaries in sustainment of young workers due to the growth of market prices and fiscal pressure from the state in general. However, normalized distribution of food and manufactured goods grew into a sort of commodity-money exchange, which at the same time rendered complete devaluation of wages impossible from the young workers' viewpoint. Accordingly, money wages maintained their value and played an important role in survival of the young workers during the war. Nonpayment or delayed payment of wages could trigger their negative reaction and lead to a breach of labor discipline. However, in general the monetary rewards ceased to play a separate role in material stimulation of their work, because the actual employment earnings depended on the system of rationing distribution.

Key words: Siberian rear, defense industry, young workers, monetary incentives, wages.

Dolgolyuk A.A. Personnel of Construction Organizations of Siberia in the Postwar Decade

The article characterizes the staffing situation in the building industry of Siberia after the Soviet victory in the World War II; identifies factors which led to increase in number of new workers in the building organizations. The reasons behind this were, in author's opinion, the growth of investment activities along with low level of mechanization in construction industry. The situation in the labor-market of Siberia and the USSR in general is characterized in connection with losses of population during the Great Patriotic War and large-scale reconstruction of the Soviet economy. During the fourth five-year plan there was an outflow of many retirees and house-wives; young people also left the construction sites in order to continue education. The majority of workers who had been previously mobilized to the construction industry returned to their homes. The author estimates the scale of forced labor in the building organizations; describes problems connected with using the POWs, internees and prisoners as labor force. In this paper dynamics of the number Siberian workers in the postwar decade by certain categories of industrial personnel and economic regions, "krajs" and "oblasts" are traced. The author gives examples of formation of several thousand strong collectives in Siberian construction industry. Growth rates of Siberian construction workers during the fourth (1946-1950) and fifth (1951-1955) five-year plans are calculated. The author describes specifics of sectoral structure of employment in the areas of new industrial development, where the share of builders was particularly high; notes accelerated growth in number of workers as compared with the national average rate; points at concentration of workers in certain production units which increased the share of Siberian workers in the total number of Russian construction workers.

Key words: Siberia, builders, personnel, production personnel, the dynamics of number.

Shuhay L.G. Political Situation in Kazakhstan before the Beginning of Virgin and Fallow Lands Campaign

The article investigates the state of agriculture in the Soviet Union and in particular in Kazakhstan on the eve and at the beginning of realization phase of the Communist Party policy aimed at virgin and fallow lands development in 1953 – 1954. The author analyzes circumstances of management

reshuffle in the Republic. The food crisis that struck the Soviet Union after World War II is also considered. The problem of providing the population with bread was very urgent. Soviet Union's new leadership under N.S. Khrushchev had to take immediate actions. The paper analyzes two possible solutions of the problem: agrarian reform could be conducted with either intensive or extensive methods. The first variant foresaw a profound transformation of relations of production, i.e. transition to the market mechanisms, including private interest that was attainable only after privatization of property, and above all – after establishment of private land ownership.

The author emphasizes that the System chose an extensive model of problem's solution for the purpose of self-preservation. A sharp increase in grain production was planned in order to soften (and then to resolve) the food crisis. In this regard, the government set a course for ploughing the huge land masses in the eastern areas of the country, i.e. "cultivation of virgin lands". The largest-scale ploughing was to be done in Northern Kazakhstan.

The key political figures of that time (among them were H.A. Borkov, Zh. Sh. Shayakhmetov, P.K. Ponomarenko, L.I. Brezhnev) are described in the article on the basis of publications and memoirs written by the prominent statesmen. The author reveals interrelations between Khrushchev's virgin lands program and state and party leadership change in Kazakhstan.

Key words: agriculture, agrarian reforms, food crisis, cultivation of virgin and fallow lands, indigenous population, grain production.

Protasov A.D., Tokmakova A.Y. Mikhail Ksaveryevich Korbuto as Researcher of Workers' Insurance in Pre-Revolutionary Russia

M. Korbuto (1899-1937), so called "Red Professor" from Kazan, significantly contributed to the Russian school of historical science and authored over 120 works. His fields of interest included the Red Revolution, Russian Provisional government and its labor legislation, as well as Kazan University history. The article focuses on the pre-revolutionary Russia labor insurance which was of a particular interest for the historian. The authors tracked down and analyzed over 100 works published by Michael Korbuto on the issue, as well as a number of contemporary publications on the researcher's fate and historical heritage. The study results in evaluating the historian's contribution to research of the workers' compensation insurance as well as specifics of his discourse under the circumstances of cultural and ideological pressure imposed on science in the 1920s-1930s. M.Korbuto's main accomplishment was first publication of the archives and data on the Police Department's participation in the insurance policy. The authors of the article reviewed a number of opinions that later led to criticism and oblivion of the researcher by the Soviet historiography. Finally, the researcher was sentenced to death as it was obvious to the official ideologists that he supported the workers' compensation insurance conducted by the tsarist government. Moreover, he sympathized with victims of the political struggle in the USSR. The paper contributes to research of workers' insurance history as well as to studying life and scientific heritage of the suppressed scientists.

Key words: M.M. Korbuto, pre-revolutionary insurance of workers, labor legislation, Police Department, historian's fate, historiography.